

*Выпуск 4, 2020*

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254

ISSN 2500-2791 (online)

# Вестник Ивановского государственного университета



ISSN 2219-5254  
ISSN 2500-2791 (online)

# ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

---

Серия «Гуманитарные науки»

---

2020. Вып. 4

---

Научный журнал

Издается с 2000 года

---

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,  
информационных технологий и массовых коммуникаций.  
Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78823

---

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

---

## РЕДАКЦИЯ:

- Е. М. Тюленева*, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)  
*Г. С. Смирнов*, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)  
*В. М. Тюленев*, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)  
*О. С. Горелов*, канд. филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)  
*А. Ю. Алексеев*, д-р филос. наук (Россия, Москва)  
*М. В. Белов*, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)  
*К. В. Воденко*, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)  
*Н. Ю. Гвоздецкая*, д-р филол. наук (Россия, Москва)  
*Д. И. Дубровский*, д-р филос. наук (Россия, Москва)  
*А. И. Жеребин*, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)  
*А. А. Житнев*, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)  
*Ф. И. Карташкова*, д-р филол. наук (Россия, Иваново)  
*Е. В. Маринова*, д-р филос. наук (Болгария, София)  
*Р. Я. Подоль*, д-р филос. наук (Россия, Рязань)  
*Д. И. Польшанский*, д-р ист. наук (Россия, Иваново)  
*Ф. А. Селезнев*, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)  
*Д. Г. Смирнов*, д-р филос. наук (Россия, Иваново)  
*Ц. Й. Степанов*, д-р ист. наук (Болгария, София)  
*А. А. Федотов*, д-р ист. наук (Россия, Иваново)  
*В. Н. Финогентов*, д-р филос. наук (Россия, Орёл)  
*З. А. Харитончик*, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)  
*Ю. Л. Цветков*, д-р филол. наук (Россия, Иваново)  
*В. Л. Черноперов*, д-р ист. наук (Россия, Иваново)  
*К. А. Юдин*, канд. ист. наук (Россия, Иваново)

## Адрес редакции:

153025 Иваново,  
ул. Тимирязева, 5, к. 304  
e-mail: [vestnik.ivgu@mail.ru](mailto:vestnik.ivgu@mail.ru)

Подписной индекс в каталоге  
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена  
на сайтах [www.elibrary.ru](http://www.elibrary.ru),  
[www.ivanovo.ac.ru](http://www.ivanovo.ac.ru)

© ФГБОУ ВО «Ивановский  
государственный университет», 2020

ISSN 2219-5254  
ISSN 2500-2791 (online)

# IVANOV STATE UNIVERSITY BULLETIN

---

Series «The Humanities»

---

2020. Issue 4

---

Scientific journal

Issued since 2000

---

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,  
Information Technology and Mass Communications.  
Registry entry III № ФС 77-78823 of July 30, 2020

---

Founded by Ivanovo State University

---

## EDITION:

- E. M. Tyuleneva*, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)  
*G. S. Smirnov*, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)  
*V. M. Tyulenev*, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)  
*O. S. Gorelov*, Candidate of Science, Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)  
*A. Yu. Alekseev*, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)  
*M. V. Belov*, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)  
*K. V. Vodenko*, Doctor of Philosophy (Russia, Novocherkassk)  
*N. Yu. Gvozdetskaya*, Doctor of Philology (Russia, Moscow)  
*D. I. Dubrovsky*, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)  
*A. I. Zherebin*, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)  
*A. A. Zhitenev*, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)  
*F. I. Kartashkova*, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)  
*E. V. Marinova*, Doctor of Philosophy (Bulgaria, Sofia)  
*R. Ya. Podol*, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)  
*D. I. Polyvyanny*, Doctor of History (Russia, Ivanovo)  
*F. A. Seleznev*, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)  
*D. G. Smirnov*, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)  
*C. Y. Stepanov*, Doctor of History (Bulgaria, Sofia)  
*A. A. Fedotov*, Doctor of History (Russia, Ivanovo)  
*V. N. Finogentov*, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)  
*Z. A. Kharitonchik*, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)  
*Yu. L. Tsvetkov*, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)  
*V. L. Chernoperov*, Doctor of History (Russia, Ivanovo)  
*K. A. Yudin*, Candidate of Science, History (Russia, Ivanovo)

## Address of the editorial office:

153025, Ivanovo,  
Timiryazew str., 5, office 304  
e-mail: [vestnik.ivgu@mail.ru](mailto:vestnik.ivgu@mail.ru)

Index of subscription  
in the catalogue «Russian Press» 41512  
Electronic copy of the journal can be found  
on the web-sites [www.elibrary.ru](http://www.elibrary.ru),  
[www.ivanovo.ac.ru](http://www.ivanovo.ac.ru)

## СОДЕРЖАНИЕ

---

---

### Филология

#### *Литературоведение*

<b>Андреянова Е. Е.</b> Особенности реализации субъектно-пространственных моделей в цикле «Жизнь в пространстве» Г. Рымбу .....	7
<b>Гавриков В. А.</b> Имя Имен Александра Башлачева .....	12
<b>Лаврентьева Н. В.</b> Образ птицы в романах Макса Фрая .....	21
<b>Меркушов С. Ф.</b> Некоторые аспекты метафизического измерения абсурда в современной отечественной литературе .....	26
<b>Холодова З. Я.</b> Определение эстетической позиции в литературно-критических статьях М. Хвылевого 1925—1926 годов .....	33

#### *Языкознание*

<b>Богатикова Ю. А.</b> Гипертекст как параметр градуальной шкалы «документальность — художественность» в творчестве П. Акройда .....	41
<b>Коцюбинская Л. В., Калинина С. В.</b> К вопросу классификации неонимов в английской терминосистеме нефтепереработки .....	46
<b>Ощепкова В. В., Соловьева Н. В.</b> Академический английский: английский как иностранный или как лингва франка? .....	52
<b>Сухова Н. В.</b> Использование собственного корпуса в преподавании дисциплины «Практическая фонетика английского языка» .....	59

### История

<b>Балдин К. Е.</b> Сельскохозяйственное просвещение крестьян Костромской губернии в начале XX в. ....	65
<b>Околотин В. С.</b> Производство спецпродукции на кинешемском анилиновом заводе им. М. В. Фрунзе (завод № 756) в 1942 году .....	76
<b>Христенко Д. Н.</b> Война в Персидском заливе (1990—1991 гг.) в воспоминаниях американского президента Дж. Буша-старшего .....	83
<b>Цивилева В. Е.</b> Иудеи на позднеантичном западе: случай на Менорке .....	91
<b>Юдин К. А.</b> Советская кинополитика на завершающем этапе «холодной войны» (конец 1970 — начало 1990-х гг.) .....	98

### Философия

<b>Брагин А. В.</b> Цивилизация постмодерна: мир есть война? .....	108
<b>Вавилова Е. Ю., Петряков Л. Д.</b> Контр-дискурсивные и псевдо-дискурсивные практики как признак холодной войны .....	116
<b>Тимошук А. С., Трофимова Н. Н.</b> Пандемия: мир по одну сторону баррикады .....	121
<b>Легина Н. Н., Тряскова Ю. М.</b> Военный текст продукта современной массовой культуры (на примере анимационного сериала «Гравити Фолз») .....	130

<b>Назаров М. А.</b> Влияние холодной войны на кинематограф США. На примере фильма «Красный рассвет» (1984) .....	139
<b>Матвеев А. А.</b> Миграционные войны нового технологического уклада .....	147
<b>Океанский В. П., Океанская Ж. Л.</b> «Софийные сказки»: Ливны и потерянный рай .....	154

### **Хроника научной жизни**

Конференция «Языки и культуры в современном мире» в Ивановском государственном университете ( <i>С. А. Маник</i> ) .....	161
Преподаватели ИвГУ на Международной конференции «Modern Issues in Teaching Foreign Languages» ( <i>Е. А. Шилова</i> ) .....	163
Ивановская лексикографическая школа на Международном саммите в Казани ( <i>С. А. Маник</i> ) .....	164
<i>Сведения об авторах</i> .....	166
<i>Информация для авторов журнала</i> <i>«Вестник Ивановского государственного университета»</i> .....	171

## CONTENTS

---

---

### Philology

#### *Literary study*

<b>Andreyanova E. E.</b> Features of realization of subject-spatial models in the cycle “Life in space” by G. Rymbu .....	7
<b>Gavrikov V. A.</b> Name of the Names of Alexander Bashlachev .....	12
<b>Lavrent’eva N. V.</b> The image of a bird in Max Fry's novels .....	21
<b>Merkushov S. F.</b> Some aspects of the metaphysical dimension of the absurd in modern russian literature .....	26
<b>Kholodova Z. Y.</b> Determining aesthetic position in the literary-critical articles (1925—1926) of M. Khvylovyi .....	33

#### *Linguistics*

<b>Bogatikova Ju. A.</b> Hypertext as the parameter of cognitive gradual scale <i>fiction</i> — <i>nonfiction</i> in works by P. Ackroyd .....	41
<b>Kotsyubinskaya L. V., Kalinina S. V.</b> To the question of neonyms’ classification in the english terminology of oil refining .....	46
<b>Oschepkova V. V., Solovyeva N. V.</b> Academic english: english as a foreign language or as a lingua franca? .....	52
<b>Sukhova N. V.</b> «A course in phonetics»: a purpose-designed corpus and its potential usage .....	59

### History

<b>Baldin K. E.</b> Agricultural education of the peasants in Kostroma province in the early 20th century .....	65
<b>Okolotin V. S.</b> Production of special products at the Kineshma aniline plant named after M. V. Frunze (plant number 756) in 1942 .....	76
<b>Khristenko D. N.</b> The gulf war (1990—1991) in the memoirs of american president George H. W. Bush .....	83
<b>Tsivileva V. E.</b> Jews in the late antique west: the case of Minorca .....	91
<b>Yudin K. A.</b> Soviet cinema politics at the final stage of the «cold war» (late 1970’s — early 1990’s) .....	98

### Philosophy

<b>Bragin A. V.</b> The civilization of postmodern: peace is war? .....	108
<b>Vavilova E. Yu., Petryakov L. D.</b> Conter-discursive and pseudo-discursive practices as a sign of the Cold War .....	116
<b>Timoschuk A. S., Trofimova N. N.</b> Pandemic: world on one side of the barricade .....	121
<b>Letina N. N., Tryaskova Ju. M.</b> The military text as the product of the modern mass culture (on the example of the «Gravity Falls» animation) .....	130

<b>Nazarov M. A.</b> Impact of the Cold War on the US Cinema. The «Red Dawn» (1984) case .....	139
<b>Matveev A. A.</b> Migration wars of a new technological era .....	147
<b>Okeanskiy V. P., Okeanskaya J. L.</b> «Sophia fairy tales»: Livny and the losten paradise .....	154

**Chronicle of scientific life**

Conference “Languages and Cultures in Contemporary World” in Ivanovo State University ( <i>S. A. Manik</i> ) .....	161
IvSu Professors at the International Conference «Modern Issues in Teaching Foreign Languages» ( <i>E. A. Shilova</i> ) .....	163
Ivanovo Lexicographic School in International Kazan Summit ( <i>S. A. Manik</i> ) .....	164
<i>Information about the authors</i> .....	166
<i>Information for the authors of «Ivanovo State University Bulletin»</i> .....	171

УДК 821.161.1-1  
ББК 83.3(2=411.2)64-45  
DOI: 10.46726/H.2020.4.1

*Е. Е. Андреева*

### **ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫХ МОДЕЛЕЙ В ЦИКЛЕ «ЖИЗНЬ В ПРОСТРАНСТВЕ» Г. РЫМБУ**

В статье предлагается анализ основных пространственных моделей в стихотворном цикле Г. Рымбу «Жизнь в пространстве», освещается принцип взаимодействия различных типов пространств в текстах. Акцентируется внимание на роли социально-политического пространства и его влиянии на формирование прагматики высказывания. Галина Рымбу прорабатывает пространство политической травмы и личного опыта, который вписывает в современный общественный контекст. Телесное пространство становится объединяющей силой, через которую происходит рождение нового мира, сводящего природное, информационное, когнитивное пространства. Поэтический текст становится способом преодоления ограничений, а пространство личного, осмысляемое Рымбу в контексте современной политической ситуации, становится триггером, провоцирующим смену оптики с гражданско-правовой на субъективно-доверительную.

*Ключевые слова:* субъектно-пространственные модели, прагматика высказывания, телесное пространство, инновативная поэзия.

*Е. Е. Andreyanova*

### **FEATURES OF REALIZATION OF SUBJECT-SPATIAL MODELS IN THE CYCLE “LIFE IN SPACE” BY G. RYMBU**

The article offers an analysis of the main spatial models in the poetic cycle of G. Rymbu “Life in Space”, highlights the principle of interaction of different types of spaces in texts. The attention is focused on the role of the socio-political space and its influence on the formation of pragmatism of the statement. Galina Rymbu works on the space of political trauma and personal experience, which she fits into the modern social context. The bodily space becomes a unifying force through which a new world is born, bringing together natural, informational, and cognitive spaces. A poetic text becomes a way to overcome these limitations, and the space of the personal, comprehended by Rymbu in the context of the modern political situation, becomes a trigger provoking a change in optics from civil law to subjectively confidential.

*Key words:* subjective-spatial models, pragmatics of expression, bodily space, innovative poetry.

Сборник текстов Г. Рымбу «Жизнь в пространстве» был выпущен в серии «Новая поэзия» издательства «Новое литературное обозрение» в 2018 году. В него вошли циклы стихотворений, некоторые из которых ранее публиковались в печатных изданиях и интернет-платформах. Книга разбита на четыре незаглавленные главы и пятую — «Космический просpekt».

---

© Андреева Е. Е., 2020



Поэт Анна Глазова в предисловии к сборнику определяет его основную тему — «материальность и организация материи во времени и пространстве, в первую очередь во времени и пространстве письма» [1, с. 6]. Язык становится не просто способом выражения пространств, а одним из самых основных полей и структур, которые одновременно обозначают границы мысли, но при этом стремятся эти границы нарушить. Об этом также упоминает, размышляя о поэтике Г. Рымбу, в своей статье Станислав Львовский: «новая субъектность предъявляет, парадоксальным образом, не вроде бы очевидное требование обособления. Напротив, она требует умения в те или иные моменты ощутить себя частью общности — не теряя при этом, однако, ясного представления о собственных границах и не жертвуя автономией — личной, социальной, культурной. Требование это оказывается тем более проблематичным, что оно только вначале предъявляется человеком Галиной Рымбу к поэту Галине Рымбу» [2]. Для автора особенно актуален вопрос о взаимодействии разных типов речи, присущих разным пространствам и категориям, особенно политико-социальному полю, которое ограничивает язык и заключает его в рамку стереотипного восприятия и предсказуемой интерпретации. О важности взаимодействий поля языка с актуальными социально-политическими событиями Галина Рымбу не раз упоминала, анализируя место своих текстов в современном поэтическом дискурсе [4, 5].

Так как языковое пространство обычно трактуется через призму пространств культурных, философских, политических и общественных, то Рымбу стремится освободить речь от условностей и ограничений, вернуть его в естественное поле природы и телесности, в котором субъекты равны. В этом отношении идея равенства пространств связана с социалистическими взглядами автора, которая стремится в своих текстах преодолеть не только классовую детерминированность, но также гендерную, возрастную, территориальную и культурную. Об использовании пространства языка как поля, объединяющего и соединяющего различные части действительности, также пишет Анна Глазова: «стихи превращаются в инвективу, выбрасывающую речь из поэзии в подобие юридического ходатайства в защиту пострадавших от человеческой несправедливости» [1, с. 9].

Но не только языковое пространство переосмысливается и по-новому обживается в текстах Рымбу. Социальное пространство, его вариации и фрагменты, становятся участниками построения нового утопического мира, в котором разные представители сообществ не разделены по идеологическим, материальным и физиологическим признакам, а переживают процесс воссоединения и взаимопроникновения. В восприятии субъекта любое пространство независимо от его территориального расположения накладывает границы, которые вкупе с языковыми ограничениями сковывают свободу. Язык же выступает в качестве уравнивающего поля, которое связывает между собой людей, сохраняя их идентичность и самостоятельность, но избегая разделения и обозначения рамок. Анализируя рефлексивную сущность текстов Рымбу, Глазова также отмечает объединяющую силу поэтического языка: «Это сообщество тех, кто ищет границ с ближними и находит общность с ними в совместном нащупывании и проживании границ» [1, с. 12]. Границы же, которые устанавливаются в обществе и языке, по мнению Рымбу, должны быть переосмыслены и перепридуманы заново с учетом социально-политических изменений, произошедших в России с 1990-х годов.

Категория времени в текстах Рымбу осмысливается через взаимодействие различных типов пространств. Указание на временной отрезок заменяется перечислением пространств, которые субъект переживал или представлял в определенный момент. При этом изменения, косвенно связанные с течением времени, касаются пространств, но минуют субъекта. Через пространства осмысливается и память, которая выступает в роли поля, хранящего незаконченные пространства и их языковое воплощение. Чувственный опыт, заключенный в пространстве памяти, впаивается в политическое поле с проживанием травмы прошлого так, что можно провести аналогию с насилием настоящего. Об этом пишет и сама Рымбу, размышляя об особенностях поэтики К. Корчагина: «Поэзия здесь — это, прежде всего, способ работы с коллективной травмой, возникающей как следствие отчуждения от истории: чтобы вырваться из травматического круга повторения и “вечного возвращения”, чтобы преодолеть тотальность травмы, нужно взять в руки осколки, “выпасть” во время, совладать с замкнутым пространством утраты» [6, с. 12].

В противовес пространству социальному Рымбу использует пространство телесное, отражающее мировоззрение субъекта высказывания. Главной отличительной особенностью функционирования тела как пространства является его пластичность. Так как Рымбу является активисткой феминистского движения в России и пропагандирует отсутствие социального ограничения в сексуальном выражении субъекта, то любое проявление чувственности интерпретируется в тексте как свобода проявления сущности не только с физиологической, но и с речевой стороны. Любое изменение ощущается через тело, оно является носителем языка и служит границей между реальностью и мышлением, выступая одновременно в роли проводника, транслирующего субъекта в мир вещественный и идейный. Половое различие не разделяет телесное пространство, а обозначает точки сближения субъектов, в которых происходит нивелирование границ. Язык в данном случае выступает как связывающий материал, а поэзия становится полем, освобождающим процесс слияния частей в целое: «Сила, сближающая людей, не способна непосредственно соединить их, она нуждается в посредстве, посредничестве чего-то, что организует среду их сообщества. Таким посредником — истцом — за силу притяжения и становится поэзия как сообщение» [1, с. 13]. Практически всегда телесное пространство соотносится с бытовым, сближая восприятие субъекта с границами реальности. Так как телесность естественна и неизбежна, то она не поглощает социальное пространство, а как бы наслаивается на него, стараясь разрушить рамки и условности, продиктованные государством и обществом. Пространство тела в текстах Рымбу часто выступает связующим элементом, выполняя и охраняющую функцию и обозначая архаическую тягу к разрушению и одновременному объединению.

Первый цикл поэтического сборника автора «Жизнь в пространстве» включает в себя основные типы реализации пространственных типов и инновационный подход к их функционированию в тексте. Стоит подробнее остановиться на одноименном тексте, открывающем сборник:

жизнь в ограниченном пространстве, так что недостоверно любое пространство; под мусорным куполом быстрые перемещения в поисках белой еды; перевернутый грузовик с продуктами, дождь, потоки грязи, сбивающие с ног, вывеска сбитыми символами о том, что было сохранено: то, что описывало, окружало ситуацию еще до слов. между отсутствием и проявлением — связки серого времени [3, с. 17].

В первой строке текста субъект высказывания фиксирует ограниченность пространства, находясь при этом непосредственно в его рамках, которые ставят под сомнение объективность и достоверность происходящего. Бытовое пространство фиксирует реальность, накладывающую социальные границы и подвергающую субъект насилию: «перевернутый грузовик с продуктами, дождь, потоки грязи, сбивающие с ног». Природное пространство становится частью быта, проникает в него, становится равноправным, смешивается в потоке интерпретаций, которые накладывает социальный контекст. Для Рымбу границы не абстрактные ограничения, наличие или отсутствие которых меняет прагматику высказывания, а жестко очерченные поля взаимодействий, которые непременно нужно сломать и побороть. Радикализация границ доходит до их манифестации. При этом Рымбу, много работая с социально-политическим дискурсом, понимает жесткость заложенных обществом норм, ограничивающих в первую очередь язык. Пространство реальности провоцирует субъект на производство определенного типа речи именно за счет отсутствия свободы выбора: «то, что описывало, окружало ситуацию еще до слов». Границы, которые устанавливаются между пространствами, содержатся не только и не столько в языке, сколько в государственном устройстве и стереотипизации дискурса. Время материализуется и понимается как связка прожитых субъектом пространств, величину которой можно измерить высказыванием с момента его задумки до воплощения.

Похожее взаимодействие между социальным пространством и субъектом можно увидеть в еще одном стихотворении цикла:

сознание вчерчивается в глубину состояния, в стену осоки над промышленным озером; толкование размещает дом на краю района, вызывая лифт тела в шахту представления. глубина малого места. держа за занавеску. интерфейс в стачке с потерянными временем, промышленный череп, поднятый над домом, раскрытые половицы; она продолжает говорить по телефону и собирать *вещи девушки*, он затемнен — ближе к стене [3, с. 19].

В данном тексте к социальному и бытовому пространству добавляется пространство телесное, осмысленное субъектом через призму чувственного опыта. Эмоциональное изменение происходит через смену пространственных структур, ментальное переходит в природное и трансформируется в бытовое: «сознание вчерчивается в глубине состояния, в стену осоки над промышленным озером». Тело становится связующим звеном между архитектурными ландшафтами, обозначающими социальное пространство, и языковым пространством, которое заключено в рамки политического и исторического опыта субъекта. Автор использует урбанистическую метафору, чтобы показать зависимость тела и сознания: «толкование размещает дом на краю района, вызывая лифт тела в шахту представления». Речь может дойти до адресата только через преодоление границ, в том числе разрушая и границы интерпретации, обусловленные классовым или культурным контекстом. В этом также отчетливо виден мотив Рымбу не просто объединять различные пространственные разновидности в одно поле, но и накладывать один вид на другой, стараясь избегать отчуждения и градации. В тексте заметна попытка придать высказыванию объективность за счет использования документальной интонации, выведения субъекта за границы описываемых пространств. Он проявляется через перечисление действий, выполняя при этом функцию проектора: «она продолжает говорить по телефону и собирать *вещи девушки*, он затемнен — ближе

к стене». Это не субъект, нейтрально находящийся за текстом, а субъект-камера, взгляд которого и является границами, которые Рымбу хочет взорвать.

Динамика пространств, их возможность постоянного изменения и взаимного проникновения также является одной из самых необходимых функций текста:

снова движение прибито к земле, и пьет свой старый напиток владыка-рабочий в глубине ледника. черное солнце горы спускается в ящик припадка. чувствуешь, как останки травы обнимают лицо. холодные камеры в каплях лица, которые смотрят, как в другой глубине он становится ей, становится столпотворением, ночной органикой перехода под безлюдным знаком ножа. в открытом пространстве, врезаясь в границы, освещенные холодным сиянием соединений мелких животных, она наблюдает, как он становится ей; и пустыня противодействия одолевает его спящее тело [3, с. 22].

Взаимное проникновение телесного и природного пространств проявляется в тексте постепенно. Через движение, через наложение одного пространства на другое показано зарождение поэтического текста, вбирающего в себя окружающую действительность. Преодоление границ в цикле «Жизнь в пространстве» происходит не через разрыв, а через постепенное сглаживание различий: «черное солнце спускается в ящик припадка. чувствуешь, как останки травы обнимают лицо». Процесс осмысливания пространств происходит через телесное восприятие субъекта, при этом его точка зрения в рамках текста меняется с личной на отстраненную, фиксирующую движение за пределами пространства: «холодные камеры в каплях лица, которые смотрят, как в другой глубине он становится ей, становится столпотворением, ночной органикой перехода под безлюдным знаком ножа». Динамика пространств позволяет им менять свою структуру, преодолевать гендерные («становится ей»), личностные («становится столпотворением») границы, становясь не просто свободным пространством, а самой возможностью существования без ограничений.

Рымбу стремится преодолеть и языковые границы, вернуть тексту способность существовать вне каких-либо ограничений. Любой опыт, полученный субъектом, должен не сковывать язык и сужать сферу его реализации, а добавлять тексту новые поля и пространства, существующие вне субъекта, но сохраняя память о нем:

как будто иглой ты стала, стала этим утром и прокалываешь восприятие; и снова все в шов возвращается: то, что ты моя мать или книга, — вы вместе погружены в песок лица. капли камер, собранные другими из нас, из нашего опыта, тонкие тени, организующие огонь и глину, доставляют касание к тебе через невозможный момент, пропущенный знак в действительной книге [3, с. 28].

Как уже говорилось выше, язык Рымбу воспринимается как инструмент и объединяющее поле, организующее и примиряющее идеологически и функционально различные пространственные типы. Он становится и иглой, сшивающей пространство и субъекта, и временем, в котором слово и вещь сходятся в одной плоскости. Любое ограничение снимается, обнажая способность субъекта переходить из одного состояния в другое: «то, что ты моя мать или книга, — вы вместе погружены в песок лица». Через язык происходит объединение телесного и природного, субъект выходит за границы своего восприятия и присваивает себе вселенский опыт: «капли камер, собранные другими из нас, из нашего опыта, тонкие тени, организующие огонь и глину».

Таким образом, можно заметить, что цикл «Жизнь в пространстве» более ориентирован на работу с идеологическим полем, в то время как последующие циклы сосредотачиваются на осмыслении социально-политической ситуации и преодолении границ личного опыта самой Рымбу.

#### Список литературы

1. Глазова А. Истец за силу // Рымбу Г. Жизнь в пространстве. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 5—14.
2. Львовский С. Галине Рымбу: Полностью проживаемое происходящее // Воздух. 2016. № 1. URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2016-1/lvovsky-orymbu/> (дата обращения: 16.11.2020).
3. Рымбу Г. Жизнь в пространстве. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 128 с.
4. Рымбу Г. Интервью // Воздух. 2016. № 1. URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2016-1/rymbu-interview/> (дата обращения: 10.11.2020).
5. Рымбу Г. «Задача политической поэзии — подрыв ложной надклассовой ментальности» [интервью] // Российское социалистическое движение. 2016. 10 февр. URL: [http://anticapitalist.ru/archive/kultura/galina\\_rymbu\\_zadacha\\_politicheskoy\\_poezii\\_v\\_podryive\\_lozhnoj\\_nadklassovoj\\_mentalnosti.html](http://anticapitalist.ru/archive/kultura/galina_rymbu_zadacha_politicheskoy_poezii_v_podryive_lozhnoj_nadklassovoj_mentalnosti.html) (дата обращения: 06.11.2020).
6. Рымбу Г. Обитатели руин // Корчагин К. Все вещи мира. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 5—24.

УДК 821.161.1-1

ББК 83.3(2=411.2)64-45

DOI: 10.46726/H.2020.4.2

**В. А. Гавриков**

### ИМЯ ИМЕН АЛЕКСАНДРА БАШЛАЧЕВА

Александр Башлачев создал сложный поэтический миф, который трудно связать с неомифологизмом. Скорее поэт пытался восстановить древнее реликтовое мышление с учетом достижений современной поэзии. Сердцевиной сакрального башлачевского мифа является мифологема Имя Имен. Это сложный комплекс отсылок к различным религиозным и философским традициям, к различным интертекстам. Ядром Имени Имен являются библейские отсылки: как ветхозаветные, так и новозаветные. Главные среди них: история о Вавилонской башне и мотивы, связанные с Рождеством Христовым. Однако прецедентные мотивы у Башлачева серьезно изменены: речь идет не только о переосмыслении сакраментальных событий, но об их повторении в будущем. Это повторение библейских историй переносится на русскую почву: рождения Имени Имен в виде младенца Башлачев ждет именно на русских просторах. Тем не менее Имя Имен не только антропоморфно: оно может соотноситься с древнегреческим и христианским Логосами, с восточным Дао и др. Имя Имен — это еще и синтетическая религия, в которой аккумулируются все мировые верования на манер движения Нью-Эйдж. Главное же в Имени Имен — его апокалипсический подтекст: поэт ждет скорого обновления мира, и главным «делателем» Апокалипсиса будет именно Имя Имен.

**Ключевые слова:** Александр Башлачев, Имя Имен, миф, библейские события, Апокалипсис, мировые религии, Логос, Дао.

V. A. Gavrikov

## NAME OF THE NAMES OF ALEXANDER BASHLACHEV

Alexander Bashlachev created a complex poetic myth that is difficult to correlate with neomythologism. On the contrary, the poet tried to restore the ancient relict thinking, taking into account the achievements of modern poetry. The mythologeme Name of Names is the center of the sacred Bashlachev myth. The Name of Names is a complex set of references to various religious and philosophical traditions, intertexts. The core of the Name of Names is biblical references, both Old Testament and New Testament. Major events borrowed: the story of the Tower of Babel and the Nativity of Christ. However, these events with Bashlachev are seriously changed. The reason is that the poet is not referring to the past, but to the future. According to Bashlachev, the biblical events will be repeated, but will appear in a different guise. Sacred events are transferred to Russian soil: Bashlachev is waiting for the birth of the Name of Names in the form of a baby in the Russian expanses. Nevertheless, the Name of Names is not only anthropomorphic: it can correlate with the ancient Greek and Christian Logoi, with the Eastern Tao, etc. The Name of Names is also a synthetic religion in which all world beliefs are accumulated in the manner of the New Age movement. The main thing in the Name of Names is its apocalyptic subtext: the poet is waiting for the imminent renewal of the world, and it is the Name of Names that will be the main “maker” of the Apocalypse.

**Key words:** Alexander Bashlachev, Name of Names, myth, biblical events, Apocalypse, world religions, Logos, Tao.

В русскоязычной песенной поэзии этот человек является одной из ключевых фигур. Более того, если нашу поэтическую песенность разделить на два больших течения — авторская песня («бардовская») и рок-поэзия — то безусловным поэтическим лидером второй будет именно Александр Башлачев. В 2019 году вышла моя книга «В поэтической вселенной Башлачева», так вот там я обнаружил более 200 научных статей, посвященных исключительно творчеству Башлачева. А есть еще несколько диссертаций, сборников статей, монографий. Более того, среди авторов, родившихся в 60-е, на сегодняшний день Башлачев, вероятно, самый изучаемый поэт.

Его творчество оказало сильнейшее влияние на таких «звезд рок-н-ролла», как Шевчук, Гребенщиков, Дягилева, Летов, Кинчев, Цой... Удивительно единодушие представителей рок-искусства в оценке Башлачева: в один голос они называют его лучшим, талантливейшим и т. п. Но и «внешние» считают песни поэта самобытным явлением русской словесности. Так, поэзию Башлачева высоко оценили «старшие» классики, такие как Окуджава и Евтушенко.

Ключевым образом-символом башлачевской поэтики является мифологема Имя Имен. Именно мифологема, так как поздняя поэтическая система Башлачева насквозь мифологична, более того, речь идет даже не столько о неомифологизме — подражании реликтовым структурам, а о попытке восстановить древнее мистическое воззрение на мир, предпринятая, что называется, интенционально, намеренно.

О мифологеме Имя Имен я писал неоднократно, и каждый раз находил все новые и новые потенции этого образа-символа. В настоящей статье я попытаюсь обобщить все эти наработки. Начну с ключевой цитаты, в которой поэт приоткрывает нам дверь к этой тайне: «Вот недавно одна моя знакомая

сдавала зачет по атеизму. Перед ней стоял такой вопрос: “Основная религия?”. Я ей сказал: “Ты не мудри. Скажи им, что существует Имя Имен (если согласишься, у меня есть песня по этому поводу). Это Имя Имен можно представить как некий корень, которым является буддизм, суффиксом у него является ислам, окончанием — христианство, а приставки — идиш, ересь и современный модерн”» [6, с. 600].

Возможно, под словом «идиш» Башлачев подразумевает «иудаизм», а может быть, поэт оговорился, желая сказать «индуизм» (слова «идиш» и «Индия» созвучны). В любом случае, перед нами не только традиционные религии, но и художественные идеологии: «современный модерн», возможно, есть «постмодерн». Кроме того, Башлачев говорит о ереси, имея в виду, вероятно, вовсе не то, что под этим понятием понимает Церковь (ср. другое его высказывание: «Истина рождается, как еретик, а умирает, как предрассудок»).

Получается, что сфера традиционных верований и сфера искусства соединены в сознании Башлачева в некую синтетическую «основную религию», которую С. В. Свиридов справедливо называет «филологической верой», отмечая: «Вера Башлачева напоминает самые разные интеллектуальные или мистические концепции — от Флоренского и Афонской ереси до хлыстовства, от символизма до авангарда» [8, с. 62].

Обратим внимание также на то, что Башлачев, рассуждая о сути Имени Имен, апеллирует к своей одноименной песне, анализ которой не просто уточняет, но в какой-то степени даже противоречит данной выше панрелигиозной трактовке. Таким образом, в настоящей статье я хочу аккумулировать по возможности все толкования этого образа-символа.

Башлачев пытался пробиться к глубинному смыслу слов, к древним корням. Возможно, это была даже попытка реконструировать «адамов язык». Если пойти еще дальше, то можно предположить, что поэт искал центр этого языка, его первооснову, некий единственный корень, из которого выросли все остальные. Этот корень и будет самой сакральной точкой, сердцевинной башлачевского мифа.

В качестве такого ядра может быть выдвинуто Имя Имен. Вспомним, как определял миф А. Ф. Лосев в работе «Диалектика мифа»: «Миф есть в словах данная чудесная личностная история. Это и есть все, что я могу сказать о мифе» [5, с. 195]. Далее мыслитель, оставив в фокусе внимания лишь две категории «личность» и «слово», сводит их воедино (к категории имени): «Миф есть развернутое магическое имя. И тут мы добрались уже до той простейшей и окончательной сердцевины мифа, дальше которой уже нет ничего и которое дальше неразложимо уже никакими способами. Это — окончательное и последнее ядро мифа...» [5, с. 196].

Если «имя» — ядро мифа, то Имя Имен — ядро ядра? Исходя из этого суждения, можно было бы сделать вывод о том, что Имя Имен — центральное звено башлачевской поэтической системы, некое условное наименование первого корня, предъязыкового истока всех остальных слов. Однако мне кажется, что поэту так и не удалось соединить все корни в единый мегакорень; они так и остались в состоянии «распыленности». Таким образом, Имя Имен — это не само сакральное «первослово», а его «определение», лишь указание на звукокод, но не название звукокода.

Приведу еще одно высказывание А. Ф. Лосева: «Нет ведь <...> ничего иного, кроме единой и нераздельной, абсолютной единичности, универсального имени перво-сущности. Имя не разбито, не оскорблено, не ослаблено

со стороны иного. Имя не затемнено, не забыто, не уничтожено, не хуляется материей. Имя перво-сущности сияет во всей своей нетронутости предвечно-го света в инобытийной своей мощности, преодолевшей тьму меона» [4, с. 29]. Как тут не вспомнить песню: «Имя Имен не урвешь, не заманишь, не съешь, нехватишь в охапку»?

Имя Имен может быть именем Бога. Разумеется, есть искус сопоставить ключевую башлачевскую мифологию с имеславием, что уже было сделано С. В. Свиридовым. Он справедливо говорит об «интуитивной реинкарнации идей имеславия» [8, с. 64]. Подчеркну здесь слово «интуитивное» — по всей вероятности, Башлачев действительно не пытался переносить какие-то «выстроенные» религиозные и философские доктрины на свою творческую почву. Поиск шел по наитию: «Мышление Башлачева, вообще говоря, производит впечатление не анти- и не вне-, а до-рационального, умозрение в нем заменяется переживанием» [11, с. 26]. Этот тезис С. С. Шаулова кажется если не стопроцентно точным, то скорее верным, чем наоборот. Поэт следовал череде филологических «прозрений-откровений», считая, что они дарованы ему свыше. Однако я не считаю рассматриваемую здесь трактовку основной. И главным фактором, который говорит не в пользу версии о божьем имени, являются строки песни: «Имя Имен. Сам Господь верит только в него». Господь верит, видимо, не в свое имя (такой эгоизм был бы весьма странным), а верит Он во что-то (в кого-то?) наиболее близкое Себе, но не равное Себе.

Высказывание об Имени Имен из интервью, которое я уже приводил, может быть расценено как «реверанс» в сторону буддизма. Ведь именно буддизм назван корнем Имени Имен, то есть он — первоисточник, основа. Однако на проблему можно взглянуть и с иной — хронологической точки зрения. Буддизм, наоборот, менее других сакрален, так как был первым в череде человеческих верований (здесь я говорю о религиях, перечисленных Башлачевым, там нет, к слову, иудаизма и язычества). Потом знания накапливались, религии совершенствовались, чтобы прийти к некой сверхрелигии — Имени Имен.

А возможно, Башлачев рассуждал так: человечество (как и отдельный человек) в своем духовном развитии проходит ряд этапов, «возрастов». И ни один из этих возрастов не является временем греха и «мракобесия» (вспомним фразу из «Времени колокольчиков»: «рок-н-ролл — славное язычество»). Исходя из этой мысли, можно предположить, что и христианство или, допустим, ислам — не конечная точка развития системы. Не последний возраст человечества. Судя по всему, поэт хотел привести к общему знаменателю весь духовный опыт человечества, свести его к одной универсальной «формуле», то есть Имя Имен — нечто панрелигиозное, синтетическая религия для всех.

Еще версия: Имя Имен — это имя не божества, а имя какого-то конкретного человека (пусть и обладающего сверхъестественными способностями). Таким человеком в творчестве Башлачева является поэт — поэт-воин, поэт-пророк. Так что Имя Имен может быть именем Поэта Поэтов. Вспомним цитату из песни «На жизнь поэтов»: «Поэты в миру оставляют великое имя». Уж не «аналог» ли Имени Имен?

Можно посчитать, что Имя Имен это некий третий завет, то есть «Новейший завет» — итоговый, окончательный. Причем как Ветхий завет отражался в Новом, так и башлачевский «Новейший» имеет массу точек пересечения с Библией. Если по тексту Башлачева искусственно восстановить библейский сюжет, то окажется, что он наполнен отсылками к Рождеству.



В самом деле: вначале рождается некий сверхчеловек («особость» которого должна «признать повитуха»), в это же время в небе появляется («запеваает») звезда, а «сбитые с толку волхвы» пытаются отыскать место рождения пророка или мессии (то ли не заметив путеводной звезды, то ли она им показала неправильный путь). «Особость» этого рождения подчеркивается и лексемой «Рождество» (то есть опять возвращаемся к мысли о сверх- (или бого-) человеке): «Вольный ветер на красных углях ворожит Рождество». Появление в тексте некоей особой девы — «девицы Маши», перед которой само небо склоняется в поклоне, опять же отсылает к известному библейскому сюжету. Вот что на эту тему говорит О. В. Палий: «Очень интересны два стихотворения, в которых контаминируются различные типы речевых отсылок — “Имя Имен” и “Мельница”, повествующие о рождении и смерти Спасителя. В тексте “Имя Имен” аллюзия на христианский текст вводится через аллюзию на стихотворение Б. Пастернака “Рождественская звезда”. В пастернаковом тексте Рождество перенесено в зимнюю Россию (“Вдали было поле в снегу и погост, / Ограды, надгробья, / Оглобля в сугробе / И небо над кладбищем, полное звезд”» [7, с. 70]. Однако при более пристальном взгляде выясняется, что здесь далеко не только рождественские мотивы. Вообще интересно аккумулировать все библейские отсылки в песне «Имя Имен».

Первая. Сюжет о вавилонской башне и смешении языков: «смешав языки, мутим воду в речах», «Всей гурьбою на башню!»

Вторая. Намек на высказывание Исайи — Иоанна Крестителя про «прямые пути»: «Вкривь да врозь обретается верная стежка-дорожка».

Третья. Тот же Иоанн-предтеча возникает при упоминании Крещения: «Перекрести нас из проруби да в кипятке».

Четвертая. Послание апостола Павла Филиппийцам (2:9-10): «Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних...». Очень похоже на башлачевскую концепцию Имени Имен.

Пятая. Цитата: «Имя Имен прозвонит золотыми ключами...» есть намек на святого Петра, не первый у Башлачева (см. «Посошок», «Перекур»). Вот как об этом говорится в Евангелии от Матфея (16:19): «И дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах». Петр на иконах чаще всего изображается с ключами от рая.

Шестая. У Башлачева есть упоминание о Страшном суде: «станут Страшным судом — по себе — нас судить зеркала». Тема последнего суда над всею землею присутствует и в Ветхом Завете, и в Новом. Наиболее полно конец мира и последний суд описаны в Откровении Иоанна Богослова.

Ну и седьмая: широкий пласт отсылки к Рождеству.

То есть перед нами — соединение разных библейских историй, некий «эон», симультанное сплавление всех времен. Только здесь соединены не только библейские времена, но и времена года: «земляника в январском лукошке» — какой-то неявный намек на сказку «Двенадцать месяцев».

Если выстроить фабулу «Имени Имен» только из библейских отсылок, то получится следующее: грехопадение, смешение языков (Вавилон), Исайя, говорящий о прямых путях (ветхозаветные пророки), Рождество, волхвы — в поиске, Крещение, выход на проповедь Иоанна Крестителя (предтечи), деяния апостолов, последний суд.

На месте грехопадения, то есть в начале бедствий человечества стоит ложь («врем испокон»), недолжная речь («мутим воду в речах»). Эта утрата истинного языка, наверное, и есть, по Башлачеву, изгнание из рая. Но в башлачевском сюжете это грехопадение является вторым мотивом, то есть вторым событием, а первое — рождение того, кто способен изменить ситуацию коренным образом: «в первом вопле признаешь ли ты, повитуха?». Понятно, что сюжет здесь не равен фавуле.

Грехопадение привело к утрате прямых путей, однако — с рождением Имени Имен — гармония начинает восстанавливаться: «Вкривь да врозь обретается верная стежка-дорожка». И если рождение Имени Имен, скорее всего, отнесено к будущему, то грамматическая конструкция приведенной выше фразы указывает, что предтеча, который должен сделать пути прямыми, уже, вероятно, явился. Однако этот предтеча — уже не креститель, а крестит (младенца? Ведь в тексте есть повитуха) «юная девица Маша». Собственно, в этом есть некоторая логика: Иоанн крестил взрослых крещением покаяния. Сейчас же принято крестить в младенчестве, чтобы запечатать человека печатью Святого Духа. А так как в тексте есть колокола, купола, значит, речь идет о той Церкви, что создана после Первого пришествия. Правда, крестит «девица Маша» не одного кого-то, а некое сообщество: «перекрести нас...», и не ясно: входит ли в это «нас» мессия — Имя Имен? Но, думаю, скорее да.

Несколько апостольских следов в тексте как будто наводит нас на тему избранных божьих людей. Таковых в тексте можно выделить четыре группы: ветхозаветные пророки, волхвы (как бы там ни было, а они узнали о рождении мессии, ищут его), апостолы, предтеча или предтечи. Возможно, эти группы избранных есть, на самом деле, одна группа: волхвы являются и пророками, и апостолами, и предтечами? Собственно, это не так важно: главное, что эти божьи люди должны помочь мессии восстановить истинный язык, приобщить людей к божьему наречию.

А теперь эти библейские события сопоставим с русскими — и это будет некая «русская версия» данной мифологемы. То есть Имя Имен можно воспринять, как воплощение русского духа, русской идеи, имя какого-то русского богатыря или святого, обобщенно олицетворяющего образ русского народа. С. В. Свиридов справедливо отмечает: «Имя Имен национально (хоть одновременно и наднационально): крестительницей от его лица выступает “девица Маша” — не то “русифицированная” Дева Мария, не то хлыстовская “богородица”, не то сама Россия в женственном образе» [9, с. 68].

В «Имени Имен» есть следующие русские «темпоральные пласты»: Крещение (Владимир Красное Солнышко), былинная, фольклорная древность (ерш, витязь, былинка), пушкинский слой («бой с головой», «Красно Солнышко» — «Руслан и Людмила», «разбито корыто» — «Сказка о рыбаке и рыбке»), царская Россия (куда входит и Пушкин, и, возможно, ерш как отсылка к «Повести о Ерше Ершовиче»), советская Россия (политрук Клочков).

Перечислю некоторые явно русские приметы из «Имени Имен»: «Велика ты, Россия, да наступать некуда», «Сено в стогу», «Кровь на снегу — / Земляника в январском лукошке», печь, лучина, самовар, пуховый платок (вспомним известную песню «Оренбургский пуховый платок»), колокола, купола, иконы... все это — приметы (или клише) русского бытия. А еще в песне есть большой корпус русской фразеологии, который тоже может быть отнесен к русской теме («битый век на мечях», «с легкой дуги» — «с легкой руки», «вкривь да врозь» — «вкривь да вкось», «золотую горящую шапку» —

«на воре шапка горит», «как с гуся беда» — «с гуся вода», «запрягает, да не торопясь, не спеша» — «долго запрягает, да быстро едет», «заварена каша»).

Особенно интересен образ «пухового платка». Вспомним блоковский «мгновенный взор из-под платка», то есть Россия = женщина = платок. А также башлачевскую «Егоркину былину», где Русь предстает в образе цыганки, на плечи которой наброшена «расписная шаль» (цыганка — шаль: своеобразная синекдоха), притом, что художественное пространство былины сужается (и одновременно расширяется) до узора на России-шали.

И вот эти два больших пласта — библейский и русский — имеют интересные точки пересечения, главные из которых — два двенадцатых праздника: Рождество и Крещение (Богоявление). Евангельский рождественский слой уже рассмотрен, да и русский рождественский слой тоже в целом понятен. Что же касается Крещения, то евангельский слой здесь ослаблен (разве что есть намек на Иоанна Крестителя), а русский очевиден: он явлен и в апокалипсическом будущем («перекрести нас из проруби»: прорубь — примета русской зимы), и в историческом прошлом (Владимир Красное Солнышко — это одновременно и Владимир Креститель).

Есть и еще один интересный слой пересечений — литературно-языковой. Башлачев дважды апеллирует к истории вавилонского смешения языков (чуть ли не главный лингвистический эпизод Библии), а русский литературно-филологический пласт заключен в аллюзиях на сказки Пушкина и былинно-фольклорный «дискурс». Не стоит забывать и трансформацию фразеологизмов.

Еще слой: тема раздора, войны, разделения. Библейские отсылки: грехопадение и строительство Вавилонской башни, а также последний суд Всевышнего: это ведь тоже разделение на злых и добрых. В русском контексте тема войны дана эксплицитно: политрук Клочков, погибший, защищая Москву от фашистов, а еще — «бой с головой», да и вообще образ витязя. Фразеология тоже вписывается в этот контекст, например, фраза «битый век на мечах». Здесь мы можем увидеть излюбленный башлачевский прием: деформацию устойчивых сочетаний, нередко, как и в данном случае, поэт использует и скрещение идиом. Поясню: выражение «битый час» гиперболизируется до уровня «битый век» и сталкивается с прямым значением слова «бить», которое реализуется при помощи лексемы «мечах». Второе устойчивое выражение, с рассматриваемой фразой: «на ножах» (так, к слову, назван «антисоветский» роман Николая Лескова). И оно тоже гиперболизируется: раздор усиливается — оппоненты уже не на ножах, а на мечах. Кстати, в «Тесте» есть фраза: статья «краюхой на острых ножах», апеллирующая к тому же выражению.

Еще одна важная версия: Имя Имен — знак Апокалипсиса. Эта версия смыкается с нижеследующей, где Имя Имен — это имя Христа во время Второго Пришествия. О том, что Имя Имен — символ Апокалипсиса, свидетельствуют мифологемы и сюжеты, явно отсылающие нас к известным библейским эпизодам: это и «смешение языков», и Вавилонская башня, и фраза «пала роса», возможно, намекающая на Всемирный потоп. Здесь же можно провести параллель с песней «Вечный пост». Обе песни заканчиваются мотивом выпадения влаги, водными мотивами (Дождь, ключи, родник), и мотивами, связанными с ними в смысловом отношении (первый Гром как предвестник Дождя).

Также эсхатологичны следующие строки песни: «Вместо икон / станут страшным судом по себе нас судить зеркала. / Имя Имен / вырвет с корнем все то, что до срока зарыто». Устремленность творчества Башлачева к последним срокам неоднократно отмечали и С. В. Свиридов, и С. С. Шаулов: «миф Башлачева действительно эсхатологичен» [10, с. 78].

Существуют серьезные доводы в пользу каждой из этих трактовок. Даже религиозные дальневосточные потенции этого образа-символа не стоит сбрасывать со счетов: на знакомство Башлачева с буддизмом и даосизмом указывает целый ряд фактов. Даже само башлачевское определение Имени Имен подтверждает эту версию (особенно примечательно, что именно буддизм назвал поэт корнем Имени Имен!).

Имя Имен это мифическая сила, существующая вне времени (точнее, независимо от него), это не вера в Бога, это вера самого Бога: «Имя Имен, Сам Господь верит только в него». А, как известно, то, во что мы верим, то, чему поклоняемся, стоит над нами. Как тут не вспомнить категорию Дао из знаменитого философского произведения Лао Цзы «Дао Де Цзин». Древний философ говорит, что не знает, кто породил Дао, откуда оно пришло. Но он знает, что Дао предшествует небесному владыке [3].

Кстати, философы соотносят Дао с апейроном Анаксимандра. И в этом соотношении есть логика: в двух случаях перед нами нечто вечное и безличное, некая первооснова мира как его ключевой закон. С. В. Свиридов красиво выразил нечто подобное в формуле: «нетварная сверхреальность языка» [9, с. 62]. Кстати, Имя Имен может быть соотносено не только с апейроном, но и с гераклитовой концепцией Логоса. Приведу цитату без комментария: (Гераклит в пересказе Секста Эмпирика): «Эту — вот Речь (Логос) сущую вечно люди не понимают и прежде, чем выслушать [ее], и выслушав однажды. Ибо, хотя все [люди] сталкиваются напрямую с этой вот Речью (Логосом), они подобны незнающим [ее], даром что узнают на опыте [точно] такие слова и вещи, какие описываю я, разделяя [их] так, как они есть. Что же касается остальных людей, то они не осознают того, что делают наяву, подобно тому как этого не помнят спящие» [2, с. 59]. Как будто о позднем Башлачеве писано!

Есть версия, что Имя Имен это не кто-то иной, похожий на Христа, а Он Сам. Такой версии придерживается Л. Дмитриевская: «Иносказательно назван и Христос — он Имя Имен» [1, с. 69]. Да и С. С. Шаулов отмечает: «Основной миф Башлачева, безусловно, требует дальнейшей “дешифровки”, но в то же время, как нам кажется, относительную определенность обретает пространство этой дешифровки. По нашему мнению, сюжет этого мифа в своей основе — христианский (хотя в плане соотношения личного и мифологического сюжета отчетливо просматриваются литературные вариации языческого — орфического, прежде всего, — сюжета)» [11, с. 70].

Еще одна трактовка: Имя Имен — библейское Слово, которое было в начале. Если во фразе: «Сам Господь верит только в него» представить, что под Господом Башлачев понимает Бога Отца, то речь далее может идти о Сыне. В башлачевской песне «Посошок» есть строки: «Богу, Сыну и Духу». А Сын есть «Слово отчее». «Вседержителю, Слово Отчее, Сам совершен сый, Иисусе Христе, многого ради милосердия Твоего никогда не отлучайся мене, раба Твоего...» — так звучит одна из православных молитв. Да и в известном богородичном величании («Достойно есть...») присутствует та же мысль о Христе — Слове. Таким образом, эта версия о Слове-Логосе (но не гераклитовом Логосе!) смыкается с версией о том, что Имя Имен — Христос.

Однако вернемся снова к башлачевскому определению Имени Имен. Обратим внимание на следующий фрагмент: окончание Имени Имен — христианство. Здесь Башлачев, вероятно, подключает и прямой смысл слова «окончание»: завершение, итог. Не знаю, что думал Башлачев о католичестве и протестантизме, но то, что он считал тысячелетнюю христианскую эру

в России завершённой — это вероятнее всего. Однако Имя Имен, если верить высказыванию Башлачева, есть одновременно некий интегратор религий и идеологий. Правда, и тут существует одна загвоздка: вернемся к высказыванию Башлачева: «Это Имя Имен можно представить как некий корень, которым является буддизм, суффиксом у него является ислам...». Вероятно, поэт хотел сказать: Имя Имен — слово, корень его буддизм, суффикс — ислам и т. д. Но он сказал то, что сказал. И это еще больше запутывает дело, ведь в такой огласовке Имя Имен — это буддизм с «напластованиями». Что вряд ли соответствует действительности. Ведь главное — Имя Имен насквозь пронизано евангельскими отсылками, которые указывают именно на Иисуса, о чем уже сказано. Впрочем, при желании можно и Христа соединить с буддизмом — такие попытки истории тоже известны.

Итак, Имя Имен — сложный комплекс разных отсылок, нечто составное, многоаспектное, а потому таинственное. Это явно — пришелец из другого мира, что-то мистическое и великое. Это некий абсолюте, который должен преобразовать мир. И точкой его проявления, а значит, главным сакральным местом, выбрана Россия. Башлачев, возможно, апеллирует здесь к концепции «третьего Рима»: Москва есть новый Иерусалим, а, допустим, какая-нибудь Вологодчина — новый Вифлеем.

Выбрать единственно верную интерпретацию Имени Имен представляется задачей практически неразрешимой, причем неразрешимой, возможно, и для самого поэта. Более того, трудно даже определить: антропоморфен ли данный образ или нет. Такое затруднение можно объяснить спецификой башлачевского мифопоэтического мира, где граница между живым и мертвым, объектами и субъектами нередко размыта.

#### Список литературы

1. *Дмитриевская Л.* Время собирать камни: евангельские и фольклорные образы в поэзии Александра Башлачева // Александр Башлачев: исследования творчества: Сборник научных статей. М., 2010. С. 65—84.
2. История философии: Запад — Россия — Восток. Книга первая. Философия древности и средневековья. М.: Греко-латинский кабинет, 1995. 480 с.
3. Лао Цзы. Дао дэ цзин (пер. Ян Хин-шуна). Гл. 4 // Древнекитайская философия: Собрание текстов: в 2 т. М.: Мысль, 1972. Т. 1. С. 115—138.
4. *Лосев А. Ф.* Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. 656 с.
5. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. 919 с.
6. *Наумов Л.* Александр Башлачев: человек поющий. 3-е изд., испр. и доп. М.: Выргород, 2017. 608 с.
7. *Палий О. В.* Рок-н-ролл — славное язычество (источники интертекста в поэзии А. Башлачева) // Русская рок-поэзия. Текст и контекст: сборник научных трудов. Вып. 2. Тверь, 1999. С. 67—72.
8. *Свиридов С. В.* Имя Имен: концепция слова в поэзии А. Башлачева // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2. Тверь, 1999. С. 60—67.
9. *Свиридов С. В.* Магия языка. Поэзия языка. Поэзия А. Башлачева. 1986 // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов. Вып. 4. Тверь, 2000. С. 57—69.
10. *Шаулов С. С.* «Вечный пост» Александра Башлачева. Опыт истолкования поэтического мифа // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 4. Тверь, 2000. С. 70—85.
11. *Шаулов С. С.* Поэзия А. Н. Башлачева: в поисках «основного мифа». Уфа: Изд-во БГПУ, 2011. 80 с.

УДК 821.161.1  
ББК 83.3(2=411.2)6-3  
DOI: 10.46726/Н.2020.4.3

*Н. В. Лаврентьева*

## ОБРАЗ ПТИЦЫ В РОМАНАХ МАКСА ФРАЯ

Образ птицы — один из традиционных образов не только русской, но и мировой литературы и культуры. В романах отечественных классиков он нередко играет ключевую роль, в современной русской литературе подобный образ также весьма востребован, например, в произведениях Макса Фрая, чьи работы стали объектом нашего исследования. Несмотря на принадлежность текстов к жанру фэнтези, сохранен классический подход к воплощению образа птицы в первую очередь как отражение стремления героев к свободе, поиску себя, желанию вырваться из ставших «цепями» условностей и привычек. Образ птицы у Фрая связан с главным женским персонажем циклов о мире Echo — Меламори Блимм. Ей придется расстаться с мнимыми представлениями о свободе, пересмотреть концепцию собственного бытия и отношения к окружающим ее людям, осознать, что долгое время находилась в плену условностей, традиций и привычек. Героиня шагнет в неизвестность для того, чтобы обрести себя, превратиться в птицу как воплощение истинной свободы. В статье мы не только анализируем особенности образа Меламори Блимм, но и сопоставляем героиню Макса Фрая с женскими персонажами русской классической литературы.

**Ключевые слова:** Макс Фрай, традиции русской литературы, образ птицы, Меламори, свобода.

*N. V. Lavrent'eva*

## THE IMAGE OF A BIRD IN MAX FRY'S NOVELS

The image of a bird is one of the traditional images not only of Russian, but also of world literature and culture. In the novels of Russian classics, he often plays a key role; in modern Russian literature, such an image is also in great demand, for example, in the works of Max Fry, whose works became the object of our research. Despite the fact that the texts belong to the fantasy genre, the classical approach to the embodiment of the image of a bird has been preserved, primarily as a reflection of the heroes' desire for freedom, the search for themselves, the desire to break free from conventions and habits that have become "chains". The image of the bird is primarily associated with the main female character of the cycles about the world of Echo — Melamori Blimm. She will have to part with imaginary ideas about freedom, reconsider the concept of her own being and attitude to the people around her, realize that for a long time she was in captivity of conventions, traditions and habits. The heroine will have to step into the unknown in order to find herself, to turn into a bird as the embodiment of true freedom. In the article, we not only analyze the features of the image of Melamori Blimm, but also compare the heroine of Max Fry with the female characters of Russian classical literature.

**Key words:** Max Fry, traditions of Russian literature, the image of a bird, Melamori, freedom.

---

© Лаврентьева Н. В., 2020

Русская классическая литература отражает культурный и социальный коды нации, продолжает и развивает образы и символы, воссозданные авторами древнерусской литературы, большая часть которых востребована в мифологии и фольклоре. Один из наиболее сложных, многозначных и символических образов, функционирующий в пространстве русской национальной культуры — образ птицы. Мировое мифологическое пространство также наполнено мифами о волшебных птицах: они могут быть настроены по отношению к человеку как позитивно, так и негативно. Арийцы видели в образе птицы универсальный поэтический образ, вбирающий в себя ветер, облака, жизнь [3, с. 134]. Древние греки воплотили беспримерную мудрость Афины в образе совы, а женскую хитрость и лицемерие в сиренах: женщины-птицы коварно пытались соблазнить и погубить аргонатов. В славянской мифологии чаще всего упоминаются Сирин и Алконост, образы птиц запечатлены в искусстве.

В русской литературе птица по большей части воплощает свободу, возможность преодолеть все преграды: одно из наиболее известных обращений в древнерусской литературе к птице связано с образом Ярославны, жены князя Игоря, героя «Слово о полку Игореве». Княгиня, переживая разлуку с мужем и предчувствуя возможную его гибель, готова превратиться в птицу, чтобы спасти супруга.

В XIX веке образ птицы продолжает оставаться одним из наиболее востребованных: Катерина в «Грозе», так страстно мечтающая взлететь, прикованная к земле купеческими традициями и темнотой невежества Кабанихи, не смогла преодолеть силу земного притяжения, устремившись с обрыва не к небу — Богу, в которого страстно верила, а вниз, в Волгу; Наталья Ростова в «Войне и мире», свободная и счастливая, в отличие от островской героини, готова воспарить как птица, наполненная жизнью и музыкой — естественным воплощением красоты мира.

Традиции функционирования образа птицы в классической литературе продолжили свое существование в русской поэзии XX века, например:

Разрывая кусты на себе, как силок,  
Маргаритиных стиснутых губ лиловой,  
Горячей, чем глазной Маргаритин белок,  
Бился, щелкал, царил и сиял соловей (Б. Пастернак) [9, с. 166].

Особенности использования образа-символа птицы неоднократно становились предметом исследования ученых-филологов. Не один десяток научных работ разного объема посвящен проблеме функционирования орнитологической тематики в русской и мировой литературе. Например, статьи Т. Г. Дубининой [1], К. Н. Дубровиной и М. В. Кутьевой [2], Р. П. Митяшова [8], И. С. Макаровой [3], Я. О. Резакова [10] и др. Однако, несмотря на многочисленные обращения исследователей к указанной тематике, ряд вопросов еще ждет своего решения. Также появляются новые произведения, авторы которых активно используют образ птицы для характеристики персонажей, что обуславливает актуальность нашей статьи.

В настоящей статье мы обращаемся к анализу образа птицы в произведениях современного российского автора — Макса Фрая. Работы писателя (настоящее имя — Светлана Мартынчик) образ птицы активно используется практически во всех (в настоящий момент насчитывается более 50 книг) историях о мире Ехо («Лабиринты Ехо», «Сновидения Ехо», «Хроники Ехо»).

Главный герой — Макс Фрай — позиционируется и как автор, подобное характерно как для классической русской литературы, так и для постмодернистских традиций. Однако связь герой — автор здесь более сложная, сэр Макс — участник событий — вынужден написать книгу для того, чтобы сохранить хрупкий мир, в котором он оказался: книга в данном случае несет эсхатологическое значение, на ней, как на мифологических китах и черепахе, зиждется благосостояние и существование близкого и дорого Максу города Ехо и мира, частью которого герой является. Текст произведений пронизан интертекстуальными вкраплениями, которые понятны исключительно эрудированному читателю, способному узнать цитату и правильно ее расшифровать. Символический глоссарий многочисленных историй весьма насыщен, но мы апеллируем лишь к одному из наиболее интересных и в то же время традиционных — образу-символу птицы, который в первую очередь связан с возлюбленной главного героя — Меламори.

Женские образы в произведениях о Ехо весьма интересны и разнообразны, в большинстве своем чрезвычайно самостоятельны, но при этом ранимы и чувствительны, не всегда могут понять и принять свое призвание, осознать истинное предназначение. Меламори, например, убеждена, что все женщины по сути своей — «сумасшедшие птицы»: «Любая женщина — сумасшедшая птица, — Меламори оставалась серьезной. — Любая, запомни это, сэр Макс! Проблема в том, что большинство женщин не стремится научиться летать. Им бы лишь вить гнезда. Просто беда с нами» [7, с. 38]. Подобное утверждение, на наш взгляд, интересно применить к образам, о которых мы уже упоминали выше (Наташа Ростова и Катерина Кабанова). Героини русских классических произведений нередко оказываются перед выбором: семья-гнездо или свободный полет-самосовершенствование. Первая из указанных героинь готова к безудержному полету: «Так бы вот села на корточки, вот так, подхватила бы себя под коленки — туже, как можно туже, натужиться надо, — и полетела бы» [11, с. 164]. Однако полет будет недолгим, она сама прервет его, выбрав «гнездо»: «Предмет, в который погрузилась вполне Наташа, — была семья, то есть муж, которого надо было держать так, чтобы он нераздельно принадлежал ей, дому, — дети, которых надо было носить, рожать, кормить, воспитывать» [12, с. 279—280]. В отличие от Наташи Ростовской, Катерина Кабанова не смогла сплести свой «уютный мирок», поскольку оказалась не способна противостоять власти Кабанихи, которая иронично будет спрашивать молодую женщину: «Что ты за птица такая!». Сарказм свекрови приобретает иное значение после отчаянной мольбы Катерины: «Почему люди не летают, как птицы?» Героиня драмы хотела бы взлететь, оторваться от земли, но оковы «купеческого мира» не позволяют.

История Меламори Блимм продолжает традиции русской классической литературы: мучительный поиск себя, выбор между стремительным полетом и гнездом. С героиней мы знакомимся в одном из первых произведений цикла, она так же, как и главный герой, служит в Малом Тайном обществе, ее официальная должность — Мастер Преследования: девушка легко может встать на след любого человека. Макс Фрай не позволяет читателю самостоятельно представить внешний вид героини; как и другие персонажи, она сразу же получает кинематографического «двойника»: «На его руку деликатно опиралась маленькая, но определенно шустрая барышня, элегантно укутанная в лоохи цвета ночного неба. Вместо ожидаемой широкоплечей амазонки я заполучил в коллеги небесное создание с личиком девушки Джеймса Бонда,



английской актрисы Дианы Ригг» [5, с. 48]. Столь точное указание, с одной стороны, ограничивает полет читательской фантазии, но, с другой, позволяет создать образ, который включает в себя «чужое», то есть заставляет нас дополнить литературный образ характеристикой кинематографического персонажа. Во многих постмодернистских произведениях героини ассоциировались в первую очередь со своими литературными предшественниками (напр., Вильгельм Баскервильский в романе «Имя розы» Умберто Эко).

Характер героини цикла «Лабиринты Ехо» раскрывается постепенно. В первой книге «Чужак», которая включает в себя 7 историй, Меламори кажется поверхностной, взбалмошной, способной исключительно на «дамский», эксцентричный поступок бабочкой, красивой, но легкомысленной. Девушка все больше и больше привлекает героя, но, обуреваемая гордыней и желанием быть лучше, сильнее всех, она не может ответить на его чувства, потому что Макс «более особенный, чем она»: «И я привыкла к тому, что и сама — “особенная”. “Самая главная” — так, что ли»... [5, с. 374]. Героиня заключена в клетку своих ложных представлений о мире, она эгоистична и эгоцентрична, Меламори даже допустить не может, что кто-то окажется более сильным, подчинит ее, принудит: «Даже если ты не врешь... Тогда еще хуже! Значит, ты не сможешь это остановить. Ничего, я найду средство. Никто никогда не будет меня принуждать, тебе ясно?!» [5, с. 428]. Но при этом сила ее обманчива, она не свободна, живет в «футляре», который ничем не лучше, чем футляры чеховских персонажей. Расставшись с Максом в силу непреодолимых препятствий, девушка постепенно осознает, что боится жить, чувствовать, поступать так, как этого требует сердце и душа, а не так, как предписано традициями, народными приметами и устоями. Ее свобода на самом деле оказывается мнимой, Меламори полностью зависима от мнения родителей, близких, и осознание истинного положения вещей становится для героини мучительным откровением. Судьба предлагает ей замечательную возможность вырваться из «опостылевшей» клетки успешного существования красивой богатой горожанки: Алотхо — молодой воин из далекого странного Арвароха — предлагает уехать с ним, но девушка отказывается, понимая, что боится изменить привычный уклад вещей, разрушить стену, на которую так легко опираться, но из-за которой так тяжело жить, потому что «гнездо» она вить не хочет, а полететь не может: «Факт остается фактом: мною руководят обыкновенная житейская трусость и жалкая привязанность к привычному ходу вещей. От этого не умирают, да. С этим живут долго и счастливо, заводят семью, воспитывают детей, будущих малодушных трусишек...» [6, с. 188]. Приметы истинного предназначения женщины, по Л. Н. Толстому, пугают и вызывают мучительную тоску у героини Макса Фрая, но нам представляется решающим фактором вовсе не отвращение Меламори к семье и к детям, а отсутствие стадии полета. Наташа Ростова пережила подобное, заразила своей внутренней свободой своих близких и только потом превратилась в «наседку», для которой важнее мужа и детей нет ничего.

Только ценой мучительных раздумий Меламори решается разорвать устоявшиеся традиции, выбрать истинную свободу взамен ложной уверенности в своей исключительности. Девушка соглашается покинуть родной дом, страну, отправиться в неизвестность, чтобы найти и познать саму себя. Макс провожает ее и Алотхо на корабль. Сделав первый шаг в неизвестность, Меламори разрушает свою клетку, поэтому Макс видит ее в образе птицы, причем подобное сравнение героини с птицей используется впервые:

«Еще одна птица стремительно взмыла вверх, на палубу арварохского корабля» [4, с. 183]. Чуть позже главному герою приснится сон: «Мне снились темные воды Хуруна и две парящие птицы — большая белая чайка и крошечный черный стриж» [4, с. 183]. Оказавшись в чужом неприветливом Арварохе, где понятие чести возведено в абсолюте, а жизнь не стоит ни гроша, Меламори практически полностью разрушает свой привычный мир, познает иную жизнь, становится свободна от предрассудков, от традиций и нелепых принципов. Однако тихое счастье с Алотхо не прельщает девушку, она понимает, что может вновь повторить свои ошибки: не насладившись полетом, превратиться в наседку. Она уходит к буривушкам (волшебные птицы, которые собственно и создали жизнь на Арварохе ради собственного удовольствия), они принимают ее, и благодаря им героиня понимает, что нашла свой путь и свое призвание. Учителя ей достаются строгие, они следят за ней, учат ее науке сновидений. Буривухи отдаленно похожи на сов. Сова в мифологии — это символ мудрости, спокойствия, тайны (ночной хищник), в современной литературе образ ночной птицы продолжает мифологические мотивы и приобретает новые: в цикле романов о Гарри Поттере сова — верный друг главного героя и посланник, почту в мире волшебников Дж. Роулинг разносят совы.

Меламори настолько погружается в мир волшебных птиц, что оказывается способной спасти Макса из Гугландских болот. В образе буривуха во сне она прилетает к своему возлюбленному. Для нее это не только своеобразный реванш (Макс зависит от нее, а не она от него), но и определенно победа над собой: Меламори смогла взлететь, стать действительно свободной и подчинить обстоятельства своей воле, а не подчиняться им. Героиня Толстого — Наташа Ростова — была готова взлететь, осознания этого было уже достаточно для того, чтобы стать счастливой наседкой; Катерине не дали взлететь, поэтому она не захотела жить, а героине Макса Фрая удалось не просто взлететь, а превратиться в птицу и спасти возлюбленного. После столь кардинальной смены принципов Меламори изменилась: она стала другим человеком, ушла взбалмошность и поверхностность, появилось понимание жизни и легкость бытия. Важно также, что она способна объединить сон и явь. Но стать птицей — это еще не все в волшебном мире Ехо, нужно попытаться остаться ею: Меламори, как ей кажется, потеряв Макса навсегда, утратила и чудесную возможность превращения, она вновь заключила себя в клетку ложных представлений о себе, жизни, друзьях, Максе. Как только девушка осознала, что она может, пережив экзистенциальное превращение, вновь в образе птицы спасти любимого, ее жизнь кардинально изменилась: «В одну из таких сентябрьских ночей в мое настезь распахнутое окно влетела сова. Вернее, я сначала подумал, что это сова. Мягкая толстая птица оказалась буривухом, я понял это сразу, но отказывался верить очевидному» [7, с. 413].

Меламори возвращает Макса в мир Ехо благодаря своей любви и обретенной свободе полета не только тела, но и духа. Меламори остается героиней и следующих циклов о мире Ехо — «Хроники Ехо» и «Сновидения Ехо», в которых она не раз будет вынуждена выбирать между призванием и любовью, чувством и долгом, во многом символически связанными с образом-символом птицы.

Таким образом, чтобы превратиться в птицу, как полагает Макс Фрай, взяв за основу законы классической русской литературы, героине нужно расстаться с ложными представлениями о своем месте в мире, разрушить клетку ложных страхов и принципов.

## Список литературы

1. Дубинина Т. Г. Мифологема птицы в «таинственных» повестях и «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенева // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. М.: МГПУ, 2016. № 1 (21). С. 27—33.
2. Дубровина К. Н., Кутьева М. В. Образ птицы: от Библии к художественному тексту // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. М.: РУДН, 2009. № 1. С. 69—77.
3. Макарова И. С. Мифопоэтические образы «яйцо», «птица», «змея» в мировой культуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2 ч. Ч. II. С. 133—136.
4. Макс Фрай. Темная сторона. М.: АСТ, 2017. 352 с.
5. Макс Фрай. Чужак. М.: АСТ, 2017. 640 с.
6. Макс Фрай. Простые волшебные вещи. М.: АСТ, 2017. 352 с.
7. Макс Фрай. Лабиринт Менина. М.: АСТ, 2017. 416 с.
8. Митяшов Р. П. Образ птицы в лирике А. Блока // Проблемы современной науки и образования. Иваново: Олимп, 2016. № 25 (67). С. 58—62.
9. Пастернак Б. Собр. соч.: в 11 т. М.: СЛОВО/SLOVO, 2003. Т. 1. 576 с.
10. Резаков Я. О. Орнитологическая поэтика: Дж. Сэлинджер — от А. Чехова до В. Аксенова // Вестник Костромского государственного университета. Кострома. КГУ. 2019. № 1. С. 170—173.
11. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 5: Война и мир. 429 с.
12. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 7: Война и мир. 431 с.

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2=411.2)53-022

DOI: 10.46726/H.2020.4.4

С. Ф. Меркушов

## НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ АБСУРДА В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Для литературного процесса взаимодействие литературы и смежных форм познания мира и человека чрезвычайно важно. Краеугольным камнем художественного абсурда конца XX — начала XXI в. является прежде всего тенденция к жанровой, образной и семантической диффузии, то есть к реализации идеи первоначального синкретизма в культуре и литературе. Освоение художественного абсурда погружает читателя в потаенные сферы бытия, где возвращается забытый для автоматизированного сознания древний смысл мира конкретных предметов, привычно воспринимаемого мира материи.

Для отечественной литературы постсоветской эпохи характерно наличие абсурдной составляющей, в произведениях часто становящейся сюжетной и формообразующей. Специальный аспект абсурда, связанный с его метафизикой, содержится во многих современных текстах. Он несет едва ли не самый глубокий и ключевой компонент, необходимый для их объемного понимания и интерпретации с общекультурной и историко-литературной точек зрения.

Весьма небанальные и конструктивные подходы к художественному воплощению сущности категории метафизического абсурда демонстрируют сами писатели: В. Г. Сорокин, Е. В. Клюев, Е. Радов, В. Климов и др.

**Ключевые слова:** абсурд, метафизика, трансперсональная психология, смысл, литература.

*S. F. Merkuhov***SOME ASPECTS OF THE METAPHYSICAL DIMENSION  
OF THE ABSURD IN MODERN RUSSIAN LITERATURE**

For the literary process, the interaction of literature and related forms of knowledge of the world and man is extremely important. The cornerstone of the artistic absurdity of the late XX — early XXI century is primarily the tendency to genre, figurative and semantic diffusion, i. e., to implement the idea of initial syncretism in culture and literature. The development of artistic absurdity plunges the reader into the hidden spheres of existence, where the ancient meaning of the world of concrete objects, the habitual perceived world of matter, forgotten for the automated consciousness, returns.

Russian literature of the post-Soviet era is characterized by the presence of an absurd component, which often becomes a plot and formative component in works. A special aspect of the absurd related to its metaphysics is found in many modern texts. It is perhaps the most profound and key component necessary for their comprehensive understanding and interpretation from the General cultural and historical and literary points of view.

Very non-banal and constructive approaches to the artistic embodiment of the essence of the category of metaphysical absurdity are demonstrated by the writers themselves: V. G. Sorokin, E. V. Klyuev, E. Radov, V. Klimov, and others.

**Key words:** absurdity, metaphysics, transpersonal psychology, the meaning, literature.

Даже при поверхностном знакомстве с текстами абсурдистов у читателя возникает ощущение предельного остранения и вхождения в инобытие. У Д. Хармса в завершении «Басни» о человеке небольшого роста и «волшебнице» сказано: «Читатель, вдумайся в эту басню, и тебе станет не по себе» [15, с. 260], а у А. Введенского финальные строки поэмы «Кругом возможно бог» звучат как «Вбегает мёртвый господин / И молча удаляет время» [2, с. 161]. Кажется, что за этими приведенными пассажами таится гораздо больше, чем можно предположить. Абсурдность ежедневной жизни перестает выглядеть как что-то случайное и самопроизвольное: за ней становится заметным чей-то метафизический замысел. Иначе говоря, мы имеем дело с метафизическим абсурдом, касающимся более фундаментальных вопросов, чем абсурдностей ежедневной жизни: речь идет о смысле бытия человека. Но насколько человеческая мысль способна постичь метафизику абсурда явленной в художественном произведении?

Вследствие своей невообразимой скорости, процесс формирования мысли, по Ж. Делезу [6], происходит вне контроля сознания, а значит, он подчинен бессознательному. Логичен в этой связи вывод, что мыслительная деятельность представляет собой калейдоскоп случайностей, от которых целиком зависит смыслообразование. Конечным результатом подобных операций становится абсурд. На таком понимании непреднамеренности порождения смыслов в устном и письменном сообщении может базироваться текстуальный анализ абсурдистики. В непосредственном соседстве с данной оценкой возникновения абсурда пребывает проблема культурно-бессознательного, связанная с именами исследователей А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко. Авторы книги «Культура как система» предлагают особую концепцию культурно-бессознательного, рассматривая индивида как субъекта

культуры в отличие от популярной теории коллективного бессознательного К. Г. Юнга (без ее отрицания или полемики с ней), представляющей человека в его психологической обусловленности. Особую значимость для нас приобретает их классификация ментально-культурного пространства: «зона собственно бессознательного, зона неадекватного (замещенного) осознания и зона рутинизованных до бессознательности, профанизованных феноменологических блоков, прошедших сквозь фронт рефлексии и оставшихся за его пределами» [12, с. 157]. Речь идет о специфике ментальных модусов, согласно которой предлагается воспринимать мир с идеологических позиций «возврата к истокам», реверса к правоззрениям, обращения к архаике и культивирования древнего знания.

Экзистенциальное осмысление абсурда коррелирует с философской проблемой поиска и познания истины в разнообразных ее проявлениях, прежде всего, Бога как истины. Рецепция идеи Бога не как абстракции, находящейся за пределами творения, а как космического разума, пронизывающего все сущее, специфичная для русского абсурда времен ОБЭРИУ, на наш взгляд, остается актуальной и в абсурдистике современного периода — конца XX — начала XXI в. Связь с эзотерическими духовными системами, характерная для русской литературы эпохи перелома, опосредует создание писателями реальности с присутствием человека как микрокосма, содержащего информацию о макрокосме и тождественном ему в области творческого потенциала наряду с постмодернистским восприятием мира отдельных предметов и объектов как иллюзии. Через постижение художественного абсурда читатель получает возможность проникновения в сокрытые от обычного состояния сознания сферы бытия, в которых явлены архетипические сущности, формирующие и наполняющие смыслом материальный, доступный для привычного восприятия мир. А писатель приобретает неограниченный потенциал для бесконечного порождения новых смыслов, тем самым достигая так называемого творческого абсолюта, индицируемого преодолением любой завершенности — как содержательной, так и формальной. В этом отношении особую роль для нас играют гипотезы К. Ясперса [18, 19]. Согласно К. Ясперсу, «Метафизика доносит до нас окружающие трансценденции. Метафизику мы понимаем как тайнопись. Мы слышим заключенную в шифре действительность из действительности нашего существования (экзистенции), а не просто из рассудка, который здесь ни в коей мере не содействует раскрытию смысла» [19, с. 98].

Метафизика абсурда в отечественной литературе всегда была связана также с танатологической проблематикой. Понимание внутренней логики мира, осознание кажимости абсурдного хаоса окружающего и сокрытого за ним порядка происходит в конечном итоге через вхождение в необычные состояния сознания, через просветление, постижение nirваны, через иные пограничные ситуации, либо же через состояние посмертия. В содержательной диссертации Р. Л. Красильникова «Танатологические мотивы в художественной литературе» подчеркивается аспект наличия танатологических мотивов в различных художественных, эстетических, семантических и синтаксических моделях. Особый характер, как нам кажется, танатологические мотивы приобретают в связи с категорией абсурда в отечественной литературе. К примеру, если рассматривать семантику танатологических мотивов в ее связи с категорией абсурда, то помимо психоаналитического, архетипического и мифопоэтического подходов, среди прочих выделяемых исследователем [11],

можно применять и трансперсональный подход, используемый в психологии (А. Маслоу, С. Гроф). Р. Л. Красильников анализирует сферу бессознательно-го писателя и читателя, которой, согласно указанным подходам, «свойственны влечение к смерти (Танатос), комплексы (Эдипов комплекс, «пренатальное состояние»), архетипы (Великая Мать, Тень) и мифологемы (драконоборчество, поединок) танатологического характера» [11]. Другой исследователь, Е. В. Дмитриева, предлагает интерпретировать так называемую метафизическую поэзию с точки зрения трансперсонального опыта ее авторов (в частности И. А. Файнфельда) [7].

Результаты визионерских практик, связанные с вхождением в необычные состояния сознания, нередко становились базой произведений, особенных с точки зрения художественности и по уровню воздействия на читателя. Главными чертами жанра видений средневековой зарубежной литературы (см. подробнее у Б. И. Ярхо [17]), древнерусской гностической литературы являлись эсхатологичность и указание на надвигающиеся глобальные исторические изменения, безусловно, кризисного характера, а также предостережение о них. Частотность присутствия визионерских мотивов в русской литературе золотого и серебряного веков обуславливалась интересом поэтов и писателей к потустороннему, стремлением проникнуть в запредельное (А. С. Пушкин, Андрей Белый). Религиозная и мистическая литература находится в непосредственной связи с жанром видений. Мистические озарения, ложившиеся в основу разнообразных по форме и жанру произведений, достигались в кризисных, пороговых, необычных состояниях сознания, посещали авторов этих книг во время больших потрясений и тяжелейших жизненных ситуаций.

В XX в. существенную роль у авторов-мистиков продолжали играть необычные состояния сознания: спиритуализм Л. Н. Андреева, «ожившее сверхсознание» [13, с. 17] Д. Л. Андреева, оккультизм М. А. Булгакова, эксперименты с эфиром А. И. Введенского и Д. И. Хармса, позже «медитативное созерцание» Ю. В. Мамлеева, психоделические путешествия Е. Радова, увлечение восточным мистицизмом и эзотерикой В. О. Пелевина и пр. Выход за пределы допустимого позволяет писателям во многом предвидеть будущее развитие и сформировать собственную альтернативную художественную реальность (Е. Радов, В. О. Пелевин, и др.). Подобные результаты могли быть достигнуты также в процессе активной аналитики мировых событий и кризисных явлений (В. Г. Сорокин, М. Ю. Елизаров, Л. С. Петрушевская, Ю. И. Коваль), либо же в периоды серьезных жизненных потрясений (Е. Радов).

К примеру, рецензент последнего на данный момент романа В. Г. Сорокина «Манарага» Л. Данилкин так определяет специфику его содержания: «Никакого абсурдного «нового Средневековья» так и не настало; то, что происходит вокруг, выглядит логично и прямо вытекает из предшествующих событий; ничего слишком иррационального» [5]. Между тем отдельные исследователи, изучая детерминацию романа сквозь призму основной его темы «библиоклазма» (О. Н. Турышева), как оказывается, достаточно характерной для литературы (указанный ученый ссылается на «романы М. Сервантеса, Р. Брэдбери, У. Эко, Й. Шимманга, К.-М. Домингеса, Э. Канетти, а также новеллы Х. Борхеса и пьесу А. Нотомб» [14, с. 141]), приходят к мысли, что «сюжет романа не в последнюю очередь складывается на почве современной научной рефлексии о путях развития книжной культуры» [14, с. 141]. «Манарага», на наш взгляд, может интерпретироваться не просто как антиутопический текст, но как текст, репродуцирующий метаситуацию

(в понимании «бытия в уникальной ситуации, обернувшейся появлением культурной универсалии» [3, с. 47—51]), которая во многом верифицируется уже сегодня (книга окончательно низведена до статуса продукта потребления, десакрализована). Вина в этом, конечно, самого потребителя, на что косвенно указывается возникновением в романе абсурдно-пародийного образа Л. Н. Толстого (текст, где он выведен, прочитывает главный герой книги). Величие, «великость» Л. Н. Толстого для русской и мировой культуры представлена в гротескной гипертрофии — фигуре великана, нисходящего к людям и предупреждающего их об опасности выбора негативного, «не доброго» *modus vivendi*. Аллегорическое значение получает и образ принесенного им миниатюрного мамонта, поющего песню Э. Пресли «Love me tender», как метафоры необходимости возврата к истокам, синтетической архаике. Возможно, в этом возвращении видится принцип постепенного «самообновления» отношения к литературе как к священной субстанции, иератической ее рецепции. С этой точки зрения, думается, В. Г. Сорокин не сомневается в метафизическом сохранении книгой своей сакральной модальности и предполагает в книгосождении ритуализацию последующего хронологического перехода к заново складывающемуся пониманию чтения книг как священнодействия и осознания их ценности, характерного для древнего мировосприятия.

Необходимо отметить ценность осмысления абсурдности как следствия столкновения индивидуального сознания с нерационализуемыми принципами миробытия. По мысли Е. В. Ключева, «Абсурд <...> связан с наиболее глубинными структурами человеческой личности, с наиболее фундаментальным в ней, апеллируя к сущности, к природе личности, а не к её социальным и прочим связям» [10, с. 25]. Однако вряд ли можно говорить о нахождении абсурда только «внутри» или только «снаружи». Точка зрения А. Камю, на наш взгляд, наиболее точно выражает парагенезис абсурда: «Абсурд не коренится ни в человеке, ни в мире, а в их совместном присутствии...» [9, с. 223]. Такое его положение носит характер разлада между миром и человеком, но абсурд проявляет себя не просто в попытке преодоления этого разлада, а в поиске изначального единства, изначального «всего во всем», что происходит через соприкосновение с запредельным и запечатлено в древнем знании. Это понимание абсурда перекликается с уже упомянутой нами теорией трансперсональных переживаний сознания, выводимой из сферы коллективного бессознательного К. Г. Юнга, основанной на относительности природы вещей махаянского буддизма. В соответствии с названными концепциями глубинные границы индивидуального сознания отождествляются с творческим началом вселенной, «Сверхкосмической и Метакосмической Пустотой» (шуньятой): «Пустота обладает *парадоксальной* (курсив наш. — С. М.) природой: это *вакуум*, поскольку в ней нет никаких конкретных форм, но это также *плenum* (полнота), так как она как будто содержит в себе сущее в потенциальной форме» [4, с. 41]. Абсурд как образующая и неотъемлемая часть такого пустотного космоса сохраняет в себе его характерные парадоксальные черты — наполненность и отсутствие — бессмыслицу и сверхсмысл. Специфика художественного абсурда та же: смысл и бессмыслица здесь вступают в отношения взаимоотражаемости и связаны с попыткой художественного выражения того качества мировосприятия, которое можно обозначить вслед за К. Г. Юнгом [16] вполне нейтральным словом «нуминозный» (т. е. «таинственный», «трансцендентный») в пику более коннотативным «мистический», «религиозный», «магический» и т. п.

Так, к примеру, Е. Радов в своей ранней повести «Царь добр» констатирует уход от абсурдности бытия через постижение «Атмана», понимаемого в Упанишадах как вечная, абсолютная духовная сущность [1, с. 100]. Фантастичность и абсурд нарратива обусловлены спецификой сюжета, который при всей четкой структурированности содержательно причудлив, а нарушение и устранение традиционных субъектно-объектных связей влечет полное взаимозамещение изображаемых ситуаций.

Компонентом теоретического фундамента при анализе проявлений метафизики абсурда, на наш взгляд, также могут являться изыскания К. Г. Юнга о природе символа вообще и символике сновидений в частности, в их соприкосновении с идеями Л. С. Липавского и чинарей. К их представлениям примыкает понимание фигуративной речи и так называемых имплицатур Е. В. Клюева по отношению к классическому абсурду («Теория литературы абсурда» [10]). К. Г. Юнг в своей книге «*Mysterium coniunctionis* (Таинство воссоединения)», посвященной исследованию мира алхимических символов, представляемых в качестве характеристик нераздельности и идентичности коллективного бессознательного, приходит к чрезвычайно важной для нас мысли о всеобщности истины, протекающей из, возможно, центральной для бытия человека идеи Гераклита о противоположностях и их единстве, которую можно прочитывать аналогично идее об абсурде как особом регистре экзистенциального смысла, заключенного в стремлении к целостности [16].

Типологическая близость феноменов сновидения и художественного творчества особенно актуализируется в связи с категорией абсурда в литературе конца XX — XXI в. Феномен сновидения можно и нужно воспринимать как коррелят различных форм измененного (необычного) состояния сознания, к которым прежде всего относится творчество, творческий акт. З. Фрейд, описывая ход творческого мышления, говорил о сопровождающем этот процесс освобождении интеллекта от цензуры и продуцировании им потока беспорядочных идей (ср., также идею Ж. Лакана о том, что «сон есть текст», цит. по: [8, с. 61]). Взаимодействие творческого акта писателя-абсурдиста с сферой бессознательного несомненна и обнаруживает себя в массе примеров произведений, обусловленных во многом визионерскими практиками их авторов (абсурд Ю. В. Мамлеева, Е. Радова, В. О. Пелевина, Е. Летова, В. Климова и др., коренящийся в абсурде А. И. Введенского, Б. Ю. Поплавского, Д. И. Хармса).

К примеру, в художественном локусе романа В. Климова «Скорлупа» актуализируется схема «сна во сне» с пересечением эфемерных миров, в связи с чем хронологическая структура романа усложняется. Соразмерно темпоральной специфике «Скорлупы» и за счет своего рода «лунатизма» главного персонажа (Клима) и перманентности пребывания его в пороговых состояниях расширяется текстуальное пространство, в определенных точках которого сходятся различные его измерения, в частности, связанное с творением некоего метафизического дискурса.

Таким образом, рождение смыслов в метафизическом абсурде происходит в процессе обращения авторов к запредельному, когда создание произведений сопровождается пересечением некой границы между видимым миром и невидимым, погружением в определенные состояния. Создавая в своих произведениях атмосферу хаоса, абсурда и апокалиптичности, отражающей обратную, темную суть субъекта и окружающего и реализующейся в совмещении абсурдности и метафизики, писатели на самом деле взывают к бытийной и аксиологической подлинности.



## Список литературы

1. *Бхагаван Шри Сатья Саи Баба*. Упанишады. Практика постижения истинной реальности. М.: Свет, 2016. 112 с.
2. *Введенский А. Всё*. М.: ОГИ, 2013. 760 с.
3. *Векленко П. В.* Понятийный аппарат теории ситуаций // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 3. С. 47—51.
4. *Гроф С.* Холотропное дыхание. Новый подход к самоисследованию и терапии. М.: Ганга, 2018. 352 с.
5. *Данилкин Л.* О чем на самом деле «Манарага» Владимира Сорокина. URL: <https://daily.afisha.ru/brain/4792-o-chem-na-samom-dele-manaraga-vladimira-sorokina-obyasnyayet-lev-danilkin/> (дата обращения: 15.06.2020).
6. *Делез Ж.* Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011. 472 с.
7. *Дмитриева Е. В.* Метафизическая поэзия и трансперсональный опыт (на примере творчества И. А. Файнфельда) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград: ВолГУ, 2013. № 1 (76). С. 140—144.
8. *Ильин И.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного метода. М.: Интрада, 1998. 255 с.
9. *Камю А.* Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж.-П. Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 222—319.
10. *Клюев Е. В.* Теория литературы абсурда. М.: УРАО, 2000. 102 с.
11. *Красильников Р. Л.* Танатологические мотивы в художественной литературе: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 544 с.
12. *Пелипенко А. А., Яковенко И. Г.* Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998. 376 с.
13. *Романов Б.* Вестник, или жизнь Даниила Андреева. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2011. 640 с.
14. *Турьшева О. Н.* Сожжение книг: новая семантика старого мотива (на материале романа В. Сорокина «Манарага») // Филологический класс. 2018. № 2(52). С. 141—145.
15. *Хармс Д.* Случаи и вещи. М.: Мировая классика, 2013. 416 с.
16. *Юнг К. Г.* *Mysterium Coniunctionis*. Таинство воссоединения. Мн.: Харвест, 2003. 576 с.
17. *Ярхо Б. И.* Из книги «Средневековые латинские видения» // Восток-Запад: Исследования, переводы, публикации. М., 1989. Вып. 4. С. 18—55.
18. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 528 с.
19. *Ясперс К.* Философия: в 3 кн. Кн. 3: Метафизика. М.: Канон+РООН «Реабилитация», 2012. 296 с.

УДК 821.161.1-95  
ББК 83.3(2=411.2)613-446  
DOI: 10.46726/Н.2020.4.5

*З. Я. Холодова*

### **ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ М. ХВЫЛЕВОГО 1925—1926 ГОДОВ**

М. Хвильевый — не только прекрасный писатель, родоначальник новой украинской прозы, но также организатор украинского возрождения. Поиски путей полноценного развития литературы привели к созданию Вольной академии пролетарской литературы, в основе платформы которой лежали философско-эстетические взгляды Хвильевого, высказанные в ходе литературной дискуссии в статьях и памфлетах, собранных в книгах 1925—26 годов: «Камо грядеши», «Мысли против течения», «Апологеты писаризма», «О необходимости культурной революции». Основные идеи памфлетов: неприемлемость тезиса о классовом характере культуры и низведения искусства к роли идеологического обслуживания партийной и государственной политики; неприемлемость массовизма; обоснование романтики витаизма как стиля нового искусства; обусловленность развития культуры Украины ее географическим расположением между Европой и Азией и создание теории азиатского ренессанса; выбор в качестве образца литературы Европы (а не русской) — воспринимались как «мысли против течения». Писатель был обвинен в национализме. Несмотря на несомненные заслуги в области культуры, Хвильевый был «вычеркнут» из литературного процесса советской эпохи. Изучение его творческого наследия началось в конце 1980-х годов. В силу причин идеологического порядка эстетические взгляды Хвильевого не освещены в литературоведении полно и объективно. В XX веке усилился интерес к его философско-эстетической концепции, появились работы, специально посвященные ее отдельным аспектам (теориям азиатского ренессанса и романтического витаизма), но преимущественно авторами работ рассматривается реализация теоретических положений в художественной практике Хвильевого и его современников.

**Ключевые слова:** Хвильевый, украинская литература, азиатский ренессанс, романтический витаизм, стиль, мировоззрение, идеология, творческое наследие.

*Z. Ya. Kholodova*

### **DETERMINING AESTHETIC POSITION IN THE LITERARY-CRITICAL ARTICLES (1925—1926) OF M. KHVYLOVYI**

Khvylovyi was an excellent writer and an ancestor of new ukrainian prose, he also was an organizer of Ukrainian Renaissance. The search for ways of full value literature's development threw into creating The Libre Academy of Proletarian Literature, which Khvylovyi's philosophical-aesthetic outlooks were in base of programme performed in the literary discussion in the articles and pamphlets gathered in the books of 1925—26: «Kamo Gryadesh», «The Ideas Against the Stream», «Apologists scribbling», «About the Necessity of Cultural Revolution». The pamphlets fundamental ideas were the following: the unacceptability of the thesis about

---

© Холодова З. Я., 2020

class character of culture and bringing down art to the role of an ideological service of the party and state politics; the unacceptability of massovism; the basis of romantic vtaism as a style of new art; the conditionality of the ukrainian culture development its geographical disposition between Europe and Asia and the creation theory of Asian renaissance; choice as a pattern of Europe's literatures (but not russian) – were grasped as «the ideas against the stream». The writer was blamed of nationalism. Khvylovyi was struck out from the soviet literary process in spite of his undoubted merits in the Ukrainian literature and culture. The investigation of his creative heritage began in the end of 1980th. The critic's interpretation of Khvylovyi's philosophical-aesthetic position is not lit upon well enough and objectively in the literary criticism due to serious ideological reasons. The interest to Khvylovyi's aesthetic conception become stronger, the work about its separate aspects (the theories of the Asian renaissance and romantic vtaism) appeared, but mainly the authors of works analyzed the realization of theoretical principles in Khvylovyi's and his contemporaries artistic practice.

**Key words:** Khvylovyi, ukrainian literature, asian renaissance, romantic vtaism, style, world outlook, ideology, creative heritage.

Микола Хвильевый — писатель, критик, организатор и идейный вдохновитель украинского возрождения, глава авангардного литературного направления — ключевая фигура в духовной жизни Украины второй половины 1920-х — начала 1930-х годов. Его разносторонняя деятельность оказала огромное влияние на развитие украинской литературы, культуры и общественно-политической мысли XX века.

В 1921 году, когда состоялся его блестящий поэтический дебют (поэма «В электрический век» и сборник стихов «Молодость» вызвали восторженные отклики), Хвильевый вместе с В. Сосюрой и М. Йогансенем подписался под «Универсалом к трудящимся и пролетарским украинским художникам». Молодые писатели мечтали открыть «эру творческой пролетарской поэзии истинного будущего». Поиски путей полноценного развития украинской литературы привели к созданию в 1923 году группы студийного типа «Урбино» (по названию итальянского городка — родины Рафаэля), а на рубеже 1925—26 годов — Вольной академии пролетарской литературы (ВАПЛИТЕ), объединившей талантливых молодых писателей: П. Тычину, А. Довженко, И. Сенченко, Ю. Смолича, А. Копыленко, О. Досвитного, М. Ялового и др. Просуществовав чуть больше двух лет, организация сыграла значительную роль в культурной жизни Украины.

В основе платформы ВАПЛИТЕ лежали эстетические взгляды М. Хвильевого, высказанные им в статьях и памфлетах, собранных в книгах, вышедших в 1925—26 годах: «Камо грядеши», «Мысли против течения», «Апологеты писаризма», «О необходимости культурной революции». Основные идеи памфлетов: неприемлемость массовизма («гаркун-задунайства», «красной просвиты») и низведения искусства к роли идеологического обслуживания партийной и государственной политики; обоснование романтики витаизма как стиля искусства 1920-х годов. Романтика витаизма, по Хвильевому, — «это сумма нового мирозерцания, нового мирочувствования, новых согласных вибраций» [1, с. 11].

Одно из препятствий для расцвета литературы Хвильевый видел в «бесшабашной свистопляске» критиков, стремившихся руководить искусством. И прежде всего именно на них, губящих талантливую молодежь, он обрушил

свой гнев: по его словам, под влиянием критиков, вместо того, чтобы учиться, молодежь «делается “квалифицированными писателями”, заполняя рынок красной графоманией» [8]<sup>1</sup>. Хвылевый требовал от молодых писателей уважения к художественной литературе и понимания, что «звание художника к чему-то обязывает, что заслужить его не так легко» [8]. «Новое искусство создают рабочие и крестьяне, — утверждал писатель. — Только с условием: они должны быть интеллектуально развитыми, талантливыми, гениальными людьми» [8].

Он имел полное право быть учителем молодых писателей как один из самых талантливых мастеров слова. Его поэма «Предрасветные симфонии», открывавшая одноименный сборник (1922), начиналась гордым заявлением: «Аз есмь рабочий». И действительно, ее опубликовал слесарь Харьковского завода, но это был нетипичный рабочий: он сын учителей, окончил гимназию, не только знал мировую литературу, но и обладал, по словам М. Йогансена, его единомышленника в литературной борьбе, филолога по образованию, «полным знанием науки поэтики». К середине 1920-х годов Хвылевый был уже автором множества рассказов, новелл, повестей, напечатанных в периодике. Ни одно произведение писателя не оставалось незамеченным... Книгу рассказов и новелл «Синие этюды» (1923) самые авторитетные критики того времени называли значительным новаторским явлением в украинской литературе. Сборник «Осень» (1924), как и «Синие этюды», переведенный на русский язык, моментально разошелся не только по Украине и России, но и стал известен за границей. Он укрепил славу Хвылевого-прозаика, однако вызвал не только восторженные отклики, но и ожесточенные нападки критиков, усмотревших замаскированное стремление писателя нанести вред ленинизму, распространяя идеи Ле Бона о дегенеративном характере массовых движений (в повести «Я (Романтика)»).

«Мысли против течения» — так Хвылевый назвал один из своих сборников литературно-критических работ. Не случайно сборнику дано говорящее название: писатель отчетливо осознавал, что высказываемые им взгляды на природу художественного творчества расходятся с теми, которые активно насаждаются «сверху». В авторском предисловии к сборнику памфлетов «Камо грядеши» Хвылевый извиняется перед читателем за возможное непонимание им отдельных деталей споров, так как памфлеты — это ответы «олимпийцев» (так он называет своих единомышленников) оппонентам. Но, главное, в памфлетах поставлены актуальные эстетические вопросы, поэтому, говорит Хвылевый, они станут первым «абзацем к теории нового искусства», которую напишет «теоретик-витаист» [8].

Письмо литературной молодежи «О Копернике из Фрауенбурга, или азбука азиатского ренессанса в искусстве», напечатанное в сборнике «Камо грядеши», посвящено исключительно эстетическим проблемам. По Хвылевому, «"Искусство вообще" — это архиспецифичная область человеческой деятельности, которая пытается удовлетворить одну из потребностей духа человека, а именно любовь к прекрасному...» [8], а стремление к прекрасному не мешает быть гражданином. Об этом же он писал и Н. К. Зерову в июле 1926 г.: «Разве знаменитое *l'art pour l'art* не претерпело со времен Ариосто определенной эволюции? Разве... “красота” <...> не ищет новой гармонии, где б звучали гражданские мотивы? Разве тот же самый Пушкин не был тому

<sup>1</sup> Здесь и далее статьи даются в моем переводе с украинского, кроме статьи «Украина или Малороссия?..», переведенной А. Руденко-Десняком. — З. Х.

ярким примером? Разве за “Русланом и Людмилою” <...> мы не видим Пушкина-гражданина? — Но Пушкин жил в нормальной атмосфере культурного строительства...» [9; 2, с. 840]<sup>2</sup>.

Хвылевый видит, что «...и напостовцы, и лефовцы, и пролеткультовцы, и октябристско-платформовцы, и панфутуристы <...> исходят из основного назначения искусства — как “способа строительства жизни”», но это ведь профанация искусства, утверждает он: «Под “способом строительства жизни” скрывается <...> безоглядный утилитаризм, писаревщина в красной маске, ликвидаторские настроения относительно искусства, ревизионизм плехановской эстетики, немецкое “просветительство”...» [8].

Для него неприемлем тезис о классовом характере культуры, он считал принцип бесклассовости даже более разумным для пролетарского искусства, чем для других областей творческой деятельности. Высказывания Хвылевого о художнике («Только исключительно яркая индивидуальность, которая имеет не только немалый жизненный опыт, но и <...> организовала свою творческую деятельность в соответствии с назначенным ей слепой природой пути»; «Художником нужно родиться» [8]) не находили поддержку ни в объединении крестьянских писателей «Плуг», ни во Всеукраинском союзе пролетарских писателей.

И уж совсем неприемлемы для оппонентов Хвылевого были его слова о том, что пролетарское искусство зависит от тех же законов, что и буржуазное. «Школы, например, — это его этапы, — рассуждает Хвылевый, — по ним оно будет идти к вершинам своего совершенства». Или: «Пролетарское искусство пройдет этапы: романтизма, реализма и т. д. Это — замкнутый круг законов художественного развития. И если теперь мы спрашиваем себя, какое направление должно характеризовать и характеризует наш период переходной поры, то отвечаем: романтика витаизма (vita — жизнь)» [8]. Хвылевый считал, что «...болтовня об “абсолютном” реализме пролетарского искусства <...> целиком безосновательна» [8]. Он часто высказывал неудовлетворение качеством пролетарской литературы.

У него была собственная оригинальная концепция развития украинской культуры. По его мнению, Украина, расположенная между Европой и Азией, должна занять особое место в «грядущем могучем азиатском ренессансе в искусстве» [8]. Историческая концепция Хвылевого складывалась как результат переосмысления циклического развития человечества и культуры (теории Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера). Народы Азии, творившие первый, патриархальный, культурный цикл, исчерпали свои силы, и следующие два цикла — феодальный и буржуазный — творились энергией народов Европы, которая также исчерпалась в процессе создания культуры. На четвертом этапе настала снова очередь народов Азии, которые накопили в продолжение предыдущих циклов могучий потенциал. Человечество стоит на пороге азиатского ренессанса.

Хвылевый провозгласил начало четвертого возрождения человечества — пролетарского типа культуры. Украина же, которая расположена на границе двух цивилизаций, должна получить потенциал обеих. Она сберегла пассионарность и может утвердить собственную этнокультурную самобытность через творчество в духовной сфере. Потому, говорил он, и важен вопрос для культурного строительства на Украине: Европа или «Просвита». «Просвита» ассоциируется с украинским почвенничеством. Это общество,

<sup>2</sup> Здесь и далее перевод писем с украинского мой. — З. Х.

организованное в 1868 году (и просуществовавшее на Украине до 1930-х годов), занимавшееся внедрением всего украинского — от быта до искусства. Но «Просвита» для Хвылевого — символ ограниченности, не видящей разницы между самобытным художественным творчеством и трудом по ликвидации неграмотности. «Просвите» Хвылевый противопоставляет «психологическую Европу». «Это не та Европа, — говорит он, — о которой Шпенглер сказал, что она “на закате”, не та, что гниет, которую мы ненавидим. Это — Европа грандиозной цивилизации, Европа — Гете, Дарвина, Байрона, Ньютона, Маркса и т. д., и т. п.». «Так мы смотрим на Европу. Так мы смотрим на просвиту. Что ж тогда: Европа или просвита? — Для искусства — только — Европа», — категорически звучит вывод [8].

В памфлете «О “сатане в бочке” или о графоманах, спекулянтах и других “просвитянах”» высказано мнение, что для пролетарской литературы полезнее «в миллион раз советский интеллигент Зеров, вооруженный высшей математикой искусства, чем сотни “просвитян”, которые понимают в этом искусстве, как “свинья в апельсине”, что в седьмой год революции вдруг сделались революционнее самого Ленина, и теперь выступают в разных советских журналах с “красными” фразами...» [8].

В Миколе Зерове, выдающемся ученом-литературоведе, профессоре Киевского университета, переводчике античных писателей, главе «неоклассиков», Хвылевый увидел единомышленника. Он понял, что Зеров, защищающий искусство, свободное от какого-либо диктата, в то время, когда тон в литературной жизни задают держиморды с революционной фразеологией, несомненно, близок ему по взглядам. Хвылевый предложил Зерову участвовать в качестве критика в журнале «ВАПЛІТЕ» и привлечь в журнал других «неоклассиков».

В памфлете «О демагогичной водичке, или действительный адрес украинской воронщины, свободная конкуренция, ВУАН и т. д.» Хвылевый укоряет главу «Плуга» С. В. Пилипенко: «Вы ж прекрасно понимаете, что вся та массовая литература, которую вы печатаете, и близко не лежала около искусства» [8]. Свой союз с неоклассиками Хвылевый объясняет тем, что они — «настоящие европейцы», хотя бы уже потому, что «против течения» переводят римлян, поняв, что «новое искусство должно вернуться к образцам — античной культуре. Азиатский ренессанс — это эпоха европейского возрождения плюс несравненное, бодрое и радостное греко-римское искусство». «Не удивительно, — считает Хвылевый, — что даже в буржуазной Франции возник недавно неоклассицизм. Для романтики витаизма неоклассицизм так же нужен, как и сама вера в правду великого азиатского ренессанса». Он призывает молодежь идти за «олимпийцами» по пути нелегкому, но зато это путь, «который бежит в будущее за багряными конями ... гениальной революции» [8].

По словам Хвылевого, Зеров поддержал его идею азиатского ренессанса, написав ему: «Я люблю всех сторонников “циклических теорий”. Вера в цикличность определяется пафосом, трагизмом, эмоционально насыщена, и благодаря этому захватывает». «Именно эту цикличность мы и предлагаем, — пишет Хвылевый в своем памфлете. — Именно она и воссоздаст те “великие мысли и чувства”, про какие говорит Воронский. Его же “бесконечный прогресс” ведет нас к “катафалку искусства”, к панфутуризму, к ликвидаторским настроениям. Буржуазный цикл себя исчерпал и зашел в тупик, и не Воронскому вывести его на радостный путь горения» [8]. Хвылевый не может согласиться с русским критиком, особенно с его отрицанием перспективного, по его мысли, направления в искусстве — экспрессионизма: «В той

же брошюре “Искусство как познание жизни” он (А. К. Воронский. — 3. X.) <...> перегибает палку объективизма. Этим только и можно объяснить, что для Воронского немецкий экспрессионизм — “упадочное” течение. Для нас не так: это тоже предтеча великого азиатского ренессанса. Ибо экспрессионизм — <...> это тоже попытка дать цикличную теорию, а только цикличная теория имеет перспективы. Это не шпенглеровская теория целой системы — это цикличная теория одного искусства...» [8].

Хвылевый предполагал, что азиатский ренессанс в искусстве будет состоять из нескольких периодов, а «периоды будет характеризовать то или другое художественное направление». Предтечами ренессанса Хвылевый называет «олимпийцев»: «Как в свое время Петрарка, Микель-Анджело, Рафаэль и т. д. с итальянского уголка зажгли Европу огнем возрождения, так <...> новые художники-коммунары, которые идут за нами, найдут на гору Геликон, поставят там светильник Ренессанса <...> Романтику витализма создадут <...> коммунары. Она, как и всякое искусство, для развитых интеллектов. <...> Это искусство первого периода азиатского ренессанса. С Украины оно должно перекинуться во все части света и сыграть там не домашнюю роль, а общечеловеческую» [8].

В архиве НКВД, в материалах арестованного в 1937 году зав. отделом ЦК КП(б)У А. Хвыли, сохранился не разрешенный к печати памфлет Хвылевого «Украина или Малороссия? Еще несколько заметок о проблемах культурной революции». Его нельзя назвать более острым в политическом аспекте, чем другие, скорее всего, он не был напечатан из-за нападков на высокого партийного деятеля. Речь в памфлете идет о том, что украинская литература должна иметь собственный, отличающийся от русского, путь развития, как и культура в целом. «Без русского дирижера наш культурник не мыслит себя. Он способен только повторять зады, обезьянничать» [9; 2, с. 471], — обрушивает Хвылевый свой гнев на деятелей культуры.

Хвылевый убежден, что лучше искать себе учителей на Западе, чем в России. Украине не хватает «вitalности», а западная литература, золотой век которой проходил под знаменем буржуазных революций, более оптимистична, чем русская. Хвылевый спрашивал: «Откуда эта арцыбашевщина четвертого сорта пролетарских писателей Гладковых, чирикание писателей соломенной Руси, заурядность Ивановых, ограниченность Пильняков, бульварщина Эренбургов и т. д. и т. д. Откуда эта бесплотная <...> формалистика Шкловских? Откуда эта профанация литературы господами Алексеями Толстыми? Каковы причины подобного разложения?» [7, с. 195]. И отвечал: «Великая русская литература прежде всего <...> пессимистична, точнее пассивно-пессимистична. В западноевропейском печатном слове тоже содержалась доля пессимизма, но там оно всегда призывало общество к активности, к строительству, к “неведомым горизонтам”» [7, с. 195].

Признавая, что русская литература XIX века для украинцев «была лучом света в темном царстве», Хвылевый называет ее «прежним богом»: сейчас «бог этот не отвечает духу эпохи». «Грядет новое время нового человека», а русская литература, которую и партийный работник А. Хвыля, и упоминаемый в памфлете критик В. Коряк, и все те, кто проводил партийную линию в культуре Украины, считали образцовой, по мнению Хвылевого, «не способна воспитать сильного и здорового, цельного и железного человека, который будет наделен стальными нервами и не полезет на четвереньках от идеалов, вспыхнувших в осеннюю революцию». Она, по его словам, «не в силах

поддерживать огонь необыкновенной веры в правду гражданских баталий, в неминуемость прихода “далекой загорной коммуны”» [7, с. 198].

Хвылевый пытался убедить своих оппонентов в том, что украинской литературе нужно предоставить возможность развиваться самостоятельно, без оглядки на русскую: «И если московская молодежь в силу тяжких традиций не может освободиться от влияния своего художественного прошлого, то не тяните в это же болото (сознательно или бессознательно) и наших молодых»; «Возрожденческие мотивы молодой украинской поэзии не только не примиряются с декадансом нынешнего московского искусства, с ограниченностью тамошних пролетарских художников, но они сопротивляются и духу пессимизма великой русской литературы...» [7, с. 198].

Полемизируя, Хвылевый нередко бывал излишне категоричен, однако в том, что украинские писатели не должны слепо следовать традициям русской литературы, он абсолютно убежден. Он боролся за оригинальную, самобытную украинскую литературу и был уверен, что она в состоянии не только «создать подлинное искусство великой эпохи», но и «указать революционный путь русскому Парнасу». Потому и предложил он «новый лозунг, направленный против русской литературы, <...> лозунг здорового соперничества» [7, с. 199].

«Не нужно путать наш политический союз с литературой» [9; 2, с. 573], — настаивал Хвылевый. Но литературная дискуссия быстро потеряла и дискуссионный, и литературный характер, став политической, в нее включились партийные деятели: В. Затонский, В. Чубар, А. Хвыля, М. Скрипник. В пылу полемики писатель произнес фразу «Прочь от Москвы!»<sup>3</sup>. В апреле 1926 года возглавлявший ЦК Украины Л. Каганович получил письмо от Сталина, в котором было высказано недоумение, что украинский коммунист Хвылевый выступил с лозунгом «Прочь от Москвы». Разумеется, Сталина тонкости эстетических споров не волновали. 6-й номер «ВАПЛИТЕ», в котором печаталась вторая часть идеологического романа Хвылевого «Вальдшнепы», был конфискован, а в начале 1928 года вынуждена была «самоликвидироваться» и ВАПЛИТЕ. Но времена были еще «вегетарианские», и несколько лет Хвылевый мог печатать свои рассказы, повести, статьи, работать в альманахе «Литературная ярмарка» и журнале «Пролитфронт». Но скоро нападки критиков переросли в травлю. М. Хвылевого и его единомышленников стали называть глашатаями идей украинской националистической буржуазии в литературе. В 1933 году, когда начались аресты его ближайших соратников, писатель добровольно ушел из жизни. Он думал, что его самоубийство вызовет резонанс, заставит власти обратить внимание на украинскую культуру и ее деятелей, однако этого не произошло.

Закономерно, что в советскую эпоху имя человека, возглавившего «расстрелянное украинское возрождение», упоминалось лишь в обзорах, его роль в культуре Украины 1920-х годов намеренно искажалась, произведения не переиздавались. Лишь с конца 1980-х годов в Украине и России публикуются отдельные сборники художественных произведений и литературно-критических статей Хвылевого. Начинается изучение его творческого наследия. В Украине выходят

---

<sup>3</sup> По словам секретаря ВАПЛИТЕ А. Любченко, Москву Хвылевый «так ненавидел, что никогда не соглашался туда ездить, хотя его посылали на пленумы и конференции. Только раз, кажется в 1929 году, побывал в Москве; поездка была неофициальной, гостевой. В Доме Герцена проводил вечера с Маяковским, оба они один к другому принялись и много пили...» [5; перевод мой. — З. Х].



монографии о жизни, судьбе и творчестве Хвильового, его мировоззренческих исканиях [10], защищаются диссертации, публикуются научные работы об истории украинской литературы первой трети XX века, в том числе о литературной дискуссии 1920-х годов [2, 11]. Если в 1990-е годы меньше внимания уделялось эстетическим взглядам Хвильового, чем его творчеству, то в XXI веке усилился интерес к его философско-эстетической концепции, появились работы, специально посвященные ее отдельным аспектам (теориям азиатского ренессанса [4] и романтического витаизма [3, 6]), но преимущественно авторами этих работ рассмотрена реализация теоретических положений в художественной практике Хвильового и его современников.

#### Список литературы

1. *Агеева В. П.* Микола Хвильовий // Хвильовий Микола. Твори. Київ: Наук. думка, 1995. С. 5—30.
2. *Байдалова Е. В.* Украинская литература между Европой и Россией: к полемике К. Бурезового и Н. Хвильового // Славянский альманах. 2015. № 1—2. С. 206—214.
3. *Кавун Л. И.* Стиль «романтики витаизма» в украинской прозе 20-х годов XX века // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. 2005. № 1. С. 84—87.
4. *Камянская А. В.* Теория азиатского ренессанса в творческом наследии Николая Хвильового // Вісник Київського національного університету ім. Тараса Шевченка. Філософія. Політологія. 2007. № 87/88. С. 28—31.
5. *Любченко А.* Нотатки до спогадів про Хвильового. URL: <http://litmisto.org.ua/?p=4185> (дата обращения: 10.10.2020).
6. *Сапон-Аблязова Л. В.* Воплощение теории романтического витаизма в творчестве Н. Хвильового // Гуманітарні студії. 2012. № 15. С. 223—235.
7. *Хвильовий М.* Украина или Малороссия? Еще несколько заметок о проблемах культурной революции / пер. А. Руденко-Десняка // Дружба народов. 1990. № 7. С. 189—200.
8. *Хвильовий М.* Камо грядеши: Уривки з памфлетів. URL: [http://ukrlit.org/faily/avtor/khvyliovyi\\_mykola/khvyliovyi-kamo\\_hriadeshy.pdf](http://ukrlit.org/faily/avtor/khvyliovyi_mykola/khvyliovyi-kamo_hriadeshy.pdf) (дата обращения: 12.10.2020).
9. *Хвильовий М.* Твори: у 2 т. Т. 2. Київ: Просвіта, 2001.
10. *Шейко В.* Філософія української національної ідеї та Микола Хвильовий: історико-культурологічний аспект: монографія / Василь Шейко, Валерія Левіна. Київ: Ін-т культурології НАНУ, 2009.
11. *Шкандрій М.* Модерністи, марксисти і нація: українська літературна дискусія 1920-х років. Київ, 2006.

УДК 811.111'42  
ББК 81.432.1-51  
DOI: 10.46726/Н.2020.4.6

*Ю. А. Богатикова*

## **ГИПЕРТЕКСТ КАК ПАРАМЕТР ГРАДУАЛЬНОЙ ШКАЛЫ «ДОКУМЕНТАЛЬНОСТЬ — ХУДОЖЕСТВЕННОСТЬ» В ТВОРЧЕСТВЕ П. АКРОЙДА**

В статье предлагается теоретическое обоснование соотношения понятий «документальность» и «художественность» применительно к биографическим текстам, которые имеют двойственную природу и могут быть интерпретированы как более или менее достоверные с точки зрения объективной реальности. Практический анализ текстов П. Акройда в виде таблицы демонстрирует, что результат восприятия текста как документального или художественного может зависеть от свойств самого текста как интенционального авторского коммуникативного акта. С целью преодоления имманентной тексту двойственности значения обосновывается возможность использовать градуальную шкалу «документальность — художественность», градации которой эмпирически выявляются при использовании автором той или иной формы композиционного приёма гипертекста.

**Ключевые слова:** документальность, правдоподобие, гипертекст, нарратология, градуальный эталон, типология текста.

*Ju. A. Bogatikova*

## **HYPERTEXT AS THE PARAMETER OF COGNITIVE GRADUAL SCALE *FICTION* — *NONFICTION* IN WORKS BY P. ACKROYD**

The article provides theoretical background to the idea of hypertext as a device of composition in fictional and nonfictional texts. Both fictional and nonfictional texts can be interpreted and located by authors / readers as more or less credible from the point of view of objective reality. Practical analysis of texts by P. Ackroyd shows that the result of text interpretation as fiction or nonfiction depends on the text composition qualities introduced into it by the author. The hypothesis is to establish a cognitive graded scale, presented as a chart, which allows to attribute texts as fiction or nonfiction on the grounds of actual usage of hypertext as stylistic means and a form traditional for scientific writing. Hypertext as a literary device may be used both in fiction to create a formal effect of verisimilitude, and in nonfiction as an established device for organization of objective information.

**Key words:** fiction, nonfiction, hypertext, narratology, cognitive gradual scale, text typology.

---

© Богатикова Ю. А., 2020

В трактате «Лаокоон» Г. Э. Лессинг утверждает один из современных ему критериев искусства: «...искусство в новейшее время чрезвычайно расширило свои границы. Оно подражает теперь <...> всей видимой природе, в которой прекрасное составляет лишь малую часть. Истина и выразительность являются его главным законом...» [9, с. 89—90], для целей данной статьи примем понимание «истинности» как оценочной категории искусства: качественное, правильное, *настоящее искусство*, которое становится значимой и знаковой частью культуры.

Способы создания выразительности, как видно из приведенной цитаты, меняются со временем, в частности, в современных нарратологических исследованиях художественной литературы особую актуальность получил вопрос определения границ фикциональности текста как одного из признаков его художественной достоверности и выразительности, например, в исследовании В. Шмидта «Нарратология» [12]. В частности, текст может быть фактографически достоверным, но авторская интенция и/или читательская перцепция могут переопределять его положение в документальном, либо художественном дискурсе, на что указывает В. Г. Тимофеев [10]. В ситуации двойственной интерпретации (правда или вымысел) с уверенностью можно говорить лишь о том, что тексты могут быть прочитаны как *более или менее* правдоподобные, реалистичные, как это было показано нами ранее [7—8]. В связи с этим, представляется необходимым использовать понятие «градусального эталона», предложенное в когнитивной лингвистике В. Я. Шабесом [11], в частности, когда понятия «документальность» — «художественность», «правда» — «вымысел», «фактографичность» — «правдоподобие» могут быть приняты в качестве полюсов на единой шкале интерпретации текста либо как фактографического, либо как фикционального. Так, например, произведения П. Акройда предлагается интерпретировать по степени участия в них вымысла как:

— *биографические / историографические*: «Блейк», «Темза: священная река», где авторская интенция в большой мере заключается в фактографическом описании, четко распределяются понятия в разделах «Река как факт» и «Река как метафора»;

— *художественно-биографические*: «Шекспир», где автор изначально занимает определенную историко-литературную позицию в дискуссии о существовании личности У. Шекспира;

— *псевдобюрографические / псевдоисториографические*: «Завещание Оскара Уайлда», «Повесть о Платоне», в последнем наиболее очевидно выражен обсуждаемый приём гипертекстовой организации: фрагментированное повествование, чередующее форму организации словаря, драмы, повествовательных эпических фрагментов и др.;

— *художественные фактографические*: «Процесс Элизабет Кри», «Лондон: Биография», которые на основании исторических фактов выстраивают субъективное авторское видение описываемого явления. Детальное распределение этих и других произведений П. Акройда по шкале «документальность — художественность» было представлено нами ранее [13].

Признаками, по которым можно эмпирически установить «истинность выразительности», позиционирующую текст в том или ином месте предлагаемой шкалы, являются как общие типологические и жанровые характеристики текста, так и приёмы композиционной организации текста, относящиеся его или к вымышленному дискурсу художественной литературы,

или к научно-достоверному дискурсу в соответствии с авторской интенцией (напр., история, научная биография).

Один из таких приёмов — гипертекстовая организация текста, которая восходит в большей мере к научной традиции гуманитарных наук и обычно обсуждается в первую очередь как типологическая характеристика научного текста, например, в работе М. В. Алексеевой [6]. Гипертекст является неотъемлемой частью научного стиля, поскольку обеспечивает его референциальность действительности и предшествующим текстам, бытующим в реальном мире, а также верифицируемость излагаемых фактов в текстах-предшественниках, событиях и явлениях реальности.

Художественное повествование характеризуется, согласно В. Шмидту, фикциональностью и эстетичностью, когда «тематические единицы приобретают вторичный смысл, а элементы формальные ... наделяются смысловой функцией» [12, с. 41]. При этом, «чтобы произведение вызвало у читателя эстетическую установку, автор должен организовать повествование таким образом, чтобы оно не было носителем лишь тематической информации, чтобы содержательной стала сама манера повествования. <...> Как фикциональность, так и эстетичность обуславливают изоляцию произведения, снятие внешней референтности, ослабление непосредственного соотнесения с реальностью» [12, с. 42]. Гипертекст в традиционном научном понимании, казалось бы, несет прямо противоположную функцию референциальной привязки текста к внешним текстам или фактам реальности, как об этом пишет М. В. Алексеева: «<к>огнитивная функция научного гипертекста отражается в коллективном познании, что находит своё выражение в совокупности индивидуальных актов речетворчества» [6, с. 19], фактологическая информация может присутствовать в констатации чужой мысли, однако чаще всего представлена в одной из форм гипертекстовой оценочности, или модальности, т. е. отношения высказывания к действительности [6, с. 31]. Таким образом, уже в научном тексте гипертекстовые ссылки на факты (в том числе факты наличия мысли) могут нести не только референтную функцию отсылки к объектам действительности, но и модальную функцию авторского отношения к этим фактам.

Художественный текст строго определяется В. Шмидтом как гомогенно фиктивный в силу 1) авторской интенции, 2) наличия хотя бы одного вымышленного факта (мысли, персонажа и т. п.), с оговоркой, что существует и менее строгий подход к интерпретации фиктивности, предложенный Ф. Ципфелем, который «различает разные степени реальности в фиктивном мире..., но отказывается от логически следующего из этого вывода о градации фиктивности» [12, с. 38]. Как представляется, наличие в (художественных) произведениях приёма гипертекстовой организации текста дает такую возможность методической «градации фиктивности», при которой, с одной стороны, гипертекст в художественном тексте обеспечивает референцию к объектам действительности, вписывает текст в реальность читателя и, таким образом, делает его актуальным, вызывает интерес, желание читать, создает общее пространство коммуникации. С другой стороны, возможность гипертекстовой оценочности не отрицает авторской интенции создать фикциональный / художественный текст. Таким образом, гипертекст становится приёмом, который как формально, так и тематически «втягивает» объекты реальности (в том числе мысли, чувства автора, прототипы, референтные пре-тексты) в текст, и выводит коммуникативный акт взаимодействия

автор — читатель на более высокий уровень обобщения, то, что В. Шмидт описывает как «оживление целостного отношения к действительности» [12, с. 43]. Реальность, которая может быть так или иначе интерпретирована автором и читателем в коммуникации, при этом в меньшей или большей степени (до уровня фактографичности) вписана в текст произведения (как составная часть коммуникативного кода) с помощью гипертекста. В форме таблицы представлены используемые П. Акройдом формы гипертекста в зависимости от типа произведения:

<i>Произведение и тип текста</i>	<i>Форма гипертекста</i>	<i>Примеры гипертекстовой организации</i>
«Темза: священная река» [1]. Биография, историография, краеведение	— именной указатель; — алфавитный порядок; — ссылки на источники; организации; — приложения	Карты, иллюстрации в приложении; Именной указатель; глава «Опыт альтернативной топографии: от истока до моря» [1, с. 498]
«Шекспир. Биография» [2], «Лондон: биография» [3]. Художественная биография	— библиография; — библиографические ссылки в тексте; — упоминание и анализ произведений английской художественной литературы в качестве опорных источников	— постраничные сноски с указанием произведений; — «Эссе об источниках» [3, с. 879]
«Повесть о Платоне» [4]. Художественная псевдо-биография, псевдо-историография, роман	— вымышленная периодизация по годам; — выдержки из вымышленных источников; — словарная организация	Научный стиль организации вымысла: «ок. 3500 до н. э. — ок. 300 до н. э.: эпоха Орфея»; «Рональд Корво “Новая теория Земли”, 2030 г.»; «Биограф (от “био” + “графия”): тот, кто читает письма жизни. Предсказатель будущего, хиромант» [4, с. 7, 9, 28]
«Процесс Элизабет Кри» [5]. Роман	— упоминание исторических фактов, личностей	«Шестого апреля 1881 года во дворе Камберуэльской тюрьмы в Лондоне была повешена женщина» [5, с. 7]

Наличие гипертекстовых ссылок, их количество и качество, соотносимость с 1) объективной реальностью и внешними текстами, 2) корпусом текстов самого автора, 3) текстом самого произведения, а также оценочные свойства гипертекста, (например, переложение и комментирование [6, с. 31]), позволяют методично располагать тексты на шкале «документальность — художественность». При этом сохраняется возможность углубления в тематические свойства гипертекста, чем традиционно занимается сравнительно-историческая и биографическая школы литературоведения. Литературоведческий структурализм имеет возможность сосредоточиться на формальной стороне гипертекста, которая обеспечивает в том числе и когнитивную градацию текста по предлагаемой шкале, как в случае с произведениями П. Акройда, который как автор намеренно сохраняет двойственность своей интенции в вопросе фактографичности / фикциональности своих произведений.

## Список литературы

1. *Акройд П.* Темза: Священная река. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2009. 568 с.
2. *Акройд П.* Шекспир. Биография. М.: Изд-во КоЛибри, 2009. 736 с.
3. *Акройд П.* Лондон: Биография. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2005. 896 с.
4. *Акройд П.* Повесть о Платоне. М.: Иностранка: Б.С.Г. — ПРЕСС, 2002. 169 с.
5. *Акройд П.* Процесс Элизабет Кри. М.: АСТ: Астрель: CORPUS, 2009. 351 с.
6. *Алексеева М. В.* Типологические особенности научного текста: гипертекстовая типология языка науки: монография. М.: МИСиС, 2015. 100 с.
7. *Богатикова Ю. А.* Прием художественного гипертекста и проблема переводческого комментария // Вестник Московского университета. Серия 22, Теория перевода. М., 2009. № 3. С. 50—61.
8. *Богатикова Ю. А.* Форма и содержание художественного текста как ценностный ориентир в авторской и читательской интерпретационной деятельности // Сознание и речевая деятельность: социо- и лингвокультурологические аспекты: материалы Международной конференции памяти профессора Владимира Яковлевича Шабеса, 26—27 февраля 2014 г. / редкол.: А. Л. Генкин и др. СПб.: Университетские Образовательные Округа, 2014. С. 127—130.
9. *Лессинг Г. Э.* Лаокоон, или О границах живописи и поэзии. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 519 с.
10. *Тимофеев В. Г.* А. С. Пушкин vs. Э. А. По: история перформативных высказываний В. В. Набокова // Русская литература. М., 2019. № 1. С. 192—197.
11. *Шабес В. Я.* Событие и текст. М.: Высшая школа, 1989. 175 с.
12. *Шмидт В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.
13. *Bogatikova J.* Correlation of terms ‘Fiction’— ‘Nonfiction’ in Biographical works by P. Ackroyd / WUT2018IX International Conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”. The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. P. 193—198. URL: <http://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.04.02.2> (дата обращения: 14.11.2020).

УДК 811.111'373.46  
ББК 81.432.1-324  
DOI: 10.46726/И.2020.4.7

*Л. В. Коцюбинская, С. В. Калинина*

## **К ВОПРОСУ КЛАССИФИКАЦИИ НЕОНИМОВ В АНГЛИЙСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЕ НЕФТЕПЕРЕРАБОТКИ**

Статья посвящена классификации новых языковых единиц терминосистемы нефтепереработки, зафиксированных в отраслевом лексикографическом источнике во временном отрезке с 1962 по 1975 годы. Уделено внимание выявлению экстралингвистических предпосылок возникновения терминологических новообразований. Процесс неологизации рассматривается в соответствии с общелингвистическими принципами экономии и аналогии. Актуальность статьи определяется необходимостью упорядочивания новых терминологических единиц; новизна видится в предложенной структурно-семантической классификации неологизмов подъязыка. Результаты проведенного исследования являются подтверждением подчинения способов образования новых терминологических единиц общим способам терминообразования, равно как и подтверждением влияния экстралингвистических факторов на пополнение отраслевой терминологии. Анализ, проведенный для целей гармонизации терминосистемы, позволяет установить тенденции номинативных процессов, выявить наиболее продуктивные способы создания отраслевых неонимов. Выявлено превалирование постфиксального способа терминообразования с использованием большого количества латинских и греческих элементов. Присутствуют неонимы, образованные префиксальным способом; представлены агглютинированные и непроизводные терминологические единицы. Сложные термины имеют графическое оформление. Словосложения содержат в себе общеупотребительную и специальную лексику. Словосочетания представлены минимально. Обнаружена конверсия с преимущественным направлением производности в конверсионной паре Adj => N. Семантическое членение неонимов выборки выявило наличие антропоцентризма, одной из принципиальных установок современной лингвистической парадигмы, проявляющейся в метафоризации общей лексики. Классификация выборки по понятийным областям ранжируется следующим образом: «свойства и характеристики», «вещества и материалы», «процессы», «оборудование», «методы и приёмы».

**Ключевые слова:** терминология подъязыка нефтепереработки, лексикографический источник, неологизм, неоним, номен.

*L. V. Kotsyubinskaya, S. V. Kalinina*

## **TO THE QUESTION OF NEONYMS' CLASSIFICATION IN THE ENGLISH TERMINOLOGY OF OIL REFINING**

The article is devoted to the classification of new linguistic units of the oil refining term system recorded within the industry lexicographic source in the time period from 1962 to 1975. Attention is paid to the identification of extra linguistic prerequisites for the emergence of terminological neologisms. The process of neologization is considered in accordance with the general linguistic principles of economy and analogy. The relevance of the article is determined by the need to organize new terminological units; the novelty is seen in the proposed structural

and semantic classification of the sublanguage neologisms. The results of the study confirm the subordination of new terminological units' formation methods to general methods of term formation; the results also confirm the extra linguistic factors' influence on the industry terminology completion. The analysis carried out for the purpose of the term system harmonization allows us to establish trends in nominative processes, to identify the most productive ways to create industry-specific neonyms. The postfix method prevalence of term formation using a large number of Latin and Greek elements is revealed. There are neonyms formed by the prefix method; agglutinated and non-derived terminological units are presented. Complex terms have a graphic design. Compoundings contain common and special vocabulary. Word combinations are represented minimally. The conversion with the preferred direction of the derivative was detected in the conversion pair Adj => N. The semantic division of the selected neonyms revealed the presence of anthropocentrism, one of the fundamental tenets of the modern linguistic paradigm, manifested in the metaphorization of the general vocabulary Classification of the selected linguistic units by conceptual areas is ranked as follows: "properties and characteristics", "substances and materials", "processes", "equipment", "methods and techniques".

**Key words:** terminology of the oil refining sublanguage, lexicographic source, neologism, neonym, nomen.

Общеизвестно, что новая лексика выступает индикатором развития языка, являя собой отражение потребностей общества в новых понятиях. Инновационные процессы особенно интенсивно происходят в областях, связанных с усовершенствованием продукции, механизмов и оборудования, именно эти области описываются особыми языковыми единицами — терминологической лексикой, которая в отношении обновления является наиболее подвижной и динамичной. Лингвистами верно подмечено, что «в общем языке почти все давно названо, а в специальных областях постоянно требуются новые названия» [8, с. 82]. Предметом исследования данной статьи являются неонимы. Материалом исследования служат терминологические единицы, зафиксированные в англо-русском словаре по химии и переработке нефти В. В. Кедринского 1975 года издания (в сравнении с 1962 годом издания) [4, 5]. Общий объём составляет 60 000 словарных статей; количество новых терминов в издании 1975 года, отсутствующих в словаре 1962 года издания, исчисляется 2 940 единицами, что говорит о наличии 5 % неонимов. Временные рамки материала исследования обозначены первым и вторым (переработанным и дополненным) изданием взятого за основу лексикографического источника; последующие издания (шестое датируется 2004 годом) являются стереотипными. «Мы относим данную лексику к новой, так как она появилась в английском языке за последние 25 лет, что является чрезвычайно коротким временным отрезком в плане исторического языкового развития, и в гносеологическом плане данная лексика еще не утратила свою новизну» [3, с. 6]. В рамках данной статьи, вслед за Т. В. Жеребило, неология понимается как «раздел лингвистики, в котором изучаются активные процессы в лексике и фразеологии» [2, с. 217]. Неологизация — закономерная реакция отраслевой лексики на развитие нефтегазовой отрасли и необходимость называния новых понятий. Рассуждая о предпосылках появления новой лексики, вслед за В. М. Лейчиком [6, с. 21] говорим о функции открытия нового знания, о гносеологических признаках термина. Действительно, неонимы появляются и используются специалистами определенной сферы в тот момент, когда появляется новое понятие. Среди причин появления неологизмов Silvia Pavel выделяет стилистические, технологические, социологические



и функциональные [10, с. 21]. В рамках эстралингвистической подоплеку процесса неологизации следует отметить эволюцию отрасли от простой перегонки нефти, появления термических процессов (термокрекинга, коксования), а позднее и каталитических процессов (гидроочистки и гидрокрекинга), до развития нефтехимии. Условно, развитие нефтяной и газовой отрасли мира можно разделить на пять этапов: начальный (до 1900 года), определяющий (до 1950 года), избирательно активный (до 1960 года), всеобщее интенсивный (до 1980 года) и современный. На начальном этапе наблюдались умеренные темпы становления отрасли. На определяющем — отрасль развивалась более, чем в 60 странах мира при заметном влиянии России и США. Открытие И. М. Губкиным в 1910 году первой в мире «рукавообразной» залежи нефти дало толчок нефтяному буму на Северном Кавказе. Избирательно активный этап характеризовался интенсивностью геологоразведочных работ. Этап всеобщей интенсификации явил новые месторождения и почти в два раза увеличившуюся добычу. Велась разработка теоретических основ нефтегазодобычи. На современном этапе основным критерием развития является увеличение ресурсной базы [7]. Целью исследования является классификация терминов-неологизмов с точки зрения их структуры и семантики. При написании статьи использованы следующие методы: метод сплошного просмотра лексикографического источника, метод количественного подсчёта, наблюдение, описание.

Для начала определимся с терминологией и приведём теоретические постулаты ряда лингвистов в отношении новых лексических единиц. Остановимся на вопросе соотношения понятий «неоним», «неологизм» и «номен». Неологизм трактуется как «новое слово или новое значение и форма уже существующего слова. В широком смысле слова неологизм может быть лексическим, словообразовательным, фонетическим, морфологическим и синтаксическим. В узком смысле неологизмом называют лексическое или семантическое новообразование» [2, с. 216]. Термин «неоним» А. В. Суперанская, вслед за квебекским лингвистом Г. Рондо, определяет как терминологический неологизм и отмечает, что «согласно Г. Рондо, каждый новый языковой знак (и неологизм, и неоним) в своей «жизни» проходит три этапа: этап новизны, этап фиксирования в употреблении и, наконец, этап старения» [8, с. 198]. Для неонима основным критерием этапа новизны является мнение специалистов конкретной области знания, а не просто носителей языка, как для неологизма. Лексикографическое закрепление, как этап фиксирования в употреблении, является достаточным для неологизма, в то время как для неонима необходимо ещё и употребление в научно-технической документации и отраслевой периодике; мнение экспертов специфичной области знания является основополагающим критерием неонима. «Номены», наименования конкретных изделий и единичных понятий, по С. В. Гриневу определяются в дифференциации термина и номена, а именно в «разнице между отражением понятия и этикетированием отдельного конкретного предмета» [1, с. 38].

Лингвистами были предложены различные классификации новых лексических единиц; ряд исследователей подразделяет их на собственно неологизмы (новые по форме и содержанию), на семантические инновации (новое значение имеющейся в языке формы) и на номены. Разграничивая семантические и морфологические неологизмы, Silvia Pavel утверждает, что семантические неологизмы могут быть образованы при помощи расширения/добавления нового значения (expansion), метафоры, грамматической конверсии, заимствования из другой сферы, в то время как морфологические неологизмы

могут быть образованы при помощи деривации, многокомпонентности, осново- и словосложения, смешивания, акронимии, заимствования. [10, с. 20]. В исследованиях Г. Рондо неонимы образуются следующими способами: морфологическим (аффиксация, деривация, апокопа), морфо-синтаксическим (словосложение, эллипсис, аббревиация), морфо-семантическим (калька, заимствование) [8, с. 197—219].

Наложение предложенных лингвистами классификаций на материал статьи позволило осуществить собственную классификацию новых лексических единиц выборки. Разбивка материала исследования по структуре выявила превалирование *морфологических неологизмов*, что ещё раз подтверждает мысль о том, что «в языке последних десятилетий преобладают морфологические неологизмы, т. е. единицы, созданные по образцам, существующим в языковой системе» [3, с. 53]. Большинство новообразований в данной терминосистеме образовано *постфиксальным* способом (961 единица или 32,7 % выборки) с использованием большого количества латинских и греческих элементов. Это связано с тенденцией интернационализации знания, характерной для современного периода развития науки и техники. Наиболее продуктивный суффикс для создания инноваций-имён существительных -ation (латинского происхождения, для выражения действия или результата действия), 112 единиц или 11,7 %: coagulation (коагуляция), attemperation (регулирование температуры), benzolation (бензоилирование). Древнеанглийские суффиксы -ing для образования отглагольных существительных (95 единиц или 9,9 %): sagging (оседание), centrifuging (центрифугирование), orificing (дросселирование) и -ed (53 единицы или 5,5 %) для значения принадлежности: valved (клапанный), instrumented (оснащенный контрольно-измерительной аппаратурой), charged (заряженный). Суффиксы деятеля -er (89 единиц или 9,3 %): variplotter (самописец), tyndallometer (нефтелометр), remover (средство для удаления чего-л.) и -or (20 единиц или 2,1 %): coagulator (коагулятор), compressor (компрессор), emulgator (эмульгатор). Суффикс -ic, указывающий на признак и служащий для образования прилагательных (44 единицы или 4,6 %): catalytic (каталитический), petrolic (бензиновый), tensometric (тензометрический). Суффикс латинского происхождения -ive (25 единиц или 2,6 %) описывает качественные характеристики определяемого существительного: penetrative (проникающий), combustive (топливный), dispersive (диспергирующий). Неонимы, образованные *префиксальным* способом составили 197 единиц или 6,7 %: unscrew (развинчивать), pseudosalt (псевдосоли), contraflow (противоток). Следующими по количественному значению выявлены *непроизводные* термины (578 единиц или 19,7 %), состоящие из одной корневой морфемы: curd (творожистый осадок), cowl (кожух радиатора), agent (вещество). Графическое оформление *сложных* терминов в выборке (493 единицы или 16,8 %) варьируется: написание через дефис (324 единицы или 65,7 %) или слитно (169 единиц или 34,3 %) — heat-conducting (теплопроводный), airborne (переносимый воздухом), hugas (абгаз процесса деструктивной дидрогенизации твердых топлив), moving-bed (с движущимся слоем), sulfur-bearing (сернистый), processability (пригодность для химической переработки), pipeline (трубопровод), equiphase (равнофазный). Примечательно наличие форманта греческого происхождения photo: photocurrent (фотоэлектрический ток), photoemulsion (фотоэмульсия). В терминах, образованных *смешанным* способом (265 единиц или 9 %) присутствует формант латинского происхождения radio: radioactivated (активированный излучением), radiochromatography

(радиохроматография), radioresistance (стойкость к облучению). Другие примеры данной подгруппы: hydrocarbonaceous (содержащий углеводород), isoenthalpic (изоэнтальпический). *Словосложения* (276 единиц или 9,4 %) подразделяются на те, у которых оба терминологических элемента являются общеупотребительной лексикой (182 единицы или 65,9 %) — streamflow (поток), quick-response (малоинерционный), manway (лаз); те, у которых оба терминологических элемента являются специальной лексикой (56 единиц или 20,3 %) — thermorelay (термореле), adsorbent-dessicant (адсорбент-осушитель), pump-turbine (турбонасос); те, у которых один терминологический элемент — специальная лексика, а второй — общеупотребительная (38 единиц или 13,8 %) — low-octane (низкооктановый), high-yield (высокопродуктивный), corrosion-proof (коррозионностойкий). *Агглютинированные* терминологические единицы (136 единиц или 4,6 %) представлены следующим образом: dialkylbenzene (диалкилбензол), homopolycondensation (гомополиконденсация), dimethylsulfolane (диметилсульфолан) и, в основном, представляют собой образцы транслерминологизации из химической отрасли, родственной для нефтепереработки. *Словосочетания* представлены минимально — 34 единицы или 1,2 % — deferred-action (замедленного действия), steam-and-gas (газопаровой), что говорит о нераспространённости синтаксического способа образования терминов, зафиксированных в лексикографическом источнике. *Аббревиация*, как морфо-синтаксический способ образования новой лексики, частично присутствует в словаре 1975 года издания — *API (American Petroleum Institute)*, *NPA — National Petrochemical Association*, однако, в основном подобными лексическими единицами изобилует отраслевая периодика — *BPTT (British Petroleum Trinidad & Tobago)*, *NPRA (National Petrochemical & Refinery Association)* [9]. *Конверсия* как один из способов образования семантических неологизмов составила 53 единицы или 1,8 % с преимущественным направлением производности в конверсионной паре Adj => N: crushing (дробильный // дробление), glassceramic (стеклокерамический // стеклокерамика), probing (зондирующий // зондирование). *Семантическое* членение неонимов выборки выявило наличие антропоцентризма, одной из принципиальных установок современной лингвистической парадигмы, проявляющейся в метафоризации общей лексики: test-bed (испытательный стенд), thief (отбирать пробу нефтепродукта), killer (отравляющая примесь), lukewarm (слегка нагретый), St. Luke's summer («бабье лето», тёплые сухие дни поздней осени), jouney (миграция), honeyscomb (с пористой структурой), deadwood (конструктивные элементы внутри нефтяного резервуара, уменьшающие его ёмкость), fish (накладка), heels (остатки), kettle-bodied (полимеризованный). Термины-коннотативы представляют собой форму с более сложным когнитивным содержанием, фиксируя при терминологической номинации не только существенные признаки объектов, но и ассоциативные смыслы. Примерами синестезии могут являться: flowers of sulfur (серный цвет), creaming (осаждение эмульсии). Анализ выборки подтвердил постулат лингвистов о том, что способы образования новых терминологических единиц подчиняются общим способам терминообразования, а именно: семантическому, морфологическому, синтаксическому [1, с. 123; 6, с. 181; 8, с. 104].

Номены, этикетирова отдельные понятия, редко встречаются в лексикографическом источнике, чаще — в отраслевой периодике. В словаре В. В. Кедринского 1975 года издания появился номен поgsatyl C7H11 как синоним зафиксированному в издании 1962 года термину manjak (затвердевший

битум). Также обнаружен номен *zaron* (цапон-лак). Иных номенов в выборке найдено не было. Классификация выборки по понятийным областям обнаружила следующие результаты: «*свойства и характеристики*» заняли лидирующие позиции (1168 единицы или 39,7 %): *wettability* (смачиваемость), *vortex-free* (безвихревой), *vibration-absorbing* (вибропоглощающий), *temperature-dependent* (зависящий от температуры), *sulfur-bearing* (сернистый), *high-performance* (с высокими показателями). Понятийная область «*вещества и материалы*» (626 единицы или 21,3 %) представлена следующими терминами: *suspend* (осадок после фильтрования суспензии), *poiser* (буфер окислительно-восстановительной реакции), *adsorbent-dessicant* (адсорбент-осушитель), *antifoulant* (присадка, предохраняющая нефтепродукт от порчи). «*Процессы*» составили 452 единицы или 15,4 %: *yellowing* (пожелтение нефтепродукта), *verification* (проверка), *trouble-shooting* (устранение неполадок), *humidify* (увлажнять), *crepitation* (шумное растрескивание). «*Оборудование*» — 351 единица или 11,9 %: *turbopump* (турбонасос), *superfractionator* (установка для сверхчеткой ректификации), *sedimentometer* (седиментометр). «*Методы и приёмы*» — 85 единицы или 2,9 %: *autoradiography* (автордиография), *ultrachromatography* (ультрахроматография), *acetometry* (ацетометрия).

Таким образом, появившиеся во временном отрезке с 1962 по 1975 год терминологические неологизмы свидетельствуют о том, что произошло обнаружение новых свойств и характеристик существующих и вновь открытых веществ и материалов нефтепереработки, что привело к модернизации процессов, протекающих на усовершенствованном оборудовании при существующих методах и приёмах ведения технологического процесса. Проведённое исследование доказало, что подъязык нефтяной сферы находится в стадии формирования благодаря потребности называния новых понятий. Заимствуются термины смежных дисциплин, производятся неонимы из собственного языкового материала. Лексикографическое описание данного языка для специальных целей, равно как и фиксация неонимов — насущные вопросы лингвистов. В этой связи очевидна необходимость создания нового толкового словаря-справочника терминов нефтяной сферы с неперменным упорядочиванием и систематизацией новых терминологических единиц. Дальнейшее исследование номенов и неонимов, их структурных и семантических особенностей, вопросов классификации представляется перспективным для гармонизации и стандартизации подъязыка нефтяной сферы. Наиболее уместным считается применение социолингвистического подхода как одного из важных направлений по исследованию неологизмов, позволяющему воссоздать наиболее полную картину развития и формирования отраслевой терминосистемы.

#### Список литературы

1. *Гринев-Гриневиц С. В.* Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. 304 с.
2. *Жеребило Т. В.* Словарь лингвистических терминов и понятий. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
3. *Заботкина В. И.* Новая лексика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1989. 128 с.
4. *Кедринский В. В.* Англо-русский словарь по химии и переработке нефти. Ленинград: ГОСТОПТЕХИЗДАТ, 1962. 910 с.

5. Кедринский В. В. Англо-русский словарь по химии и переработке нефти. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1975. 767 с.
6. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
7. Рудин М. Г., Сомов В. Е., Фомин А. С. Карманный справочник нефтепереработчика / под ред. М. Г. Рудина. М.: ЦНИИТЭнефтехим, 2004. 336 с.
8. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории / отв. ред. Т. Л. Канделаки. 6-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 248 с.
9. Oil and Gas Journal. International Petroleum News and Technology. January-September, 2019. PennWell Corporation, Tulsa, USA.
10. Silvia Pavel, Diane Nolet. Handbook of terminology. Terminology and standardization translation bureau. Catalogue No. S53-28/2001. Minister of Public Works and Government Services Canada, 2001. 172 p.

УДК 811.138

ББК 81.432.1-02

DOI: 10.46726/H.2020.4.8

*В. В. Ощепкова, Н. В. Соловьева*

### **АКАДЕМИЧЕСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ: АНГЛИЙСКИЙ КАК ИНОСТРАННЫЙ ИЛИ КАК ЛИНГВА ФРАНКА?**

В статье анализируются подходы к обучению академическому английскому в высших учебных заведениях. Существует несколько наименований для английского как объекта изучения, причем за каждым наименованием стоит отдельная концепция обучения: английский как иностранный (ESL); английский как международный язык (EIL); английский как лингва франка (ELF). Авторы рассматривают преимущества и недостатки каждой из перечисленных концепций и приходят к выводу о необходимости постепенного перехода от преподавания академического английского как иностранного языка к преподаванию академического английского как международного языка, позволяющего учитывать лингвокультурные особенности обучающихся и рассматривать языковую норму как динамическое и вариативное явление. В рамках обучения академическому английскому как международному язык не рассматривается только как инструмент для обмена информацией, он выполняет функцию посредника среди коммуникантов, принадлежащих к различным культурам. Преподавание академического английского как лингва франка затрудняется отсутствием единого кодифицированного стандарта и материалов, разработанных в соответствии с этим стандартом. Содержание обучения, а также тенденция к обучению устной академической речи в ущерб речи письменной рассматриваются как недостатки концепции обучения английскому как лингва франка.

**Ключевые слова:** академический английский, английский как иностранный язык, английский как международный язык, английский как лингва франка, лингвистический корпус.

V. V. Oschepkova, N. V. Solovyeva

## ACADEMIC ENGLISH: ENGLISH AS A FOREIGN LANGUAGE OR AS A LINGUA FRANCA?

The article analyzes approaches to teaching academic English in higher educational institutions. There are several terms for English as an object of study, and each term implies a separate learning concept: English as a Foreign Language (ESL); English as an International Language (EIL); English as a Lingua Franca. The authors dwell on the advantages and disadvantages of each of the listed concepts and come to the conclusion about the need for a gradual transition from teaching academic English as a foreign language to teaching academic English as an international language, which makes it possible to take into account the linguocultural specifics of students and consider the language norm as a dynamic and variable phenomenon. Academic English as an international language is not viewed only as a tool for the exchange of information within the framework of teaching, it serves as an intermediary among communicants belonging to different cultures. Teaching academic English as a lingua franca is hampered by the lack of a single codified standard and materials developed in accordance with that standard. The content of teaching, as well as the tendency to teach oral academic speech to the detriment of written speech, are considered as disadvantages of teaching English as a lingua franca.

**Key words:** academic English, English as a foreign language, English as an international language, English as a lingua franca, linguistic corpus.

Интернационализация высшего образования привела к широкому использованию английского языка в процессе обучения в высших учебных заведениях по всему миру, английский — язык исследований во многих научных областях. В связи с этим возникает вопрос: какими нормами и стандартами должны руководствоваться преподаватели в обучении английскому языку для академических целей (EAP)?

Существует несколько наименований для английского как объекта изучения, причем за каждым наименованием стоит отдельная концепция обучения: английский как иностранный язык (ESL); английский как международный язык (EIL); английский как лингва франка (ELF). Некоторые исследователи<sup>1</sup> утверждают, что обучение английскому языку как иностранному больше не соответствует целям обучающихся, т. к. общаться они будут прежде всего не с носителями языка, представляющими страны «внутреннего» круга, а с выходцами из стран «внешнего» и «расширяющегося» кругов<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> См.: *Graddol D.* English next. London: British Council, 2006. 132 p.; *Jenkins J.* The phonology of English as an international language. Oxford: Oxford University Press, 2000. 258 p.; *Kirkpatrick A.* World Englishes: Implications for international communication and English language teaching. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 257 p.; *Seidlhofer B.* Understanding English as a Lingua Franca. Oxford: Oxford University Press, 2011. 240 p.

<sup>2</sup> Согласно модели Б. Качру, варианты английского языка могут быть представлены в виде трех концентрических кругов, отражающих динамику распространения английского языка в мире. Внутренний круг включает варианты английского языка, родные для их носителей; к внешнему кругу относятся варианты, функционирующие в качестве второго официального языка в государстве; варианты расширяющегося круга призваны обеспечивать внешнекультурную коммуникацию (*Kachru B.* Standards, codification and sociolinguistic realism: The English language in the Outer Circle // *English in the world: Teaching and learning the language and literatures* / ed. by R. Quirk, H. G. Widdowson. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 11—30).

В качестве альтернативы предлагается сконцентрироваться на преподавании английского как лингва франка. Цель нашей работы заключается в оценке перспектив преподавания английского как лингва франка для академических целей.

По справедливому замечанию А. И. Едличко, «внешний статус любого национального языка непосредственно связан со степенью его распространенности в мире и с вопросами моно- и плюрицентричности» [2, с. 100]. Английский язык — это один из плюрицентричных языков, предполагающих «широкое использование в более чем одной стране, контакт с другими языками, оставляющими в них свой след в результате трансференции, или переноса языковых черт, и выражение разных культур, обслуживаемых этими языками» [4, с. 171]. Плюрицентричность английского языка предполагает постепенное изменение его норм под влиянием контактирующих языков, разнообразие вариантов, опирающихся на культуры, которые эти варианты обслуживают. Следовательно, и преподаватели, и студенты сталкиваются с проблемой выбора варианта английского языка для изучения.

В случае изучения английского языка как иностранного (English as a Second Language) в качестве модели используется носитель языка, британец или американец, безусловно владеющий стандартным вариантом. В учебных материалах отчетливо прослеживается внимание прежде всего к англофонным культурам. В этом контексте нам показалась любопытной классификация Х. Янг, в которой предлагаются альтернативные термины для носителя и неносителя языка. Ученый выделяет две группы говорящих: MES (Monolingual English Speaker — монолингв, говорящий на английском) и BES (Bilingual English Speaker — билингв, говорящий на английском), причем обе группы имеют подразделения. Так, язык монолингва, говорящего на английском, может соответствовать принятому языковому стандарту или отклоняться от него (MSES — Monolingual Standard English Speaker vs MNES — Monolingual Non-standard English Speaker). Компетенция билингва, говорящего на английском, может быть языковой и культурной или только языковой [11, p. 115]. В свете изложенного возникает проблема: стремление к уровню носителя языка не всегда означает стремление к стандарту, ведь реальная коммуникативная практика чаще отражает отклонения от него, что фиксируется в материалах корпусов английской разговорной речи CANCODE — The Cambridge and Nottingham Corpus of Discourse in English<sup>3</sup>, CCC — The Cambridge-Cornell corpus<sup>4</sup> и LSWE — Longman Spoken and Written English<sup>5</sup>. В изданиях Cambridge Grammar of English<sup>6</sup> и Longman Grammar of Spoken and Written English<sup>7</sup>, учитывающие материалы перечисленных корпусов, включены разделы, посвященные так называемой «разговорной грамматике». Для разговорной грамматики характерны такие явления, как опущение грамматически важных

<sup>3</sup> CANCODE. URL: <https://www.nottingham.ac.uk/research/groups/cral/projects/cancode.aspx> (дата обращения: 05.08.2020).

<sup>4</sup> The Cambridge-Cornell corpus. URL: [http://www.cambridge.org/gb/elt/catalogue/subject/custom/item6598728/Cambridge-English-Corpus-Spoken-English/?site\\_locale=en\\_GB](http://www.cambridge.org/gb/elt/catalogue/subject/custom/item6598728/Cambridge-English-Corpus-Spoken-English/?site_locale=en_GB) (дата обращения: 05.08.2020).

<sup>5</sup> LSWE. URL: [www.pearsonlongman.com/dictionaries/corpus/](http://www.pearsonlongman.com/dictionaries/corpus/) (дата обращения: 05.08.2020).

<sup>6</sup> Carter R., McCarthy M. Cambridge Grammar of English. Cambridge: CUP, 2007. 984 p.

<sup>7</sup> Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. Longman grammar of spoken and written English. London: Longman, 2004. 1232 p.

элементов (ситуационный эллипсис), нарушение стандартного порядка слов, нарушения в использовании видовременных форм и особенности в использовании придаточных предложений [1, с. 77—79]. Учитывая высказанные соображения, можно предположить, что «эпоха единой нормы и даже британско-американской бицентричности английского языка уходит в прошлое» [4, с. 176]. В качестве альтернативы предлагается изучение ELF (English as a Lingua Franca — английского как языка-посредника или лингва франка).

В процессе изучения английского как лингва франка акценты расставлены иначе: главной становится не форма, а функция. Носители разных первых языков используют английский язык как лингва франка, внося изменения на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях и адаптируя его к собственным потребностям. В этом случае не предполагается приближение к речи носителей английского языка и доминирование нормативных тенденций, принцип функциональности выходит на первый план. Среди особенностей ELF, которые предлагается рассматривать как приемлемые и не препятствующие пониманию, выделяются:

1) *фонетические особенности*: замена глухого /θ/ и звонкого /ð/ звуков на звуки /t/, /f/, /s/, /z/, например, think может произноситься как tink, sink или fink; замена гласных звуков, например, cake может произноситься /kaɪk/; смещения ударения в словах; отсутствие ассимиляции или связывания конечного согласного с начальным гласным следующего слова;

2) *грамматические особенности*: отсутствие окончаний у форм третьего лица единственного числа; взаимозаменяемость местоимений who и which, например, things which или people who; использование неисчисляемых существительных в форме множественного числа, например, informations; отсутствие или нестандартное использование артиклей; использование формы isn't it? Для всех типов разделительных вопросов;

3) *лексические особенности*: нарушение лексической сочетаемости, например, do mistakes, put attention; использование постпозитивов в значении фразовых глаголов, например, I back to Russia tomorrow; лексическая избыточность, например, green colour вместо green; использование производных слов с изменением суффиксов, например, importancy или angriness [10, p. 511].

Функциональный принцип, стоящий во главе угла в преподавании ELF, казалось бы, полностью отвечает запросам студентов, изучающих английский язык для академических целей. Однако мы придерживаемся точки зрения о неприменимости ELF в контексте преподавания академического английского и видим альтернативу в преподавании EIL — английского как международного языка.

Как отмечает Дж. Дженкинс, в настоящее время количество пользователей английского языка во много раз превосходит количество его носителей, поэтому отказ от исключительной ориентации на британский и американский варианты английского языка вполне оправдан [8, p. 10]. Однако британский и американский варианты английского языка кодифицированы, преподавателям предлагается множество учебных материалов, отвечающих разнообразным учебным задачам и созданных в рамках различных методик обучения. А что конкретно подразумевается под преподаванием английского языка как лингва франка: некий альтернативный стандарт или принятие как нормы произносительных, грамматических и других отклонений от кодифицированного стандарта?



Материалы корпусов английской разговорной речи CANCODE, CCC и LSWE — это образцы речи британцев и американцев, т. е. представителей обеспечивающего норму «внутреннего круга». Новые явления в английском языке, получающие постепенную кодификацию, возникают благодаря представителям постколониальных вариантов, развивающих норму. Варианты английского языка, на которых говорят представители стран «расширяющегося круга», зависят от нормы. Как отмечает З. Г. Прошина, и в норморазвивающих, и в нормозависимых вариантах наблюдаются сходные отклонения от британского и американского вариантов, постепенно фиксирующиеся в международных корпусах английского языка, средствах массовой информации, написанных билингвами художественных произведениях, но говорить об их полной кодификации преждевременно [3, с. 202—203].

Отдельного упоминания заслуживает VOICE — Vienna-Oxford International Corpus of English<sup>8</sup>, созданный группой ученых под руководством Барбары Зайдльхофер. Корпус включает порядка 150 записей текстов, авторами которых выступают *неносители* языка. По утверждению создателей VOICE, корпус английского языка как лингва франка включает образцы повседневной, академической и профессиональной речи, причем авторы высказываний рассматриваются не как изучающие английский язык, а как владеющие им. Нам не удалось обнаружить созданных на основе VOICE материалов для изучения английского как языка лингва франка.

Помимо перечисленных корпусов английской разговорной речи, ведется работа по созданию корпусов английской академической речи. Как отмечает шведский исследователь Б. Бьёркман, ранее преподавание академического английского было направлено в основном на развитие навыков чтения и письма. Учёным и студентам необходимо было знакомиться с работами зарубежных коллег, публиковать результаты своих исследований в международных изданиях. Возросшая в последние десятилетия академическая мобильность, участие в международных научных мероприятиях изменили ситуацию в преподавании: восприятие речи на слух и говорение стали не менее важными умениями в академической среде [5, p. 80—81].

Корпус академической речи MICASE — Michigan Corpus of Academic Spoken English<sup>9</sup> создан специалистами университета Мичиган и включает образцы устной речи носителей языка и иностранных студентов, обучающихся в США. Его британский аналог — корпус BASE — British Corpus of Academic Speech<sup>10</sup> был создан учеными Х. Неси и П. Томпсоном, представляющими университеты Уорвик и Ридинг.

Поясняя принципы и цель создания корпуса T2K-SWAL — The TOEFL 2000 Spoken and Written Academic Language Corpus<sup>11</sup>, коллектив авторов под руководством Д. Байбера отмечает, что подобный проект позволяет определить, с какими текстами, как устными, так и письменными, регулярно взаимодействуют студенты университетов. В корпус было включено 423 текста (251 устных и 172 письменных), извлеченных из учебных материалов, справочников, каталогов, а также записанных во время лекций, практических

<sup>8</sup> VOICE. URL: <https://www.univie.ac.at/voice/> (дата обращения: 05.08.2020).

<sup>9</sup> MICASE. URL: <https://quod.lib.umich.edu/m/micase/> (дата обращения: 05.08.2020).

<sup>10</sup> BASE. URL: <http://www.helsinki.fi/varieng/CoRD/corpora/BASE/> (дата обращения: 05.08.2020).

<sup>11</sup> Owned by the Educational Testing Service (ETS), USA. Not publicly available.

занятий, выступлений на конференциях, общения студентов с сотрудниками университетов. Все тексты были распределены в зависимости от направления обучения (экономика, инженерия, педагогика, гуманитарные науки, естественные науки), для текстов каждого направления были установлены специфические языковые особенности. Как считают ученые, полученные результаты следует учитывать в разработке материалов для языкового тестирования TOEFL, отражающего реальные языковые задачи, стоящие перед студентами университетов, обучающихся на английском [9, р. 1—20]. Уточним, однако, что данные корпуса T2K-SWAL преимущественно включают образцы речи носителей языка (образцы речи иностранных студентов составляют не более 12 %, по признанию авторов корпуса), следовательно, рассматривать их как кодифицированный академический лингва франка преждевременно. Альтернативой можно считать корпус ELFA — English as a Lingua Franca in Academic Settings<sup>12</sup>, созданный в Академии Финляндии в период с 2004 по 2007 год и построенный по принципу T2K-SWAL, но значительно меньший по объему.

Мы отмечали ранее, что ведущим в преподавании английского как лингва франка становится функциональный принцип. Недостаток этого принципа Х. Деллар, британский методист и автор учебников, видит в стремлении упростить изучаемый материал. В его статье «ELF and Other Fairy Tales» аргументированно доказывается, что преподавание английского как лингва франка приводит к «абсурдному редуционизму» [7]. Преподаватели могут намеренно избегать изучения аспектов языка, которые, по их мнению, не важны для общения между *неносителями* языка. Подтверждение этому находим в работе Б. Бьёркман, полагающей, что эффективное общение обеспечивается прежде всего прагматическими компетенциями говорящего, а не уровнем знаний. Из этого следует, что приоритетными в обучении становятся коммуникативные стратегии, а грамотность и беглость речи, сложные грамматические конструкции и лексика отходят на второй план. Внимание должно уделяться изучению порядка слов, различных типов вопросов и синтаксических конструкций, «повышающих эксплицитность высказываний» [5, с. 93]. Дословный перевод устойчивых выражений на английский язык и замена морфем в словах (например, *significansy* вместо *significance*) рассматриваются как проявления лингвокреативности. Нам ближе позиция Х. Деллара, считающего, что лингвокреативность говорящего проявляется, когда он сознательно трансформирует известные ему языковые единицы [7]. Более того, человеку с высокой языковой компетентностью гораздо проще адаптироваться в различных ситуациях общения.

Применительно к нашей теме добавим, что изучение академического английского подразумевает усвоение лексики, фразеотерминологии и синтаксических конструкций, специфичных для научных работ. Согласно результатам анализа корпуса T2K-SWAL, обучающиеся имеют дело информацией, представленной имплицитно [9, с. 97—103]. Мы согласны с мнением Б. Бьёркман о том, что в традиционных грамматиках зафиксированы правила, наблюдаемые прежде всего в письменной речи, а в реальных условиях устная речь содержит отклонения от них. Тем не менее, преподавание академического английского предполагает овладение и устной, и письменной речью. Исследование, проведенное Ю. Чен и П. Бейкером [6], свидетельствует о значительной

---

<sup>12</sup> ELFA corpus. URL: <https://www.helsinki.fi/en/researchgroups/english-as-a-lingua-franca-in-academic-settings/research/elfa-corpus> (дата обращения: 13.08.2020).

вариативности языкового выражения в научном письменном общении, а обучающиеся с ограниченным языковым репертуаром окажутся неподготовленными к восприятию и воспроизведению сложной научной информации.

Ответом на вопрос, какую концепцию преподавания академического английского в университете следует выбрать, мы считаем, что таковой должна быть EIL — английский как международный язык. В рамках этой концепции обучающиеся знакомятся с вариантами языка, «функционирующего в качестве посредника среди носителей разных языков и культур» [4, с. 179], но обучение не сводится к использованию языка как инструмента для обмена информацией. Учитывается лингвокультурная специфика обучающихся, а уход от строго британского или американского стандарта не означает уход от нормы и обеднение языка. В этом случае норма рассматривается как динамичное и вариативное явление.

### Список литературы

1. *Виноградова Д. С.* Разговорная грамматика английского языка: особенности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77): в 3 ч. Ч. 3. С. 77—79.
2. *Едличко А. И.* Русский язык в России и в мире: некоторые аспекты языковой политики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 11 (89). Ч. 1. С. 99—107.
3. *Прошина З. Г.* Динамика развития английского языка в его региональных вариантах // Вестник ИГЛУ. Серия: Филология. 2012. № 2. С. 200—206.
4. *Прошина З. Г.* EIL или EFL? Изменение буквы или новая концепция языкового образования? // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 171—186.
5. *Björkman B.* English as a lingua franca in higher education: Implications for EAP // *Ibérica*. 2011. № 22. P. 79—100.
6. *Chen Yu-Hua, Baker P.* Lexical Bundles in L1 and L2 Academic Writing // *Language Learning & Technology*. 2010. Vol. 14, № 2. URL: <http://11t.msu.edu/vol14num2/chenbaker.pdf> (дата обращения: 13.08.2020).
7. *Dellar H.* ELF and Other Fairy Tales. URL: <https://hughdellar.wordpress.com/2012/04/17/elf-and-other-fairy-tales/> (дата обращения: 05.08.2020).
8. *Jenkins J.* ELF Speaker's Perceptions of Their Accents // *English as a Lingua Franca* / ed. By A. Mauranen and E. Raita. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2009. P. 10—36.
9. *Representing Language Use in the University: Analysis of the TOEFL 2000 Spoken and Written Academic Language Corpus* / D. Biber et al. New Jersey: Princeton, 2004. 390 p.
10. *Smokotin V. M., Alekseyenko A. S., Petrova G. I.* The Phenomenon of Linguistic Globalization: English as the Global Lingua Franca (EGLF) // *Procedia — Social and Behavioral Sciences. The XXV Annual International Academic Conference, Language and Culture, 20—22 October 2014*. P. 509—513.
11. *Yang He.* Critical Perspectives on Native and Non-Native English Speakers [Electronic resource] // 3rd International Conference on Society Science and Economics Development (ICSSSED 2018) P. 111—116. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/961a/22ce98a06dd5218352ff6f9c262857d84560.pdf> (дата обращения: 07.08.2020).

УДК 372.881.111.1  
ББК 74.268.19=432.1.1  
DOI: 10.46726/Н.2020.4.9

*Н. В. Сухова*

## **ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОБСТВЕННОГО КОРПУСА В ПРЕПОДАВАНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «ПРАКТИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА»**

В данной работе представлены возможные способы использования корпуса, созданного на кафедре Иностранных языков и коммуникативных технологий НИТУ «МИСиС». Корпус состоит из оригинальных аудио- и видеозаписей на английском языке, сбалансированных по следующим критериям: 1) временной охват 2015—2019 года; 2) тематика; 3) фонетические стили; 4) диалекты; 5) гендер. Материалы корпуса описаны с точки зрения метаданных и частично фонетически проаннотированы. Корпус применяется в ходе преподавания фонетических дисциплин в условиях индивидуальных образовательных траекторий, когда в рамках дисциплины большое внимание уделяется самостоятельной работе студентов (около 91 академического часа), а также в более традиционных условиях смешанного обучения и / или полностью асинхронного преподавания.

В статье рассматриваются способы применения корпусных данных на занятиях по «Практической фонетике английского языка» и «Технике речи». Корпус может применяться следующим образом: 1) работа над интонационными стилями (распознавание, транскрибирование и интонирование, имитация, дискурсивный анализ); 2) работа над интонационными контурами разных коммуникативных типов предложения (распознавание, транскрибирование и интонирование, имитация); 3) работа на сегментном и супraseгментном уровнях (акустический анализ; подготовка фонетической аннотации).

**Ключевые слова:** корпус, фонетические дисциплины, преподавание фонетики, фонетическая разметка, индивидуальные образовательные траектории.

*N. V. Sukhova*

## **«A COURSE IN PHONETICS»: A PURPOSE-DESIGNED CORPUS AND ITS POTENTIAL USAGE**

This paper discusses the possible ways how to use a special corpus designed at the Department of Modern Languages and Communication in NUST 'MISiS' (Russia, Moscow). The corpus consists of original audio and video files in English. The material is balanced according to the following criteria: 1) the production time of 2015—2019; 2) topics; 3) intonation styles; 4) dialects; 5) gender. All files have metadata described and they are partially phonetically annotated. The corpus is collected to facilitate the phonetic disciplines teaching. These phonetic disciplines syllabi presuppose a great amount of students' self-study work. The programmes, subject to the individual educational trajectory, open up to 91 academic hours for self-studying. Besides, there are more tradition methods of blended learning and asynchronous teaching where the corpus may be employed.

The article exemplifies the corpus approaches during "A Course in Phonetics" and "Voice Coaching" lessons.

---

© Сухова Н. В., 2020

The corpus utilization can comprise the following stages depending on the aims of the course and its learning outcomes: 1) the work on intonation styles (recognition, transcribing and intoning, imitation, discourse analysis); 2) the work on intonation contours of communicative types of sentences (recognition, transcribing and intoning, imitation); 3) the work on segmental and suprasegmental levels (acoustic analysis, phonetic annotation).

**Key words:** corpus, phonetic disciplines, teaching phonetics, phonetic annotation, individual educational trajectories.

## Введение

Современные технологические возможности способствуют тому, что бурно развивается корпусная педагогика (corpus pedagogy) [6, 9]. Эта новая отрасль образования состоит из двух направлений. С одной стороны, существуют лингвистические (устные и письменные) и мультимодальные корпуса, ресурсы которых активно используются в преподавании [7, 9]. С другой стороны, повсеместно создаются учебные корпуса на материале родного и неродного языков. Методологический и методический потенциал обоих видов корпусов еще предстоит раскрыть [5, 6].

Так, данная статья рассматривает перспективы применения специально созданного корпуса, исходя из особенностей методической и содержательной работы в курсе фонетики, а именно: 1) меняющееся содержание дисциплины (в связи с переходом на индивидуальные образовательные траектории, общей тенденцией к уменьшению часов в учебном плане направления подготовки и т. п.); 2) работа в условиях смешанного / гибридного / дистанционного / асинхронного обучения; 3) разработка онлайн-курса.

Целью работы является описание методических приемов с использованием имеющегося корпуса. В дальнейшем предполагается создание нового учебно-методического комплекса по фонетике для высшей школы с учетом современных образовательных реалий.

## Корпусный материал

На базе кафедры Иностранных языков и коммуникативных технологий (ИЯКТ) Национального исследовательского технологического университета «МИСиС»<sup>1</sup> с 2015 года (о становлении идеи см.: [2]) по настоящее время ведется работа над созданием корпуса звучащих текстов на английском языке (аудио- и видеозаписи). В создании принимали участие студенты бакалавриата направления «Лингвистика» в рамках проектной работы в курсе «Практическая фонетика английского языка».

Основная часть корпуса — это база данных, в которой есть современные оригинальные аудио- и видеофайлы, содержащие материал на коммуникативные типы предложения и интонационные стили английского языка. На рисунке 1, показан пример описательного документа, где красным подчеркнут тип коммуникативного предложения, который представлен, далее следует описание всех метаданных источника, откуда взят файл (адрес веб-сайта, дата выхода в эфир, название источника), далее — в синем прямоугольнике — транскрипт и конкретное время звучание отрывка внутри аудиофайла. В корпусе хранится вырезанный звуковой фрагмент, в том виде, как он отражается в транскрипте.

<sup>1</sup> Сайт НИТУ «МИСиС»: <https://misis.ru/>



Рис. 1. Пример описательного файла к аудиозаписям

Аутентичный материал составили подкасты, например [3, 4 и др.], записи TEDtalks и других ток-шоу (более подробно о материале и технической стороне создания корпуса см.: [11]). В корпусе представлены большинство территориальных разновидностей английского языка, и отдельно существует мультимодальная часть, посвящённая исключительно диалектам и акцентам Британских островов [1].

На данном этапе проводятся инвентаризация и системное метаописание имеющихся файлов, а также их аннотирование. Под инвентаризацией понимается размещение файлов в «облаке», их группировка и теггирование для дальнейшей разработки корпусного поиска. Под аннотированием понимается фонетическая транскрипция (фонемно-фонетическая) и интонирование с разметкой просодических ядер и шкал (см. рис. 2).

transcript	phonetic (dictionary) transcription	your transcription
How you ended up in neutral science	hau ju 'endɪd 'ɒp m 'nju:trəl 'saɪəns	hau ju 'endɪd ɒp m 'nju:trəl 'saɪəns
How you ended up in neutral science	hau ju 'endɪd 'ɒp m 'nju:trəl 'saɪəns	(hau ju 'endɪd 'ɒp m 'nju:trəl 'saɪəns)
I, I don't think my clothing reflects my personality at all	aɪ 'ðəʊt 'θɪŋk maɪ 'kloʊðɪŋ rɪ 'fleksɪ maɪ pɜ:zə 'neɪtɪ et ə:l	aɪ 'ðəʊt 'θɪŋk maɪ 'kloʊðɪŋ rɪ 'fleksɪ maɪ pɜ:zə 'neɪtɪ et ə:l
The second thing happen when you were medical student on an intern	ðə 'sekənd θɪŋ 'hæpən wen ju 'mɪdɪkəl 'stju:dnɪt ɒn ə 'ɪntə:n	ðə 'sekənd θɪŋ 'hæpən wen ju 'mɪ: 'medɪkəl 'stju:dnɪt ɒn ə 'ɪntə:n
Okay, let's find out some more about that story from this BBC world service news by that time.	[əʊ 'keɪ lets faɪnd aʊt sʌm mɔ: ə 'baʊt ðæt 'ste:ri frəm ðɪz bi:tu 'si: wɜ:ld 'sɜ:vɪs ni:z baɪ ðæt taɪm]	ə'keɪ lets faɪnd aʊt sʌm mɔ: ə 'baʊt ðæt 'ste:ri frəm ðɪz bi:tu 'si: wɜ:ld 'sɜ:vɪs ni:z baɪ ðæt taɪm

Рис. 2. Пример работы над аннотацией — транскрипция

### Методическая работа с корпусом

Повсеместно в российском образовании наблюдается тенденция к уменьшению количества часов на фонетические дисциплины в подготовке лингвистов, и уже есть программы (вузы), где такой дисциплины нет совсем. В НИТУ «МИСиС» студенты-лингвисты проходят обязательный курс «Практическая фонетика английского языка» только на 1-м курсе в течение двух

семестров. Однако университет активно переходит на индивидуальные образовательные траектории, которые предполагают, что студенты сами выбирают дисциплины, которые они хотят изучать, и преподавателя. В связи с этим в учебном плане появились новые выборные дисциплины, в том числе и фонетические. Например, «Техника речи» и «Сценическая речь». Особенностью этих дисциплин является то, что на аудиторные занятия отводится 17 часов, а на самостоятельную работу — 91 академический час. Такой объем самостоятельной работы дает возможность очень эффективно использовать имеющийся корпус.

В качестве примера рассмотрим работу по дисциплине «Техника речи», целью которой — отработать фонетико-фонологический репертуар коммуникативных типов предложений на английском языке; довести до автоматизма слухо-произносительные навыки на сегментном и супraseгментном уровне (с помощью специализированного программного обеспечения); достичь положительных фонетико-фонологических результатов на этапе собственного речепорождения.

Общая методология работы основывается на том, что на самостоятельное изучение и самостоятельную отработку материала, а также подготовку к аудиторной сессии закладывается до 11 академических часов.

Так, на второй и третьей неделях *теоретический* материал — это интонационное оформление вопросительных предложений (общий и альтернативный вопросы). Для освоения этой *теории* предлагается большой предварительный учебный блок материала (задания на выполнение / невыполнение, тесты и обучающие видео, задания на создание конспектных интеллектуальных карт и т. п.). Работа ведется на внутривузовской учебной платформе *Canvas*.

Далее, на отработку усвоенной *теории* предлагается материал из корпуса, а именно: 1—5 эпизодов с вопросительными предложениями изучаемых типов (ПРИМЕР 1):

#### ПРИМЕР 1.

- *Was 2007 a good year for Oxford Street?* (Был 2007 год хорошим для Оксфорд-стрит?)
- *If you are learning English, is it a good idea to take a job working in a shop — or is it better to just spend all your time studying?* (Когда Вы изучаете английский, хорошая ли это идея пойти работать в магазин, или лучше просто потратить все время на учебу?)
- *Would you mind telling us a little bit about yourself?* (Могли бы Вы нам немного рассказать о себе?)
- *Would you like me to do that?* (Вы хотите, чтобы я это сделал?)
- *The second thing happened when you were a medical student, or an intern?* (И это случилось с Вами, когда Вы учились или уже в интернатуре?)

Работа строится таким образом, что студенты должны сначала прослушать аудиофайл с вопросом, а потом с помощью программы *Praat* [10] создать текстгрид выражения. Далее они аннотируют эти речевые отрезки по заданной схеме и имитируют их. В конце студенты записывают свое прочтение вопроса и выкладывают его на *Canvas*.

В результате этих заданий студенты: 1) учатся работать со специализированной фонетической программой; 2) на материале вопросительных

конструкций<sup>2</sup> учатся сегментировать речь, анализировать спектрограммы, и тем самым, аннотируют имеющийся звучащий материал<sup>3</sup>; и самое главное, 3) слушают текст(ы) многократно, что способствует развитию фонематического слуха и, в конечном итоге, более качественной имитации.

Кроме того, еще одним видом работы над корпусом, является жанровое моделирование [8]. Во время аудиторных занятий студенты должны представить свой текст, например, выступление на заданную тему до 2 минут звучания. Тема и ее жанровая принадлежность определяется всей группой заранее в начале учебного года, исходя из конкретных интересов ее участников (например, *Analysis Paralysis*, *Music Industry*, *Healthy Lifestyle* и т. д.). Подготовка собственного текста тоже проходит с использованием корпуса, а именно той его части, где представлены интонационные стили: публицистический, информационный и академический. Студенты слушают образцы длительностью до 2 минут, проводят дискурсивный и просодический анализ и готовят свои тексты, опираясь на жанровое и интонационное оформление примеров.

### Создание онлайн курса

Собранный в корпусе аутентичный материал может послужить хорошей тренировочной базой для обучения английской фонетике в рамках онлайн курса. Мы предприняли такую попытку в курсе дисциплины «Практическая фонетика» для 1-го курса бакалавриата. Речевые отрезки используются в качестве тренажера, в котором есть аудиофайл, интерактивный транскрипт, транскрипция и интонационная разметка. Все преподаватели курса могут варьировать работу с корпусом в зависимости от своих задач. Можно работать с ним, как с «домашним» лингафонным кабинетом, где нет учителя, но есть все необходимое для самостоятельной работы. Можно разбирать отдельные выражения на занятии и т. д.

### Заключение

Технологии дают нам возможность адаптировать все, что есть вокруг нас под наши педагогические нужды. С методологической точки зрения, материал корпуса — это неучебные тексты (как принято в отечественной педагогической традиции в отношении преподавания фонетики [1]), но у них есть огромное преимущество в том, что они реальны, современны и на них можно изучать все: от сегментного уровня связной речи, до супрасегментного оформления и прагматической функции языка.

### Список литературы

1. Елисеева У. В. Методический потенциал мультимодальных корпусов при обучении фонетике английского языка (супрасегментный уровень). ВКР (бакалавр). М.: НИТУ МИСиС, 2019. 85 с.
2. Сухова Н. В. Создание и использование таблиц Google с аудио- и видеозаписями в обучении практической фонетике английского языка // Теория и практика

<sup>2</sup> И других конструкций всех коммуникативных типов: сообщений, восклицаний, императивов, фатических предложений.

<sup>3</sup> Аннотирование корпуса — одна из главных задач сейчас, студенты принимают в этом участие.



- иностранный язык в школе: сборник научных статей. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2017. Вып. 13. С. 30—139.
3. BBC History Magazine podcast // <https://www.historyextra.com/article-type/podcast/> (дата обращения: 17.11.2020).
  4. Brain Science podcast // <https://brainsciencepodcast.com> (дата обращения: 17.11.2020).
  5. *Carrió-Pastor L. M.* Corpus Analysis in Different Genres: Academic Discourse and Learner Corpora, (Ed.). Routledge: New York, and London, 2020. 352 p.
  6. *Charles M.* Book review: Learner Corpus Research: New Perspectives and Applications. Brezina V., Flowerdew L. (Eds.). Bloomsbury. Academic, London; New York (2018) // *Journal of English for Academic Purposes* 35, 2018. P. 130—132.
  7. *Granger S.* Learner corpora in foreign language education // *Language and Technology*. Encyclopedia of Language and Education. 3<sup>rd</sup> edition. S. Thorne & S. May (eds.). Springer International Publishing, 2017. P. 1—14.
  8. *Lobina Yu. A.* Modelling Spoken Genre for Foreign Language Learners // *Multimodality, Digitalization and Cognitivity in Communication and Pedagogy*. Sukhova N. V., Dubrovskaya T., Lobina Yu. A. (Eds.). (in press).
  9. *McEnergy T., Brezina V., Gablasova D., Banerjee J.* Corpus linguistics, learner corpora, and SLA: Employing technology to analyze language use // *Annual Review of Applied Linguistics*, 39, 2019. P. 74—92.
  10. Praat: doing phonetic by computer // <https://www.fon.hum.uva.nl/praat/>
  11. *Sukhova N. V.* Longitudinal project on a practical course of phonetics (a potential learner corpus) // *Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблема метода: Сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции: в 2 т. Т. II: Лингвистические принципы и методики / под общ. ред. Т. В. Дубровской. Пенза: Изд-во ПГУ, 2019. С. 96—101.*

УДК 94(470.317)  
ББК 63.3(2)53-282.2  
DOI: 10.46726/Н.2020.4.10

*К. Е. Балдин*

## СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ КРЕСТЬЯН КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Статья посвящена сельскохозяйственной пропаганде, которую вело среди крестьян российское земство. Тема рассматривается на примере Костромской губернии, которая была одновременно промышленным и сельскохозяйственным регионом. Двумя основными формами такой пропаганды были отдельные чтения (лекции) и курсы, на которых сельские жители получали новую информацию и новые умения хозяйственной деятельности. Темы чтений и курсов были разнообразными: животноводство, пчеловодство, выращивание кормовых трав и др. Проводились и универсальные курсы, во время которых давались знания и умения в самых различных отраслях сельского хозяйства. Лекторами на чтениях и курсах выступали земские агрономы и ветеринарные врачи. Слушателями курсов являлись, как правило, крестьяне среднего возраста и среднего уровня достатка, грамотные и сознательно стремившиеся улучшить свое хозяйство. Чтения и курсы в Костромской губернии продемонстрировали свою эффективность, после них крестьяне стремились изменить алгоритм и приемы своего хозяйства, приобрести более совершенные орудия труда, посеять на своих полях новые для них сельскохозяйственные культуры. Это способствовало повышению жизненного уровня крестьян.

**Ключевые слова:** земство, русское крестьянство, земские агрономы, сельскохозяйственные чтения, сельскохозяйственные курсы, популярная сельскохозяйственная литература.

*К. Е. Balдин*

## AGRICULTURAL EDUCATION OF THE PEASANTS IN KOSTROMA PROVINCE IN THE EARLY 20TH CENTURY

The article is devoted to agricultural propaganda, which was conducted among the peasants by Russian Zemstvo. This scientific topic is considered on the example of Kostroma province, which was both an industrial and agricultural region. The two main forms of such propaganda were individual readings (lectures) and courses, the villagers received new information and new skills of economic activity. The topics of readings and courses were varied: livestock, beekeeping, growing feed grasses, etc. Universal courses were also held, during which knowledge and skills were given in a variety of sectors of agriculture. Lecturers at readings and courses were local agronomists and veterinarians. The students were usually middle-aged and middle-income peasants who were literate and consciously seeking to improve their economy. Readings and courses in Kostroma province demonstrated their effectiveness, after them the peasants sought to change the algorithm and techniques of their farm, buy better tools, sow new crops in their fields. This contributed to the improvement of the living standards of peasants.

**Key words:** Zemstvo, Russian peasantry, Zemstvo agronomists, agricultural readings, agricultural courses, popular agricultural books.

---

© Балдин К. Е., 2020

Крестьянское хозяйство в России в начале XX в. претерпевало заметную трансформацию. Пока абсолютное большинство работало на своих наделах так же, как это делали их далекие предки чуть ли не удельный период (типичный пример — широкое применение архаичного трехполья). В то же время в деревню постепенно проникала новая техника и не менее новые технологии из Западной Европы. Появились и научные разработки отечественных ученых в области агрономии и почвоведения (труды В. В. Докучаева и К. А. Тимирязева). Все эти новшества сначала приходили в помещичьи экономики, но крестьяне, даже увидев их, не знали как их применить, хотя некоторые и хотели бы сделать это.

На помощь сельским жителям пришли земства. Первой их задачей на этом поприще являлась трансляция в крестьянскую среду новых знаний и умений, которые, в свою очередь, трансформировались в устойчивые навыки. Другой не менее важной задачей являлось преодоление хозяйственного обскурантизма сельских жителей, их стремления поступать, «как деды завещали». В целом крестьянство в то время, как, впрочем, и во многие другие эпохи, являлось самым консервативным слоем населения в стране. Большинство крестьян еще жило по нормам традиционного общества в хозяйственной и личной жизни. Конечной целью земства было включение крестьян в процесс модернизации, который в это время переживала Россия и который уже динамично двигался вперед в городской среде. Именно этому способствовала сельскохозяйственная пропаганда, которую развернуло земство в начале прошлого века.

Земства в России обратили внимание на проблемы крестьянского хозяйства еще в конце XIX столетия. Но реальную материальную помощь сельчанам большинство из них начали оказывать только в первое десятилетие XX в. Со временем земские гласные и работники земских управ и агрономы поняли, что помощь крестьянам не будет эффективной, если сами они не поймут важности и необходимости этой помощи для их хозяйств. В связи с этим земства начали продвигать передовые сельскохозяйственные знания и умения в среду крестьян с помощью чтений и курсов. Разумеется, главную роль в этом должны были играть земские агрономы — профессионалы своего дела. Первоначально их было очень мало, всего по одному на уезд. В дальнейшем каждый уезд был разделен, по примеру земской медицинской организации, на участки, только не медицинские, а агрономические, каждый из них возглавлял участковый агроном. При такой системе в уезде работало в среднем уже по 4—5 таких специалистов.

Тема просвещения крестьян в сфере агрономии стала обсуждаться на губернских земских собраниях практически ежегодно. Например, в 1910 г. губернские гласные рассмотрели различные организационные варианты сельскохозяйственной пропаганды, посоветовали своим уездным коллегам привлекать в качестве лекторов не только местных агрономов, но и специалистов столичного Департамента земледелия, которые работали во многих губерниях. Это решение губернские гласные подкрепили ассигнованием из земского бюджета 1200 р. на проведение курсов, т. е. по 100 р. на каждый из двенадцати уездов. В 1911 г. губернское собрание с удовлетворением констатировало, что курсы, проводимые агрономическим персоналом, устраиваются регулярно. При этом были выявлены и имевшиеся проблемы: краткие сроки большинства курсов, недостаток наглядных пособий на них, а также то, что читавшиеся предметы иногда носили «случайный характер», т. е. курсы

не были целенаправленно посвящены тематике, наиболее важной для данной конкретной местности [5, с. 54—58; 6, с. 36].

Практика показала, что проведение курсов требовало больших расходов, особенно если их организаторы хотели заполучить в качестве лекторов известных специалистов. Кроме того, требовались расходы на содержание курсантов, на демонстрацию машин, на перевозку наглядных пособий на дальнее расстояние и т. п. Поэтому в 1912 г. губернское земство приняло решение — отпускать на каждый уезд для проведения курсов не по 100, а по 300 р. Повысили до 300 р. свои ежегодные расходы на курсы и уездные земства [8, 1913, № 1, с. 25; 1913, № 10, с. 33].

Существовали различные виды устного сельскохозяйственного просвещения. Во-первых, это были *чтения* — эпизодические лекции агрономов или каких-либо других специалистов, которые выступали перед крестьянской аудиторией на протяжении часа, полутора или двух. Более продолжительные выступления были невозможны, т. к. внимание собравшихся крестьян один и тот же человек, как бы не был он красноречив, не мог удержать больше двух часов. Кроме того, во время летней страды сами крестьяне не могли позволить себе надолго оторваться от сельскохозяйственных работ. Как правило, аудитория этих чтений была массовой.

Во-вторых, еще одной организационной формой сельскохозяйственного просвещения были «систематические чтения» протяженностью 10—14 дней. Фактически, это были уже не чтения, а относительно небольшие по объему *курсы*, на которые шли не все крестьяне, а только те, которые понимали недостаточность и архаичность своих сельскохозяйственных знаний и целенаправленно стремились пополнить их, а также овладеть новыми умениями и навыками. Специально для прохождения таких курсов желающие крестьяне делали перерыв в своей повседневной хозяйственной деятельности, т. е. шли на определенные жертвы. Если чтения по своему содержанию были доступны практически для всех грамотных и даже неграмотных крестьян, то курсы чаще всего предназначались для крестьян более или менее развитых и сознательно стремившихся улучшить свое хозяйство.

В-третьих, были еще *курсы «ярославского типа»* (так они были названы в «Докладах» Костромской губернской управы). Они проводились в соседней Ярославской губернии зимой, когда сезонных работ было мало, и крестьяне могли оторваться от своего хозяйства на довольно продолжительное время. Действительно, продолжительность этих курсов достигала 1,5—2 месяцев. Обсуждая вопрос о продвижении сельскохозяйственных знаний в крестьянскую среду, работники Костромской губернской земской управы в 1910 г. посчитали, что проведение курсов «ярославского типа» вряд ли пока возможно, т. к. для них требуется значительный агрономический персонал в качестве лекторов [5, с. 54—56].

Обратимся для начала к такому виду сельскохозяйственного просвещения как чтения, которые имели как эпизодический, так и отчасти систематический характер, т. е. они проводились в одном и том же населенном пункте не одноразово, а более или менее регулярно (разумеется, не каждый день и не каждую неделю). Обычно они устраивались в вечернее время, когда хозяйственные работы заканчивались. В зимнее время их можно было устроить и днем. Агроном, приехавший проводить чтения, нередко привозил с собой целую повозку наглядных пособий — стенные таблицы, плакаты, образцы семян, коллекции минеральных удобрений и т. п. [8, 1914, № 2, с. 37]. Также

он нередко брал с собой коллекцию «туманных картин», т. е. слайдов. «Волшебный фонарь» (диапроектор) иногда удавалось найти на месте, в местной школе или в волостном правлении.

В Буйском уезде в 1913 г. было проведено в различных населенных пунктах 36 чтений, их посетили 2256 чел., в среднем на одном мероприятии побывали 63 человека. Крестьяне охотно посещали лекции, на них им впервые в их жизни доводилось услышать о новых сельскохозяйственных орудиях, они имели возможность увидеть их, но чаще всего пока лишь на плакатах или на туманных картинах. Во время чтений начинали постепенно искореняться предрассудки, порожденные консерватизмом хозяйственного сознания крестьян. Например, некоторые крестьяне свято веровали, что овес может «перерождаться» в рожь. Другие утверждали, что такие вредители, как озимые черви выпадают на поля из облаков и что это «Божие наказание», с которым бороться бесполезно [8, 1914, № 2, с. 37—38]. Чтения способствовали разрушению этих вредных предрассудков.

Реже отдельных чтений проводились сельскохозяйственные курсы. По своему содержанию они являлись либо универсальными (т. е. самого широкого профиля), либо специализированными, будучи посвященными луговодству, кормовым травам, животноводству, пчеловодству и т. п. Сначала остановимся подробнее на универсальных курсах.

В 1913 г. в Ветлужском уезде в селе Хмелевицы были проведены политематические курсы продолжительностью в две недели. Земцы отмечали, что «интерес к курсам был громадным». Возможно, сыграло свою немаловажную роль и то, что курсантам выдавали по 25 к. в день на продовольствие, обеспечивали их бесплатно кипятком для чая, а представителей дальних селений помещали в импровизированное общежитие.

В анкетах, которые крестьяне заполнили во время занятий, они сообщали, что больше всего интересуются кормовыми травами, луговодством и скотоводством. Именно эти предметы и составляли основу содержания курсов. Кроме того, читались лекции и проводились практические занятия по льноводству, машиноведению и маслоделению. Крестьяне деревни Дыхалихи особенно заинтересовались лекциями агронома А. А. Зубрилина по кормовым травам. Они решили перейти к так называемому «правильному» травосеянию и утащили агронома под дождем в поля рядом со своей деревней. Это было сделано для того, чтобы размежевать поля при переходе от традиционного трехполья к многополью [8, 1913, № 11, с. 5—6, 11—12].

Занятия по машиноведению проводились под навесом около земской школы. Здесь стояли разнообразные сельскохозяйственные машины, специально доставленные в Хмелевицы. Особенно крестьяне интересовались боронами Рандяля, Лааке и Зиг-Заг. Также были выставлены плуги разных систем, жнейка, молотилка, соломорезка, сортировка для зерна и т. п. Возле этих машин постоянно стояла толпа крестьян, среди которых было много и тех, кто не занимался на курсах. Они оживленно обсуждали достоинства и недостатки этой техники. В толпе всегда находились скептики, но, все же, преобладали сторонники нового.

Каждый вечер во время лекций крестьянам показывали туманные картины. Но особенно заинтересовал их и даже привел в восторг передвижной кинематографический аппарат «Кок», т. к. они впервые видели «живые картинки». С помощью кинопроектора были показаны в рамках культурной программы несколько общеобразовательных картин, а также научно-популярные

ленты по сельскохозяйственной тематике: «Рядовой посев», «Обработка пеньки», «Изготовление сахара» [8, 1913, № 11, с. 13—15].

Не универсальные, а специализированные курсы, посвященные только одной отрасли сельского хозяйства, проводились чаще, т. к. для устройства их не требовалось большого числа специалистов по различным отраслям. Рассмотрим сначала работу курсов по животноводству, которое в то время среди крестьян Костромской губернии играло не такую важную роль как земледелие. Но оно имело очень значительный потенциал и поэтому земства уделяли ему большое внимание. Курсы, которые прошли в марте 1913 г. в селе Бельшево Варнавинского уезда, длились с 4 по 24 марта и проводились на базе крестьянского кооператива — Бельшевского сельскохозяйственного общества, постоянных слушателей здесь набралось всего 20 чел. [8, 1913, № 9, с. 10].

Добровольцы-курсанты записались не только сами, они также привели с собой (правда, не все) своих коров, которые выступали как подопытные животные. Семь крестьянских буренок были размещены на двух дворах в Бельшеве. Практическая часть курсов с самого начала вызвала недоумение и даже неприятие крестьян. Подопытных коров не только не выпускали во время курсов со двора, но они постоянно находились на привязи — во время кормления, дойки, ночного отдыха.

В первые несколько дней коров кормили так же, как до этого было принято у их хозяев. На четвертый день им стали задавать гораздо меньше грубых кормов, которые у крестьян использовались в избыточном количестве. Коровам стали давать больше муки и дуранды (жмыха масличных растений), причем не в пойле, а в сухом виде. Агрономы объясняли крестьянам, что не надо радоваться тому, что корова выпила много воды с этими кормами, т. к. вода в чрезмерных количествах не полезна животному. Еще одно новшество, которое очень удивило крестьян, заключалось в том, что для каждой коровы была сколочена из досок индивидуальная кормушка. Привязанная к ней корова не отбирала корм у своей соседки. В повседневной хозяйственной практике крестьяне поступали по-другому: они клали еду для скотины на пол скотного двора, часть ее животные затапывали, корм портился и значительная часть его пропадала. Большая часть практических занятий на курсах была посвящена именно правильному кормлению крупного рогатого скота [8, 1913, № 9, с. 10—12].

Расписание дня на курсах выглядело так. Практические работы курсантов начинались уже с 5 часов утра, когда проходило доение коров. Потом им задавали смесь овсяной муки с дурандой, сырой изрубленный картофель, поили скот и, наконец, задавали сено. С 8 до 12 часов крестьяне практиковались в переработке молока в творог и сыр. С 13 по 14 часов следовала еще одна дойка коров. С 14 до 16 часов шли беседы по скотоводству и молочному делу. С 16 до 18 часов снова проводились работы на скотном дворе, за которыми следовала третья дойка, а вслед за ней с 20 до 23 часов вечера курсанты слушали лекции [8, 1913, № 9, с. 13].

На протяжении всех занятий тщательно велся учет надоенного молока. Крестьяне убедились, что надои от коров, которых стали кормить по-новому, существенно выросли. Они поняли, что кроме соломы или сена, коровам нужно давать больше муки, а также картошку, которую местные крестьяне до этого вообще не воспринимали как кормовую культуру. Разумеется, стоимость правильных кормов была больше на 50 %. Но зато надои возросли

при этом значительно больше, чем на 50 % — в среднем с 11 до 17 фунтов в день на одно животное [8, 1913, № 9, с. 17].

Более длительные и углубленные курсы упомянутого выше «ярославского типа» удалось устроить в Костромской губернии только по одной программе, связанной с льноводством. Это обстоятельство объясняется тем, что выращивание льна, его обработка, льнопрядение и льноткачество были издавна развиты в Костромской губернии. Губернское земское собрание в 1910 г. приняло решение организовать такие льноводческие курсы, что было реализовано уже в летний сезон следующего года. Они стали проводиться на специальной льностанции, которая находилась на земской ферме «Городище» неподалеку от Костромы. В 1911 г. сюда были приглашены три практиканта по льноводству, все они перед этим окончили Уткинскую сельскохозяйственную школу в той же Костромской губернии. Таким образом, их обучение на ферме в Городище представляло собой своеобразную краткосрочную специализацию. Молодые люди были по своему происхождению из Костромского, Макарьевского и Юрьевоцкого уездов и в дальнейшем были направлены земством в них же на практическую работу, т. к. они получили по итогам курса звание мастеров льноводства. Кроме них, в Городище стажировались 4 человека, направленных туда Департаментом земледелия [6, с. 37—39, 153].

В дальнейшем, в 1912 г. в Городище обучались уже 5 человек от Костромского земства, 2 чел. — от земств других губерний и 3 чел. — от Департамента земледелия. В 1913 г. практикантов было уже 21 чел., из них 7 — от Костромского земства, 3 — от других земств, и 11 — от Департамента земледелия [7, с. 206].

Занятия происходили с начала марта по начало октября, т. е. продолжались около полугода. Теоретическая программа была здесь гораздо обширнее, чем на любых других курсах. Слушатели рассматривали различия льна кудряша и долгунца, особенности возделывания льна на волокно и на семя. Они подробно изучали все этапы обработки льна — его росение, мочку, мять, трепание, сортирование по сортам и даже коммерческую дисциплину — торговлю льном. Не менее серьезной была практическая часть программы, в ходе которой практиканты получали свободу проводить любые опыты с льном, каждый из них должен был вымочить и обработать определенное количество «северного шелка» [6, с. 143—150].

Ранее других, еще на самом рубеже XIX—XX вв., в Костромской губернии было положено начало курсам по пчеловодству. Они проводились на основе специальных «Правил», утвержденных Министерством земледелия и государственных имуществ для такого рода мероприятий и под непосредственным руководством губернского пчеловода Г. А. Кузьмина. С самого начала он совместно с земскими деятелями решил, что курсы надо проводить, в основном, в сельской местности, т. е. как можно ближе к потенциальным слушателям-крестьянам. В 1903 г. они были устроены только в двух городах — Нерехте и Галиче, другими местами их проведения стали село Баки Варнавинского уезда, Пыщуг, Вохма и Тоншаево Ветлужского уезда, а также посад Пучеж Юрьевоцкого уезда [11, 1903, № 1, с. 4; 1903, № 4, с. 113].

В дальнейшем эта тенденция продолжалась. В 1904 г. пчеловодческие курсы проводились в семи местах: селах Кужбол и Георгиевское Кологривского уезда, Пыщуг, Хмелевицы, Николо-Шанга, Рождественское Ветлужского уезда, а также в посаде Парфентьева. Обычно брались два, три или четыре смежных уезда для того, чтобы не перевозить весьма громоздкий багаж

наглядных пособий на большие расстояния и часто. В 1905 г. было решено устроить чтения, в отличие от предыдущего года, в основном, в промышленных южных уездах — Костромском, Кинешемском, Нерехтском, Юрьевецком [2, с. 3, 6].

По мере расширения материальных и организационных возможностей земства увеличивалось число населенных пунктов, в которых проводились чтения. В 1905 г. они состоялись в 17 городах и селах, в 1906 г. — 22, 1909 г. — 24. С 1910 г. было решено устраивать их все же не только для крестьян в глубинке, но и в городах для местного мещанского населения, а также для пригородных крестьян, которые могли приехать в город на курсы. Они прошли в том числе в таких крупных по местным меркам городах как Кострома, Кинешма, Нерехта [4, с. 178].

Курсы сначала были немногочисленными, но потом охватили значительные массы местного населения. В 1903 г. в Нерехте на них ходили всего 7 чел., зато в отдаленном селе Вохма Ветлужского уезда желавших нашлось 26 чел. Кроме постоянного контингента посетителей отдельные крестьяне посещали одно-два занятия и этим ограничивались. В дальнейшем охват сельского населения курсами увеличился. В 1906 г. в 22 пунктах Костромской губернии постоянных слушателей было 2141 чел. Подавляющее большинство участников курсов были рядовыми крестьянами, чаще всего — середняками или зажиточными. Только в Ветлуге из 18 курсантов 16 были учителями, которые дружно явились в уездный город со всей округи [11, 1903, № 4, с. 113; 3, с. 33].

Качество знаний и умений, которые транслировались крестьянам на любых чтениях и курсах, в первую очередь, зависели от квалификации лекторского состава. В основном, крестьянам преподавали азы сельскохозяйственной науки земские агрономы, причем перед ними выступали как участковые специалисты, так и уездные, не сторонился этой работы и губернский земский агроном. Кроме того, привлекались специалисты Департамента земледелия, которые работали в каждой губернии. Организатором курсов обычно был уездный агроном.

Обратимся теперь в целом к составу лекторов на уже упоминавшихся курсах в с. Хмелевицы. К сожалению, нам удалось выяснить узкую специальность далеко не у всех из них. В. В. Зарецкий являлся губернским специалистом по луговодству, Г. Я. Корнев занимал ту же должность, но по льноводству, они читали крестьянам, соответственно, свои предметы. М. Г. Ширман, уездный агроном в Ветлуге рассказывал крестьянам о сельскохозяйственной кооперации, А. А. Зубрилин вел предмет под названием «Общее и частное земледелие», А. М. Макаров — животноводство, А. К. Ковальковский — машиноведение [8, 1913, № 11, с. 6].

Специфическим был состав лекторов на животноводческих курсах, проводившихся в селе Бельшево Варнавинского уезда. Большую роль на них сыграл П. Д. Макаренко, инструктор Северного сельскохозяйственного общества. Он прочитал самый объемный курс в 19 часов — скотоводство, уже упоминавшийся выше М. Г. Ширман рассказывал крестьянам о маслоделии, А. С. Богонос — о посевах кормовых трав. В курсах участвовали не только агрономы, но и ветеринарные врачи М. П. Беляев и К. П. Алякритский, которые знакомили крестьян с болезнями скота и методами их лечения [8, 1913, № 9, с. 13—14].



Когда сельскохозяйственная пропаганда делала только свои первые шаги, у земцев были сомнения: пойдут ли крестьяне на курсы. Относительно чтений таких опасений не было — они отнимали у сельчан лишь один вечер, но на курсах нужно было пробыть 10 дней, порой — две или даже три недели. Со временем опасения не оправдались, количество записавшихся на те или иные курсы крестьян достигало нескольких десятков, они приходили даже из отдаленных селений. По этому поводу губернский земский периодический орган отмечал, что в каждой местности обязательно найдутся развитые крестьяне, которые «сознательно относятся к сельскохозяйственной жизни». Для них, считали авторы публикации в «Известиях Костромского губернского земства», на курсах нужны были не только практические советы, но и азы ботаники, почвоведения, физиологии животных и т. п. [8, 1913, № 1, с. 22]. В целом следует констатировать, что в начале века сельскохозяйственная пропаганда в деревне охватывала все более широкие массы крестьян. В Буйском уезде в 1913 г. на всех земских чтениях по соответствующей тематике побывали 2256 слушателей, в среднем — по 63 чел. на каждом. В Солигаличском уезде в том же году было проведено 43 чтения, на которых присутствовали 2629 человек [8, 1913, № 10, с. 35; 1914, № 2, с. 38].

Обычно для проведения чтений или курсов использовали самое просторное помещение в селе. Это было либо волостное правление, либо класс местной начальной школы, а в начале XX в. такие общеобразовательные заведения появились не только в волостных центрах, но и в других селах, даже в крупных деревнях. В Бельшеве Варнавинского уезда курсы по животноводству проводились в помещении местного кооператива — сельскохозяйственного общества. В эту аудиторию порой набивалось 150, а то и 200 человек, некоторым даже приходилось стоять [8, 1913, № 9, с. 14]. Лекции посещали не только курсанты, но и вольнослушатели, которые навещали на занятия эпизодически.

О том, что крестьяне записывались на курсы совершенно сознательно, а не из праздного интереса, свидетельствовала посещаемость занятий. Например, в Хмелевицах Ветлужского уезда в 1913 г. курсы начались при 78 человеках, а закончились при 69 чел., таким образом, за две недели отсев был очень незначительным. Максимальное число людей, бывших на занятии, составляло 79 чел. В селе Митино Нерехтского уезда на занятиях курсов в 1914 г. бывало от 43 до 67 человек. Не пропустивших ни одного занятия или только одно занятие было абсолютное большинство — 41 чел., этот факт представляется очень показательным [8, 1913, № 11, с. 7; 1914, № 4, с. 31].

Возрастной состав слушателей также нашел свое отражение в отчетах о курсах. В Хмелевицах в 1913 г. большинство из 79 чел. составляли крестьяне от 30 до 50 лет, т. е. люди в работоспособном возрасте, наверное, многие из них — главы больших патриархальных семей (нуклеарных семей современного типа тогда в деревне не было). Ходили на курсы и те, кого в то время уже считали стариками, т. е. лица старше 50 лет — 28 чел. Мало было молодежи: от 20 до 30 лет — 5 чел., а моложе 20 лет — только 3 чел. В отличие от курсов, на чтениях состав слушателей выглядел более молодым, абсолютное большинство их было в возрасте от 25 до 50 лет [8, 1913, № 11, с. 8; 1914, № 2, с. 38]. Дело в том, что на чтения ходили все интересующиеся, в том числе и подростки, а на курсы записывались в основном те, кто целенаправленно шел сюда за новыми знаниями и практическим опытом, чувствуя недостаточную рациональность своего хозяйства.

Относительно имущественного положения крестьян-курсантов есть сведения только по Варнавинскому уезду. Большинство крестьян были владельцами наделов, но среди курсантов были и совсем безземельные. Кроме того, анкета в с. Бельшево предусматривала ответ на вопрос о количестве крупного рогатого скота в хозяйствах. Так как курсы здесь были по животноводству, то только у одного курсанта коровы не было. У остальных скот имелся, причем в количестве от 1 до 6 голов. Большинство крестьян владели от 2 до 4 голов крупного рогатого скота [8, 1913, № 9, с. 15].

Вовсе не обязательно обучение завершалось проверкой полученных знаний. По абсолютному большинству курсов таких сведений в источниках не встречается. Испытания были не обязательными и далеко не все соглашались на предложения руководителей курсов пройти их. В 1902 г. из 220 человек, занимавшихся пчеловодством, прошло испытания только 76 человек. Фактически это был экзамен или дифференцированный зачет, т.к. по итогам его выставлялись оценки. Они отличались от современной оценочной шкалы большим разнообразием. 18 человек показали знания «отличные» и «очень отличные», 31 — «хорошие» и «очень хорошие», 20 — «удовлетворительные» в «весьма удовлетворительные» [11, 1903, № 4, с. 133—134].

Кроме устной пропаганды сельскохозяйственных знаний земство использовало и печатную пропаганду, распространяя среди крестьян популярную литературу, в которой научные истины излагались языком, понятным для рядового крестьянина. Такая литература распространялась среди сельских жителей разными путями. Крестьяне могли взять почитать календари, справочники или брошюры на некоторое время в специально созданных небольших библиотечках, которые были у каждого участкового агронома. Территория каждого уезда в начале XX в. делилась на земские агрономические участки (эта система была позаимствована в земской медицине). Здесь располагалась квартира участкового агронома, при которой находился пункт демонстрации и проката сельскохозяйственных машин и орудий. Также в центре агроучастка имелся ветеринарный пункт и небольшая библиотечка [1, 1914, № 2, с. 11].

Значительная часть сельскохозяйственной литературы, издававшейся в столичных городах и в провинции, составляли брошюры по 30—40 страниц, которые благодаря своему большому тиражу и небольшому объему стоили дешево. Поэтому земства со временем пришли к выводу, что такого рода книжки нужно просто раздавать крестьянам, т.к. расход на это в земском бюджете будет невелик. В 1913 г. Солигаличское уездное земское собрание, заслушав доклад о проведении сельскохозяйственных чтений в уезде, без возражений со стороны гласных, утвердило расходы в 300 рублей на проведение самих чтений и добавило 50 рублей на покупку соответствующих брошюр для раздачи населению в ходе чтений [8, 1913, № 10, с. 33].

Земства раздавали все больше литературы, считая, что сравнительно небольшие расходы на нее в конечном счете сторицей должны окупиться в результате улучшений хозяйства крестьян, которые будут применять знания, полученные на чтениях, курсах и в результате чтения книг. В 1911 г. старший специалист Департамента земледелия по луговодству В. В. Зарецкий провел 6 чтений в Костромском и Нерехтском уездах. После них крестьянам раздавались брошюры по тематике курсов: «Удобрение лугов и луговое травосеяние», «Улучшение лугов и посев трав», «Возделывание болот» [6, с. 94].

В Буйском уезде по окончании курсов в 1913 г. каждому их участнику была выдана библиотечка из 15 небольших книг. По окончании курсов по пчеловодству, проводившихся в 1902 г. Г. А. Кузьминым, лучшим слушателям были вручены различные книги, среди них особое место занимал учебник пчеловодства Л. А. Потехина [12]. Леонид Алексеевич Потехин — человек тесно связанный с Костромской губернией. Его отцом был известный русский драматург Алексей Антипович Потехин. Леонид приобщился к пчеловодству в родительской усадьбе Орехово Юрьевоцкого уезда. Также на курсах пользовались книгами Трубникова «Руководство для русских пчеловодов», Кулланды «Курс пчеловодства» и «Народная пчела» [9, 10, 13], другими печатными изданиями [8, 1914, № 2, с. 39; 11, 1903, № 4, с. 134].

Подводя итоги, отметим, что земство начало оказывать реальную агрономическую помощь крестьянам на самом рубеже XIX и XX вв. Крестьяне первоначально являлись лишь пассивными получателями этой помощи, которая имела материальную, но не денежную форму. Со временем земские деятели поняли, что крестьяне должны четко представлять себе, для чего предназначена эта помощь и как они могут сами помочь себе. Именно поэтому параллельно с материальной помощью стала проводиться сельскохозяйственная пропаганда.

Из двух форм ее первая — чтения были рассчитаны практически на всех крестьян, в том числе неграмотных. Они пробуждали интерес к новым хозяйственным реалиям, которые уже существовали в начале XX в. и после этого часть крестьян была готова идти уже на курсы, которые давали гораздо более широкий массив информации. Большую часть аудитории курсов составляли, как убеждают их анкеты, крестьяне-середняки, причем те, у которых наблюдалась скорее тенденция подняться в страту зажиточных крестьян, а не опуститься в слой бедняков.

Сельскохозяйственная пропаганда строилась земцами на определенных принципах, которые они выработали опытным путем в ходе проведения чтений и курсов. Во-первых, это был принцип доступности подаваемого материала. Новинки сельского хозяйства излагались в устном и письменном виде при максимальной популяризации их сути и их полезности. Во-вторых, использовался принцип наглядности, максимально использовались рисунки, схемы, планы. При этом в практику пропаганду уверенно входили технические новинки — демонстрация «туманных картин» через диапроектор и даже учебные кинокартин. Принцип наглядности проявлялся в том, что значительную часть времени на курсах занимали не лекции, а практические занятия в поле, на пасеке и т. п. В-третьих, использовался принцип последовательности изложения материала от простого к сложному. Довольно простая информация на чтениях сменялась более сложной во время курсов.

Главную роль в деятельности земства на рассматриваемом поприще играла устная пропаганда. Но она довольно удачно сочеталась с пропагандой печатной. Научно-популярные брошюры, изложенные доступным для крестьян языком, прокладывали себе путь в деревню. Отдельные книжки по сельскому хозяйству крестьяне покупали и до этого, но чаще всего они объясняли полезные истины недоступным для крестьян языком, а иногда в них было написано о том, что крестьяне просто не могли осуществить на своих микроскопических наделах. Земства же предлагали крестьянам «правильные» книги, прежде чем уездная управа закупала для раздачи несколько десятков

экземпляров той или иной брошюры, ее внимательно просматривали местные агрономы и решали — годна ли эта книжка для крестьян.

Одним из главных результатов проведения чтений и курсов стало то, что крестьяне убеждались в низкой эффективности своего хозяйства. Сталкиваясь с этой истиной, крестьяне наверняка испытывали удивление. До этого они были убеждены в том, что раз они труженики села «по профессии» и занимаются этим не в первом поколении, то должны знать о земледелии и скотоводстве все или почти все. По результатам же чтений и курсов оказывалось, что урожай при использовании новых технологий может быть значительно богаче, а скот продуктивнее.

### *Список литературы*

1. Вестник Кинешемского земства.
2. Доклады Костромской губернской земской управы к очередному губернскому земскому собранию сессии 1904 года. По пчеловодной части. Кострома, 1904. 66 с.
3. Доклады Костромской губернской земской управы к очередному губернскому земскому собранию сессии 1906 года. По пчеловодной части. М., 1906. 68 с.
4. Доклады Костромской губернской земской управы к очередному губернскому земскому собранию сессии 1909 года. По агрономическому, кустарному и пчеловодному отделам. Кострома, 1909. 182 с.
5. Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению. К очередному губернскому земскому собранию сессии 1910 года. Кострома, 1911. 254 с.
6. Доклады Костромской губернской земской управы по агрономическому отделению. К очередному губернскому земскому собранию сессии 1911 года. Кострома, 1912. 396 с.
7. Доклады к очередному губернскому земскому собранию сессии 1913 г. По агрономическому отделу. Кострома, 1913. 388 с.
8. Известия Костромского губернского земства.
9. Кулланда И. С. Народная пчела. Общедоступное руководство к правильному пчеловодству. Пенза, 1882. 194 с.
10. Кулланда И. С. Курс пчеловодства. Пенза, 1899. 147 с.
11. Обзорение пчеловодства.
12. Потехин Л. А. Учебник пчеловодства. СПб., 1893. 144 с.
13. Трубников И. И. Руководством для русских пчеловодов. М., 1900. 112 с.

УДК 94(470.315)''1942''

ББК 63.3(2Рос-4Ива)622-2

DOI: 10.46726/И.2020.4.11

*В. С. Околотин***ПРОИЗВОДСТВО СПЕЦПРОДУКЦИИ НА КИНЕШЕМСКОМ  
АНИЛИНОВОМ ЗАВОДЕ ИМ. М. В. ФРУНЗЕ (ЗАВОД № 756)  
В 1942 ГОДУ**

Статья посвящена исследованию деятельности Кинешемского анилинового завода им. Фрунзе, расположенного на территории Ивановской области, по производству специальной продукции в 1942 году. В ней отражены меры Государственного комитета обороны и руководства регионом по организации его деятельности в сложнейших военных условиях. Важное внимание уделено решению проблем по обеспечению завода сырьем, топливом, рабочей силой, а также по снабжению продовольствием. Показана специфика деятельности завода по мобилизации внутренних ресурсов, укреплению трудовой дисциплины и участию во всесоюзном социалистическом соревновании. В ней также нашли отражения действия органов НКВД по оперативному обеспечению производственного процесса на заводе № 756, указан перечень спецпродукции, изготавливавшейся на заводе, в том числе виды взрывчатых и отравляющих веществ. Статья подготовлена по материалам Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Ивановской области и местной периодической печати. Результаты данного исследования могут представлять интерес для специалистов в области истории Великой Отечественной войны, студентов высших учебных заведений, а также широкой общественности.

**Ключевые слова:** Великая Отечественная война, Государственный комитет обороны, завод № 756, производственный план, спецпродукция, мобилизация внутренних ресурсов, укрепление трудовой дисциплины, соревнование, интересы германской и советской разведок, оперативное обеспечение органами НКВД, трудовые достижения.

*V. S. Okolotin***PRODUCTION OF SPECIAL PRODUCTS AT THE KINESHMA  
ANILINE PLANT NAMED AFTER M. V. FRUNZE  
(PLANT NUMBER 756) IN 1942**

The article is devoted to the study of the activities of the Kineshma aniline plant named after A. Frunze, located in the Ivanovo region, for the production of special products in 1942. It reflects the measures taken by the State Defense Committee and the leadership of the region to organize its activities in the most difficult military conditions. Much attention is paid to solving problems of providing the plant with raw materials, fuel, labor, as well as supplying food. The specifics of the plant's activities to mobilize internal resources, strengthen labor discipline and participate in the all-Union socialist competition are shown. It also reflected the actions of the NKVD authorities on operational support of the production process at plant No. 756, a list of special products manufactured at the plant, including types

of explosives and toxic substances, was indicated. The article was prepared based on materials from the Russian State Archive of Socio-Political History, the State Archive of the Ivanovo Region and the local periodicals. The results of this study may be of interest to specialists in the history of the Great Patriotic War, students of higher educational institutions, as well as the general public.

**Key words:** the Great Patriotic War, the State Defense Committee, plant No. 756, production plan, special products, mobilization of internal resources, strengthening labor discipline, competition, the interests of German and Soviet intelligence, operational support by the NKVD organs, labor achievements.

Химическая промышленность в годы Великой Отечественной войны на территории Ивановской области была представлена целым рядом предприятий, мощности которых были полностью задействованы для производства спецпродукции. Наиболее крупными из них были: Кинешемский анилиновый завод им. М. В. Фрунзе, Владимирский химический завод (г. Владимир) и Ивановский химический завод им. Батурина (г. Иваново). Указанные предприятия были подчинены Наркомату химической промышленности (НКХП). Информация об их деятельности носит фрагментарный характер и рассредоточена по различным архивным фондам Государственного архива социально-политической истории и Государственного архива Ивановской области. Охватить весь спектр вопросов по трем предприятиям в рамках одной статьи не представляется возможным, поэтому основное внимание в ней будет уделено деятельности Кинешемского анилинового завода им. М. В. Фрунзе.

Прежде чем перейти к ее освещению, следует отразить суть интереса германской и советской разведок к техническим возможностям химической промышленности противоборствующих государств. Относительно Германии она была кратко сформулирована в вопроснике германской разведки, который автору удалось выявить в ходе работы в архиве регионального управления ФСБ и состоявшем из нескольких разделов. Так, в разделах «А» и «Б» содержались вопросы о мобилизационных возможностях СССР и объеме производства им вооружения в восточных районах страны к весне 1942 г. Последний блок вопросов был посвящен химической войне. Вермахт интересовали следующие вопросы: «объем, местонахождение и мощность химической промышленности в подготовке к химической войне. Где расположены склады боевых отравляющих веществ (ОВ), их содержимое. Каковы запасы боевых химических средств и средств противохимической защиты? Мощность промышленности. Достаточно ли защищены русские части от применения газов. Можно ли рассчитывать на применение русскими ОВ?».

Советское командование также собирало разведывательную информацию по ряду направлений, в том числе с использованием оперативных возможностей региональных управлений НКВД. В частности, 25 марта 1942 г. в УНКВД по Ивановской области поступило указание с перечнем вопросов, требовавших срочной разработки. Оно так же, как и немецкий вопросник, было структурировано по тематическим информационным блокам. Так, в первом блоке содержались вопросы о планах и намерениях германского командования на весну-лето 1942 г., возможности участия Японии в совместном с Германией наступлении на СССР, строительстве немцами оборонительных сооружений и т. д.

Отдельный блок был посвящен изучению реальных возможностей танковой и самолетной промышленности Германии и ее союзников, подготовке

летного и технического состава, а также разработке новых образцов вооружения. Важное внимание было уделено изучению возможности использования вермахтом химического оружия на Восточном фронте, производства и доставки к фронту отравляющих веществ, химических бомб и снарядов и т. д.

Таким образом, обе стороны при активном изучении военных, людских и хозяйственных возможностей важное внимание уделяли выявлению наличия в действующих армиях химического оружия, подготовке условий для его использования [2, с. 501—504].

О значимости химической продукции для нужд государства в годы войны свидетельствуют решения Государственного комитета обороны (ГКО). В частности, 3 марта 1942 г. он принял сразу два постановления. Постановлением № 1377 с «Об отнесении Наркомата химической промышленности к числу наркоматов военной промышленности» снабжение его рабочих, служащих и ИТР продуктами и промышленными товарами стало осуществляться по нормам, предусмотренным для оборонной промышленности [3, д. 40, л. 65—66]. А значимость постановления № 1378 следовала уже из его названия — «Об освобождении от призыва по мобилизации в армию рабочих и ИТР заводов Наркомхимпрома». Чуть позже, 17 мая 1942 г., ГКО принял еще одно постановление № 1762 «Об организации социалистического соревнования заводов Народного комиссариата химической промышленности».

Действие всех трех постановлений распространялось и на Кинешемский анилиновый завод им. М. В. Фрунзе. В целях соблюдения режима секретности ему был присвоен номер 756. Документация для него направлялась по адресам: секретная — г. Кинешма Ивановской области, завод № 756; не-секретная — г. Кинешма Ивановской области, почтовый ящик № 54; телеграфная — Кинешма, Ивановская гряда телефон 7-33, 7-44. Охрана завода осуществлялась войсками НКВД. Численность рабочих на заводе составляла 1244 человека, а средняя зарплата — 431 руб. [1, д. 623, л. 2].

О его деятельности в 1942 г. свидетельствуют архивные документы и публикации на страницах «Рабочего края». Из числа местных архивных документов следует назвать отчеты о выполнении заводом производственных планов, различные обращения его руководства в обком ВКП(б) и Наркомхимпром за поддержкой, а также аналитическую записку Кинешемского горотдела НКВД. В частности, в одном из отчетов завода № 756 говорилось, что за вторую декаду января 1942 г. из-за отсутствия сырья (нафталина, меланжа и др.) план удалось выполнить лишь на 48,3 % [там же, л. 5]. В результате, как сообщалось в другом отчете, январский план был выполнен всего на 80 %. План отгрузки готовой продукции также не был выполнен из-за отсутствия вагонов [там же, л. 6].

Однако на страницах местной периодической печати все обстояло по-иному. Так, в феврале 1942 г. «Рабочий край» сообщал об успехах данного предприятия. В частности, отмечалось, что «коллектив завода, где директором тов. Д. Новиков и главный инженер тов. Гангрский, успешно выполнил план истекшего года и освоил ряд новых видов продукции, требующихся для обороны страны. При этом себестоимость снижена на 9,7 % и получено прибыли 1747 тыс. руб.». И далее говорилось, что химики, вступив в соревнование имени 24 годовщины Красной армии, обещали освоить выпуск новых химических препаратов. В частности, они начали производить технический и пищевой сахарин, освоили процесс очистки стрептоцида, а также фенацетина и фенетола [4].

Кроме названных препаратов завод выпускал спецпродукцию, которая обозначалась порядковыми номерами с первого по седьмой (возможно, по названию корпусов, где изготавливалась соответствующая продукция. — *В. О.*) [1, д. 623, л. 3]. С ее производством у завода постоянно возникали различные трудности. В частности, за январь план был выполнен на 80 %, но продукция была отгружена лишь частично из-за отсутствия подвижного состава [1, д. 623, л. 6]. В феврале 1942 г. выполнение плана по данным видам продукции варьировалось от 22 % (седьмой) до 111,7 % (третий) [там же, л. 17].

В марте 1942 г. на заводе возникла еще более сложная обстановка, связанная с выполнением решения ГКО от 2 марта 1942 г. за № 1362 сс и указания Л. П. Берии. О трудностях в ее разрешении свидетельствует информация и.о. директора завода П. А. Гангрского секретарю обкома ВКП(б) Г. Н. Пальцеву от 13 марта 1942 г. В ней сообщалось, что в Кинешемский горотдел НКВД за подписью Л. П. Берии 12 марта 1942 г. поступила зашифрованная телеграмма, обязывавшая завод выработать 420 тонн динитронафталина (взрывчатое вещество. — *В. О.*) и незамедлительно отправить его потребителям. В ней также указывалось, что завод для выполнения этой программы обеспечен всеми видами сырья, и обком должен оказать заводу всемерную помощь. Однако, по выражению П. А. Гангрского, «сырьем, находящимся в наличии на заводе, задание обеспечено только на 100 тонн готового продукта. Дальнейшее поступление сырья на завод (меланж и нафталин) остается неизвестным». На основании изложенного он сделал вывод, что Л. П. Берия кем-то неправильно информирован об обеспечении завода сырьем для выполнения задания.

В той же информации он сообщал, что из-за неподачи вагонов на заводе скопилось 595 тонн динитронафталина, о чем он неоднократно обращался в Наркомхимпром [там же, л. 21]. Г. Н. Пальцев, рассмотрев обращение П. А. Гангрского, 19 марта 1942 г. направил зампреду СНК СССР Л. П. Берии информацию с просьбой «воздействовать на Наркомхимпром в части оказания помощи по снабжению завода № 756 сырьем и выделению вагонов для отправки готовой продукции» [там же, л. 35].

13 марта 1942 г. П. А. Гангрский и парторг ЦК ВКП(б) Подкопаев на имя Г. Н. Пальцева и наркома химической промышленности М. Г. Первухина направили развернутую информацию о деятельности завода и проблемах с выполнением заданий по производству спецпродукции. Она состояла из ряда смысловых блоков уникальных по своему содержанию.

Первый блок был посвящен отражению проблем с поставками сырья. В частности, в нем отмечалось, что завод систематически не выполняет оперативных заданий по продукции, имеющей сугубо оборонное значение (динитронафталин, анилин, дифениламин и др.). Это происходило исключительно из-за несоответствия планов и сырья отпущенного для их выполнения. Так, из-за отсутствия меланжа в 1 квартале 1942 г. была сорвана работа около 75 % технологически связанных между собой производств (корпуса № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 11). Из-за отсутствия нафталина возникла угроза остановки цеха по производству взрывчатых веществ — динитронафталина. Сырья имевшегося у завода было недостаточно для обеспечения его производственного ритма, а с наступлением паводка и нарушением переправы через р. Волгу, возникала реальная угроза его остановки [там же, л. 22—23].

Во втором блоке говорилось об отсутствии подвижного состава для вывоза с завода готовой продукции и поставок топлива, а также о восстановлении



демонтированного оборудования и капитальном ремонте ряда корпусов. В частности, подчеркивалось, что подача вагонов в марте «идет крайне неудовлетворительно (с начала месяца отгружено только 58 вагонов и причем подача вагонов была неравномерной. 7 марта — 16 вагонов, 9 марта — 12 вагонов и с 10 марта совсем прекратилась)». Общее количество готовой продукции и подлежащей немедленной вывозке с территории завода — 134 вагона, в том числе: динитронафталина — 595 тонн или 60 вагонов, адамсита — 350 тонн или 35 вагонов, соляной кислоты — 170 тонн или 24 вагона и сернистого натрия — 150 тонн или 15 вагонов. В результате нарушалась очередность отгрузок спецпродукции потребителям, от которых ежедневно на завод поступали десятки телеграмм с сообщениями о критическом положении производств, потребляющих продукцию Кинешемского анилинового завода [1, д. 623, л. 25—26].

Третий блок был посвящен проблемам организации общественного питания рабочих на вредном производстве и обеспечения их нейтрализующими продуктами. В частности, отмечалось, что «столовые завода не обеспечены продуктами, овощами, картофелем и крупами, не говоря уже о жирах и мясе. Фонды на овощи и крупы выделяются от случая к случаю и в незначительных количествах. Выделенные фонды на жиры из-за отсутствия на базах не отovarиваются. Вследствие этого в столовых завода готовятся для работающих лишь первые блюда с низкой калорийностью. По ряду особо вредных производств по этим же причинам мы лишены возможности обеспечить рабочих полагающимся спецпитанием и нейтрализующими средствами (молоком). При потребности для вредных цехов завода 500 литров в день фонды отovarиваются на 150—200 литров, недостаток нейтрализующих средств приводит к увеличению профотравлений работающих» [там же, л. 26].

И все же, несмотря на существующие проблемы, мартовский план завод выполнил на 80,1 %, а апрельский — на 111 % [там же, л. 43]. В мае 1942 г. трудовой коллектив завода включился во Всесоюзное социалистическое соревнование. О достигнутых им при этом результатах секретарь обкома ВКП(б) по машиностроению и химии А. А. Урядов информировал замнаркома химической промышленности Д. П. Новикова. Следует отметить, что Донат Павлович Новиков в течение двух лет возглавлял завод № 756 и летом 1942 г. был назначен замнаркома химической промышленности СССР. В записке говорилось, что коллектив Кинешемского завода № 756, включившись во Всесоюзное социалистическое соревнование, добился значительных трудовых успехов. Июньский план по ассортименту продукции был выполнен полностью, государству отгружена продукция на 4250 тыс. руб. или 100,3 % к плану. Задание второго квартала выполнено на 105,4 %. В социалистическое соревнование включились все участки завода. Корпус № 3 (начальник Четкин Р. М.), июньское задание выполнил на 126 %. В корпусе (Шишлов В. С.), где производилась соляная кислота, план июля был выполнен на 107 % и т. д. В борьбе за первенство в соревновании завод добился высокой производительности труда, которая в июне 1942 г. составила 156,4 %. Отмечая хорошую работу коллектива, обком ВКП(б) принял решение ходатайствовать перед Наркомхимпромом о награждении завода № 756 переходящим Красным Знаменем ГКО [1, д. 478, л. 49].

Однако эти достижения сопровождались многочисленными фактами нарушения трудовой дисциплины. За первое полугодие 1942 года и два месяца третьего квартала было зарегистрировано 236 таких событий. Из них:

26 случаев дезертирства, 120 прогулов, 48 опозданий и 42 преждевременных ухода с работы. В 95 случаях указанные проступки были совершены по уважительным причинам, а дела в отношении 141 нарушителя были переданы судебным органам. В результате 97 человек были осуждены нарсудом по Указу Президиума ВС СССР от 26 июня 1940 г., 9 человек осуждены военным трибуналом по Указу ВС СССР от 26 декабря 1941 г. и 3 человека были оправданы [1, д. 623, л. 65—65 об.].

Усиление мер борьбы за трудовую дисциплину имело и обратную сторону. 15 июля 1942 г. П. А. Гангрский сообщал секретарю обкома ВКП(б) А. А. Урядову следующее: «Выполнение производственной программы завода № 756 находится под угрозой вследствие недостатка рабочей силы, главным образом на погрузочно-разгрузочных работах. Согласно постановлению СНК СССР от 13 июня 1942 г. завод должен был получить на погрузочно-разгрузочные работы 200 человек из числа мобилизованных в порядке Указа Президиума ВС СССР от 13 февраля 1942 г., но получили только 25 человек, и те оказались недостаточно пригодными для этой цели. Другой источник получения рабочей силы на погрузочно-разгрузочных работах — Кинешемская колония НКВД № 2, обязанная содержать на работах в заводе 200 человек, систематически не выполняет своих обязательств. От колонии на заводе работает 50—70 человек и только несколько дней работали 125 человек. Неоднократные распоряжения НКВД СССР и управления НКВД по Ивановской области, куда мы обращались за содействием о полном и точном выполнении договора, не выполняются как начальником колонии Груниным, так и начальником ОИТК УНКВД т. Кузнецовым. Последние систематически снимают с участка колонии как самих рабочих, так вооруженную охрану» [там же, л. 60].

Однако вопрос с рабочей силой был решен по-иному. В октябре 1942 г. нарком химической промышленности М. Г. Первухин сообщил руководству завода о разрядке для него «500 человек рабочих из числа мобилизованных по постановлению ГКО от 14.10.42 г. военнообязанных среднеазиатских республик» [там же, л. 89]. Была и другая нерадостная новость. Из-за недостатка мазута заводу было предложено перевести котлы на дрова [там же, л. 92].

И все таки не только недостаток рабочей силы и топлива сдерживал работу завода. В информации секретаря обкома ВКП(б) А. А. Урядова на имя Г. Н. Пальцева от 26 сентября 1942 г. отмечалось, что из-за несвоевременной подачи меланжа (месячная потребность 350—400 тонн) производство основного продукта динитронафталина на заводе поставлено под угрозу. В итоге на 20 сентября месячная программа была выполнена на 51,2 %, а меланжа имелся лишь пятидневный запас. По его утверждению, меланж отгружен из Кемерова в 10 цистернах в количестве 381 тонны, но он задерживался в пути. Необходимо его своевременное продвижение, чтобы выполнить программу октября [там же, л. 70].

Об обстановке на заводе также свидетельствует докладная записка начальника Кинешемского горотдела НКВД лейтенанта государственной безопасности Белова секретарю обкома ВКП(б) Г. Н. Пальцеву о ходе выполнения заводом № 756 плана за 3 квартал и сентябрь 1942 г. по основным видам продукции. Особенность данного документа состоит в том, что он, по всей вероятности, был направлен в обком, минуя управление НКВД по Ивановской области. По крайней мере, ни сопроводительной к нему, ни визы начальника управления М. И. Маркеева в деле не имеется. В ней полностью раскрыт ассортимент спецпродукции, которая изготавливалась на заводе.

**Выполнение плана за III квартал и сентябрь 1942 года  
по основным видам продукции, т**

Наименование продукции	3 квартал			сентябрь		
	План	Факт	%	План	Факт	%
Анилин	422	352,7	83,5	148	278,5	188,1
Сернистый натр	467	454,8	77,4	239	162,9	68,2
Хлорамин	120	173,5	144,5	40	52,6	131,5
Бетонол (ВВ)	415	253,8	61,2	139	15,47	11,1
Денитронафталин (ВВ)	1080	718	66,5	360	240	66,7
Соляная кислота	920	466	51,5	287	108	36,8
Церизол (ОВ)	300	447	159	100	155	155
Масло купоросное	495	258,5	27,7	168	17,8	6,0
Стрептоцид	2,0	1,87	93,5	0,7	0,75	107,1
Сахарин пищевой	3,1	2,95	95,2	1	0,458	49,8
Денитротолуол	170	28,7	59,65	60	10,0	14
Азо-амин гранат	180	144,4	80,4	60	41,5	69,2
Сернистый хаки	75	58,56	78,1	25	12,8	51,1
Моностраль	5	—	—	—	—	—
<i>Всего по заводу</i>			101,8			101,0

В целом план по валовому выпуску продукции в третьем квартале и за сентябрь 1942 г. завод перевыполнил. По отдельным препаратам его перевыполнение было внушительным. В частности, за третий квартал было произведено 447 тонн церизола (отравляющее вещество. — В. О.), что составило 159 % к плану, а в сентябре его производство составило 155 тонн или 155 % от плана. Производство стрептоцида, очень важного препарата для медицинских целей, в сентябре было перевыполнено на 107,1 %. Однако такие успехи, отмечалось в справке, были достигнуты в ущерб выполнению другого обязательного ассортимента спецпродукции. Так, говорилось в записке, план по производству динитронафталина в третьем квартале был выполнен всего на 66,5 %, а в сентябре — 66,7 %. По соляной кислоте — на 51,5 % и в сентябре — 36, %. По купоросному маслу, лимитировавшему работу большинства спецкорпусов, план третьего квартала был выполнен на 27,7 %, а сентябрьский — лишь на 6 %. По бетонолу (стабилизатор порохов) выполнение плана за квартал составило 61,2 %, и в сентябре — 11,1 %.

Такая же ситуация наблюдалась и по другим видам продукции оборонного значения. Это послужило основанием для формулировки чекистами следующего вывода: «Руководство завода и в частности главный инженер Филиппенко в погоне за абсолютной цифрой выполнения плана в ценностном выражении, ориентировали выработку продуктов второстепенного значения для обороны страны, но имеющие высокую стоимость в ущерб выработке продуктов, наиболее актуальных в условиях сегодняшнего дня».

В справке также были отмечены факты преступного очковтирательства в выполнении плана и выпуск большого количества брака. Так, согласно отчетности завода на 1 сентября 1942 г. остаток динитронафталина на его складе составил 278 тонн. В действительности на 1 сентября 1942 г. хороший продукт, годный к отправке насчитывал всего 107,5 тонн. Брачный продукт, укупоренный в бочки с анализом, составил 54 тонны, а загрязненный примесями и определенный на глаз без анализов — 65 тонн. Прямой недостачи продукта насчитывалось 51,5 тонны и т. д. [1, д. 623, л. 73—79].

К сожалению, недостаток информации не позволил автору в полном объеме отразить ответную реакцию обкома ВКП(б) на такие сообщения. Несомненно, она имела место, поскольку обвинения в «очковтирательстве», выдвинутые в адрес руководства завода в условиях военного времени, были достаточно серьезными. В то же время у руководства предприятия могла быть своя аргументация, так как в то время от степени выполнения общего плана могло зависеть снабжение предприятия продуктами питания и вознаграждение трудового коллектива. Важен здесь и другой факт. Завод в большом количестве выпускал отравляющее вещество церизол, что позволяет утверждать о востребованности данного продукта в военных условиях и обоснованности интереса германской разведки к предприятиям химической промышленности СССР.

И все же, несмотря на существующие проблемы, коллектив завода достойно трудился в производственных цехах, участвовал во Всесоюзном социалистическом соревновании среди предприятий химической промышленности, достигал высоких производственных результатов. Его директор Д. П. Новиков за умелые действия по организации производства был выдвинут на должность заместителя Наркома химической промышленности СССР, на которой проработал всю Великую Отечественную войну. Завод в сложнейших военных условиях выпускал не только взрывчатые и отравляющие вещества, но и сернистый хаки необходимый для производства гимнастерочной диагонали, а также стрептоцид для лечения раненых и больных военнослужащих.

#### Список литературы

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). ФП-327. Оп. 7.
2. *Околотин В. С.* Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Кн. 2: 1 января — 31 декабря 1942 года. Иваново: А-Гриф, 2019. С. 501—504.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф-644. Оп. 2.
4. Химики фронту // Рабочий край. 1942. 17 февр.

УДК 94(470.315)"19"  
ББК 63.3(2Рос-4Ива)622-72  
DOI: 10.46726/Н.2020.4.12

*Д. Н. Христенко*

### **ВОЙНА В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ (1990—1991 гг.) В ВОСПОМИНАНИЯХ АМЕРИКАНСКОГО ПРЕЗИДЕНТА ДЖ. БУША-СТАРШЕГО**

В статье анализируются основанные на личных дневниковых записях воспоминания американского президента Дж. Буша-старшего о войне в Персидском заливе (1990—1991 гг.). Отмечаются наиболее значимые для главы Белого дома вопросы в период подготовки и проведения военной операции против иракских вооруженных сил. В их числе сложные взаимоотношения с Конгрессом, недовольство освещением боевых действий в СМИ, стремление преодолеть «вьетнамский синдром», разногласия с советским президентом М. Горбачевым, неоднозначные итоги войны. Отмечается противоречивый характер воспоминаний американского президента. Так, например, подтверждаются утверждения Дж. Буша-старшего о том, что значительная

---

© Христенко Д. Н., 2020

часть СМИ была настроена критически по отношению к военным планам его администрации. Это особенно ярко видно на примере телекомпании CNN. С другой стороны, американский президент нередко стремится сознательно преувеличить свои достижения. В заключение делается вывод о несоответствии между самовосприятием Дж. Буша-старшего самого себя в качестве решительного лидера, выигравшего войну в Персидском заливе (1990—1991 гг.), и трагическими последствиями военных действий как для ближневосточного региона, так и для Соединенных Штатов.

**Ключевые слова:** война в Персидском заливе, США, Ирак, Дж. Буш-старший, С. Хусейн, Конгресс, пресса.

*D. N. Khristenko*

### **THE GULF WAR (1990—1991) IN THE MEMOIRS OF AMERICAN PRESIDENT GEORGE H. W. BUSH**

The article analyzes the recollections of the American President George H. W. Bush about the Gulf War based on personal diary entries. The most significant issues for the head of the White House during the preparation and conduct of a military operation against the Iraqi armed forces are noted. Among them are complex relations with Congress, dissatisfaction with the coverage of hostilities in the media, the desire to overcome the «Vietnamese syndrome», disagreements with the Soviet President M. Gorbachev, contradictory results of the war. The controversial nature of the memories of the American president is noted. For example, there are confirmed the assertions of George H. W. Bush that a significant part of the media was critical of the military plans of his administration. This is especially evident in the example of the television company CNN. On the other hand, the American president often seeks to deliberately exaggerate his achievements. In conclusion, it is stated that there is a discrepancy between George H. W. Bush's self-perception as a decisive leader who won the Gulf War (1990—1991) and the tragic consequences of hostilities both for the Middle East region and for the United States.

**Key words:** Gulf War, USA, Iraq, George H. W. Bush, S. Hussein, Congress, press.

Война в Персидском заливе, начавшаяся ровно тридцать лет назад, в августе 1990 года с вторжения Ирака в Кувейт, стала одним из наиболее значимых военно-политических конфликтов последнего десятилетия XX века, и привела к серьезным трансформациям на международной арене. Во-первых, резко изменилась расстановка сил в регионе Персидского залива, связанная с тем, что на территории Саудовской Аравии и Бахрейна впервые за всю историю появились военные базы и подразделения Соединенных Штатов. Во-вторых, Ираку в ходе боевых действий был нанесен огромный экономический и военный ущерб, а сам режим С. Хусейна оказался на грани падения. В-третьих, Советский Союз и США впервые за много десятилетий «холодной войны» продемонстрировали сходную позицию в отношении «третьей» страны, совместно осудив иракское вторжение в Кувейт.

В этой связи крайне интересен ретроспективный взгляд назад. Основным источником для нас послужили воспоминания американского президента Дж. Буша-старшего «Мир стал другим» [1], которые были написаны им в соавторстве с советником по национальной безопасности Б. Скоукрофтом и затрагивают наиболее значимые внешнеполитические события конца XX века: объединение Германии, «бархатные революции» в Восточной Европе и крушение Советского Союза. Однако даже среди таких эпохальных перемен

достаточно ясно видно, что война в Персидском заливе (1990—1991 гг.) занимает одно из центральных мест в представлении Дж. Буша-старшего. Воспоминаниям об этом событии американский президент посвятил более семи глав своих мемуаров, составляющих практически треть всего объема книги.

Своеобразие мемуарной литературы состоит в том, что «это не только бесстрастная фиксация событий прошлого, это исповедь, и оправдание, и обвинение, и раздумья личности» [4, с. 634]. В связи с этим на основе воспоминаний Дж. Буша-старшего, значительная часть которых опирается на его личные дневниковые записи, можно показать вопросы, в наибольшей степени, волновавшие американского президента в период конфликта в Персидском заливе. В мемуарах четко прослеживаются такие «больные» для бывшего американского президента темы, как непростые взаимоотношения с Конгрессом, недовольство освещением боевых действий в СМИ, стремление преодолеть «вьетнамский синдром», острые разногласия с советским президентом М. Горбачевым, и противоречивые для США и всего Ближнего Востока итоги войны.

Начать следует с того, что само вторжение Ирака в Кувейт 2 августа 1990 г. оказалось для Дж. Буша-старшего весьма неприятным сюрпризом, и стало еще одним звеном в цепи проблем, накопившихся во внешней и внутренней политике США. Как он позднее сам признавал, в тот момент он «думал совсем не об Ираке». Его главной заботой было преодоление спада в экономике и поиски компромисса с Демократической партией, контролирувавшей ситуацию на Капитолийском холме, по вопросу принятия дефицитного бюджета. Не давали спокойствия главе Белого дома и уже стоявшие перед ним такие внешнеполитические вызовы, как «ситуация с заложниками в Тринидаде и трагическая гражданская война в Либерии, где была угроза жизни американцев» [1, с. 271].

Однако президент США с решимостью взялся за отражение иракской агрессии, заявив о необходимости в скорейшие сроки восстановить независимость Кувейта и «наказать» С. Хусейна за вторжение в эмират. Достаточно быстро Дж. Буш-старший сделал ставку на военное решение вопроса.

При этом, как свидетельствует изучение приведенных в его мемуарах дневниковых записей, существовало значительное различие между заявлениями Дж. Буша-старшего на публике и откровениями для «ближнего круга» своих соратников. Формально Вашингтон объяснял все предпринимаемые шаги в августе 1990 г. сугубо оборонительными действиями, направленными на защиту ближневосточного региона и предотвращение дальнейшей агрессии С. Хусейна. На официальной пресс-конференции 8 августа 1990 г. глава Белого дома «на голубом глазу» уверял общественность, что военное освобождение эмирата не обсуждается, миссия американских войск «полностью оборонительная» и сводится, прежде всего, к защите Саудовской Аравии — главного поставщика нефти для американского рынка энергоресурсов [12, р. 36].

В действительности, президент США, как видно из его мемуаров, уже в августе пришел к выводу, что военный сценарий является наиболее предпочтительным. «Ожидание действия санкций... было связано для нас с большим риском... Я нетерпеливо спрашивал [Б. Скоукрофта] когда мы сможем нанести удар» [1, с. 314—315]. Уверенности Дж. Бушу-старшему придавало его убеждение, что «министерство обороны переоценивало силу и решимость Ирака» [1, с. 315].

Однако позиция главы Белого дома не нашла поддержки ни в Конгрессе, ни в большинстве американских СМИ. Началось долгое, пятимесячное

обсуждение на Капитолийском холме возможности вовлечения военных сил США в боевые действия в ближневосточном регионе. Оппозиционная Дж. Бушу-старшему Демократическая партия выступала категорически против военной операции, а Республиканская — была расколота.

Так, 24 августа 1990 г. с публичной критикой военного решения кризиса выступил влиятельный сенатор-демократ, член комитета по внешней политике, Т. Сэнфорд. Он утверждал, что главная задача Вашингтона — продемонстрировать мировому сообществу, что речь идет не о противостоянии Ирака и Америки, а о противостоянии режима С. Хусейна и Организации Объединенных Наций, «для которой США всего лишь мощный сторонник». Конгрессмен явно боялся повторения новой Вьетнамской войны и доказывал, что только совместные действия в рамках международного сообщества способны «лишить сил пропаганду С. Хусейна о том, что он борется против американского империализма». Подводя итог, сенатор отметил, что «ястребы», призывающие к военной операции, «не совсем ясно понимают ситуацию» и выступил за международные санкции под эгидой ООН [13].

А уже на следующий день, 25 августа 1990 г., схожее мнение озвучил П. Бьюкенен, влиятельный член Республиканской партии, выступавший как идеолог ее крайне правого крыла. Он утверждал, что удар по Ираку не даст США ничего, кроме тысяч жертв, и просто взорвет регион. «Смогут ли шейхи, султаны, эмиры и короли, чьи троны мы защищаем, пережить вооруженные восстания, которые могут последовать после американских воздушных ударов, вызвав американо-арабскую войну? Что мы [США] будем делать, если король Иордании будет свергнут и его наследники откроют «второй фронт»? Вторгнемся в Иорданию?», — задавался вопросом П. Бьюкенен. Конечно, в принципе, признавал он, у США есть достаточные возможности, чтобы разгромить Ирак, заставить уйти его из Кувейта, подорвать военную мощь С. Хусейна и возможно даже лишить его поста. «Но кто придет ему на смену?» — справедливо восклицал он [8, р. 214]. Бьюкенен был уверен, что война ради Кувейта — худший вариант и призывал использовать экономические санкции до тех самых пор, пока они не докажут свою непригодность [8, р. 215].

Оппозиция законодателей вызвала заметную тревогу у Дж. Буша-старшего. Решив изменить настроения на Капитолийском холме, президент США в сентябре 1990 г. организовал в несколько встреч с конгрессменами. Общее мнение законодателей выразил республиканец У. Кохен, призвавший Дж. Буша «сопротивляться призывам к наступательным действиям», пока не будет достигнут общенациональный консенсус. Сенатор подчеркнул, что вооруженные силы США должны быть уверены, что их правительство едино [14, р. 289].

Как было отмечено выше дебаты и попытки убедить законодателей в необходимости военной операции против войск С. Хусейна растянулись на несколько месяцев. Но даже в конце декабря 1990 г. глава Белого дома не ощущал поддержки со стороны Конгресса. Более того, из мемуаров Дж. Буша-старшего видно, что он расценивал ситуацию не больше, не меньше как угрозу всему своему политическому будущему, которое, по его мнению, фактически было поставлено на карту. 20 декабря 1990 г. американский президент записал в своем дневнике: «...Я также принял две депутации Конгресса... Чем больше я говорил с этими делегациями, тем больше я убеждался в том, что решение придется принимать мне одному и выдержать весь шквал критики. Я разделю славу с Конгрессом и со всем миром, если все произойдет

быстро, с приемлемыми человеческими жертвами — что бы это ни означало — и приведет к скорому поражению Саддама; но если это затянется, то на меня не только возложат вину, но, возможно, начнут процедуру импичмента...» [1, с. 380].

Крайне недовольство Дж. Буш-старшего вызывало и освещение событий в регионе Персидского залива средствами массовой информации. Он искренне полагал, что пресса намеренно стремится повредить ему. В его мемуарах можно легко найти красноречивые примеры подобной убежденности. Так, в начале января 1991 президент США раздраженно записал в дневнике, что в «Вашингтон пост» фактически умалчивают о результатах опроса, показавшего поддержку американским населением действий его администрации, хотя изучение общественного мнения было проведено самой газетой. «Они сами проводили этот опрос и пишут о двух этих категориях лишь на странице 19 в конце статьи, посвященной конгрессу... Да, они говорят о том, что итоги опроса лишь предварительные, однако посмотрим, как они прокомментируют окончательные результаты. Я все-таки думаю, что они просто не печатают те новости, которые им не нравятся. Как это для них характерно!», — недовольно констатировал глава Белого дома [1, с. 391].

Оценивая справедливость подобных утверждений Дж. Буша, можно подтвердить, что пресса в значительной части открыто выступала против военных планов Белого дома. Журналисты требовали от администрации сделать упор на дипломатии и политических средствах давления на Ирак. Например, влиятельный журнал «Тайм» на обложку своего номера за 24 декабря 1990 г. вынес красноречивый заголовок: «Что такое Кувейт и стоит ли умирать за него?» [3, с. 43]. По мере приближения даты начала военных действий, которые были намечены на 15 января 1991 г., американские СМИ усилили критику Дж. Буша-старшего, выставляя его как опасного «милитариста» и, наоборот, «изображали С. Хусейна сторонником мира» [9, р. 28].

Контент-анализ информационных сообщений и репортажей свидетельствует, что описывая кризис в Персидском заливе репортеры чаще всего сравнивали его с Вьетнамской войной [6, с. 58]. Журналисты не верили обещаниям администрации о быстрой победе в будущей войне против Ирака, и как зловеще предупреждал в январе 1991 г. журнал «Ньюсвик», есть «интуитивное предчувствие того, что эта война, как и во Вьетнаме, рано или поздно, пойдет крайне плохо» [10, р. 169].

А уже во время военной операции Буш с раздражением отмечал в своем дневнике, что вместо поддержки американской армии СМИ «постоянно будируют факты жертв среди мирного населения». Мнение президента разделяли и другие члены его администрации. Так, советник по национальной безопасности Б. Скоукрофт полагал, что либеральные СМИ США, исходя из своей политической ангажированности и логики противодействия Дж. Бушу-старшему, известному своими консервативными взглядами, фактически «играли в одни ворота» и вместо объективной картины о боях в Кувейте регулярно показывали антиамериканскую пропаганду [1, с. 407].

Справедливости ради, нужно отметить, что недовольство администрации Дж. Буша-старшего имело право на существование. Печальную известность получил один из выпусков CNN, демонстрировавший арабскую женщину, которая на отличном английском языке «истошно кричала» о жертвах среди мирного населения. Позднее телекомпания признала, что эта женщина «оказалась официальным представителем Иракской республики» [2, с. 93—94].



Помимо описания внутривосточных сложностей, с которыми ему пришлось столкнуться в ходе военных действий против Ирака, значительное внимание в мемуарах главы Белого дома уделено и внешнеполитическим сюжетам. Прежде всего, Дж. Буша волновала позиция Советского Союза во время кризиса в Персидском заливе, а также перипетии во взаимоотношениях с Кремлем в Совете Безопасности ООН. Поддержка советским представителем резолюции № 660, осуждавшей иракское вторжение и требовавшей незамедлительного отвода иракских войск [7, с. 22], вызвала у американского президента воодушевление: «Советы нас поддержали, и это был первый шаг в формировании противодействия» [1, с. 281]. Действительно, несмотря на различные позиции, касательно решения кризиса в Персидском заливе руководство Советского Союза и США сумели найти точки взаимодействия. Свидетельством этого стала поддержка СССР ключевой резолюции Совбеза № 678 от 29 ноября 1990 г., внесенной на рассмотрение Вашингтоном. Смысл этого документа сводился к требованию к Ираку вывести свои вооруженные силы из Кувейта до 15 января 1991 года. В противном случае ООН санкционировала «использовать все необходимые средства» с тем, чтобы «восстановить международный мир и безопасность в этом районе» [7, с. 33]. С юридической точки зрения, именно эта резолюция и стала основанием для начала военных действий против Ирака. Но когда США после месяца военно-воздушных ударов, решили в феврале 1991 г. перейти к наземной операции, глава Советского Союза попытался предотвратить эскалацию событий. Как вспоминал Дж. Буш-старший, между ним и М. Горбачевым 22 февраля состоялся телефонный разговор, в ходе которого советский лидер «начал убеждать, что ситуация изменилась» и иракцы готовы «немедленно и без всяких условий уйти из Кувейта, начиная со следующего дня после прекращения огня». Но, несмотря на настойчивость советского генсека, советские мирные инициативы были категорически отвергнуты его собеседником, что вызвало острое недовольство М. Горбачева. «В чем же тогда заключаются приоритеты? — спросил он повышенным тоном с признаками явного раздражения... Он дал понять, что мы намеренно выдвигаем невыполнимые условия вывода...» [1, с. 424]. Американский президент уже действительно принял решение о наземной операции и стремился не дать СССР сорвать военные планы США. Видимо, этим объясняется его вежливый, но непреклонный ответ М. Горбачеву, суть которого заключалась в том, что Белый дом не верит С. Хусейну и не собирается вести с иракскими руководителями какие-либо переговоры. «Если ты не сможешь поддержать нас, то мы оценим, если ты не выступишь против», — подытожил Дж. Буш-старший [1, с. 424].

Выдвинув в основание внешнеполитической программы СССР в последние годы его существования, концепцию «нового политического мышления», руководство Советского Союза полагало, что задачи Москвы и Вашингтона в регионе Персидского залива в значительной степени тождественны — это прекращение агрессии, восстановление суверенитета Кувейта, торжество норм международного права. Подобный подход давал общую платформу, на которой происходило согласование позиции двух ведущих держав мира в противодействии агрессии Ирака. Но, как с сожалением констатируют отечественные исследователи, Кремль не смог полностью использовать все свои «политико-дипломатические возможности для отстаивания своих подходов к решению международных проблем» [5, с. 98]. В результате вместо мирного решения ближневосточного кризиса, Соединенные Штаты сделали ставку на военную силу.

Нужно отметить, что Дж. Буш-старший огромное значение придавал восстановлению в ходе войны в Персидском заливе веры американцев в собственную армию и преодолению сформировавшегося в стране «Вьетнамского синдрома». В своих дневниковых записях Дж. Буш-старший с удовлетворением констатировал, что вооруженные силы США продемонстрировали свою мощь, и Америка объединилась вокруг своих солдат [1, с. 430]. В то же время у американского лидера не было четкого представления о том, чем должна закончиться операция «Буря в пустыне». 26 февраля 1991, за два дня до окончания боевых действий, он записывал в своем дневнике: «Нужно найти чистую, аккуратную концовку, и я все время повторяю: как мы завершим все это дело? ... Нельзя использовать слово «капитуляция» — арабским странам это определенно не понравится. Как мы уйдем? Как заставить их сложить оружие? Как защитить мирное население? И как в дальнейшем поддерживать наш авторитет, надеясь принести безопасность в Залив?» [1, с. 431]. Эти вопросы американскому лидеру стоило бы задать себе раньше. Например, в тот момент, когда Пентагон планировал свою операцию. Но слабо представляя себе ближневосточный регион, за месяц до начала боевых действий, в конце декабря 1990 г., американский президент был искренне уверен, что тиранический, по его мнению, режим С. Хусейна в Ираке ждет неминуемый крах: «Люди будут танцевать на улицах, они будут говорить, что он был тираном и угнетателем, и они возрадуются, когда он падет — я в этом убежден...» [1, с. 381].

В то же время Дж. Буш-старший очень четко уловил глобальное значение войны в Персидском заливе, связанное с выдвижением США в единоличного мирового лидера и переходе Америки к позиции унилатерализма в международных отношениях. В своих мемуарах глава Белого дома ясно указал, что значение войны в Персидском заливе вышло далеко за пределы региона Ближнего Востока и стало некоей вехой в международных отношениях, кардинально изменив геополитическое положение Соединенных Штатов. Дж. Буш-старший с удовлетворением отмечал, что «политический авторитет и влияние Америки вознеслись на небывалую высоту» и «мир стал совершенно иным по сравнению с тем, каким он был до нападения [Ирака] на Кувейт» [1, с. 437].

В заключение можно сказать, что в своих мемуарах Дж. Буш-старший стремится представить себя как твердого и решительного лидера, выигравшего войну. Он подчеркивает, что ему удалось в непростых условиях организовать отпор агрессии Ирака, восстановить независимость Кувейта, и в то же время не переступить тех полномочий, которые США получили от Совета Безопасности ООН. Именно с этим он связывает, тот факт, что боевые действия не были перенесены на территорию самого Ирака, а ограничились границами небольшого эмирата.

Однако с таким самовосприятием Дж. Бушем-старшего самого себя согласны далеко не все. Незадолго до начала военного конфликта в Персидском заливе, осенью 1990 г., американский президент спровоцировал жесточайший внутренний кризис в Республиканской партии, членом которой он являлся. Это было связано с отказом Дж. Буша-старшего от своего знаменитого предвыборного лозунга двухгодичной давности: «Читайте по моим губам, никаких новых налогов» и объявлением о готовности рассмотреть предложения демократов об увеличении налогообложения. Республиканской партии нарушенное обещание президента стоило поражения на выборах в ноябре 1990 г., и в политической среде Дж. Буш-старший заработал репутацию «слабака». Именно желанием преодолеть образ «слабого лидера» авторитетный исследователь

Роджер Хилсман, ранее занимавший пост помощника госсекретаря в администрации Л. Джонсона, объясняет решение Белого дома выбрать военный способ разрешения конфликта [11]. Не вдаваясь в этот сложный и требующий специального обсуждения вопрос, можно, тем не менее, уверенно констатировать, что отвергнув мирные инициативы СССР, Дж. Буш-старший совершил большую ошибку. Война в Персидском заливе стала толчком к дальнейшей дестабилизации региона, оказавшись первым звеном в длинной цепи катастроф, обрушившихся на Ближний Восток вплоть до настоящего времени. Одновременно, несмотря на бравурные заявления президента США, Вашингтону не удалось добиться свержения режима С. Хусейна в ходе войны в Персидском заливе (1990—1991 гг.). В результате в 2003 году, без какой-либо санкции ООН, Соединенные Штаты нанесли новый удар по Ираку, но его результаты также оказались крайне противоречивыми, и спровоцировали многолетнюю партизанскую войну, жертвой которой стали тысячи американских солдат. Политика США в ближневосточном регионе оказалось в тупике, пожав плоды непродуманных решений, принятых Дж. Бушем-старшим в 1990—1991 годах.

#### Список литературы

1. Буш Дж., Скоукрофт Б. Мир стал другим. М.: Международные отношения, 2004. 504 с.
2. Ерохова Н. С. Средства массовой информации в международных конфликтах (на примере кризиса в Персидском заливе 1990—1991 гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. 2001. № 2. С. 82—100.
3. Засурский Я. Н., Голованова Г. А., Землянова Л. М., Власов Ю. М., Любимов В. И., Орлов Ю. А. Средства массовой информации США, Великобритании, Германии в 1990 году // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. 1991. № 5. С. 35—89.
4. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники по российской истории: учебное пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1998. 702 с.
5. Наринский М. М. Советское руководство и кризис в Персидском заливе (1990—1991 годы). Новые материалы // Новая и новейшая история. 2007. № 3. С. 79—98.
6. Осокина Е. А. Влияние американских СМИ на массовое сознание (на примере конфликтов США с Ираком в 1990—1991 и 2002—2003 годах) // Полис. Политические исследования. 2008. № 1. С. 50—60.
7. Резолюции и решения совета безопасности за 1990 год. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1991. 40 с.
8. Buchanan P. Have the Neocons Thought This Through? // The Gulf War Reader: History, Documents, Opinions. New York: Times Books, 1991. P. 213—215.
9. Claude I. The Gulf war and Prospects for World Order by Collective Security // The Persian Gulf Crisis: Power in the Post-Cold War World. London: Praeger, 1993. P. 23—38.
10. Donaldson G. America at War Since 1945: Politics and Diplomacy in Korea, Vietnam, and the Gulf War. London, Connecticut: Praeger, 1996. 240 p.
11. Hilsman R. George Bush vs. Saddam Hussein: Military Success! Political Failure? Novato. California: Lyford Books, 1992. 273 p.
12. Record J. Hollow Victory: a Contrary View of the Gulf War. New York: Brassey's, 1993. 186 p.
13. Should the U.S. Attack Iraq? // The New-York Times. August 24, 1990.
14. Woodward B. The Commanders. New York: Simon & Schuster, 1991. 398 p.

УДК 821.133.1"15"  
ББК 83.3 (4Фра)511-8,3  
DOI: 10.46726/H.2020.4.13

*В. Е. Цивилева*

## ИУДЕИ НА ПОЗДНЕАНТИЧНОМ ЗАПАДЕ: СЛУЧАЙ НА МЕНОРКЕ

В статье анализируются изменения в положении иудеев в период поздней Античности. В связи с христианизацией империи положение представителей прочих конфессиональных групп изменилось. В частности, иудеям стала недоступна административная и военная служба, были запрещены межконфессиональные браки, пресекался прозелитизм. Ухудшилось не только правовое положение. Церковные власти всячески ограничивали и простое повседневное взаимодействие, а иногда некоторые епископы шли дальше и становились инициаторами конфликтов, которые заканчивались разрушением синагоги, обращением или изгнанием иудеев. Одним из самых известных подобных случаев является иудео-христианский конфликт на острове Менорка в начале V века, описанный в письме меноркского епископа Севера. Автор рассказывает, как под влиянием чудес, произошедших в присутствии мощей святого Стефана, недавно прибывших на остров, местные иудеи приняли христианство. Но некоторые «оговорки» автора говорят нам скорее о насильственном обращении. Случай на Менорке является далеко не единственным примером насильственного обращения иудеев в данный период. Но, несмотря на некоторую напряженность и периодически вспыхивавшие конфликты, иудеи оставались членами позднеантичного общества, их религия не была запрещена, защищалась законом и имела некоторую автономию.

**Ключевые слова:** поздняя Античность, иудео-христианские взаимоотношения, конфликт, Кодекс Феодосия, письмо Севера, Менорка.

*V. E. Tsivileva*

## JEWES IN THE LATE ANTIQUE WEST: THE CASE OF MINORCA

The article analyzes the changes in the position of the Jews in the period of late Antiquity. Due to the Christianization of the Empire, the position of other confessional groups changed. In particular, administrative and military service became inaccessible to Jews, interfaith marriages were forbidden, and proselytism was suppressed. It is not only the legal status that has deteriorated. The Church authorities also restricted simple daily interaction in every possible way, and sometimes some bishops initiated conflicts that ended in the destruction of the synagogue, the conversion or expulsion of Jews. One of the most famous such cases is the Judeo-Christian conflict on the island of Minorca in the early fifth century, described in a letter of the Bishop of Minorca Severus. The author tells how, under the influence of miracles that took place in the presence of the relics of Saint Stephen, which were recently brought to the island, the local Jews converted to Christianity. But some of the author's «reservations» tell us about forced conversion. The case of Minorca is not the only example of forced conversion of Jews during this period. But despite some tensions and occasional conflicts, the Jews remained members of late antique society, their religion was not prohibited, protected by law, and had some autonomy.

**Key words:** late Antiquity, Judeo-Christian relations, conflict, Code of Theodosius, letter of Severus, Minorca.

---

© Цивилева В. Е., 2020

Христианизация Римской Империи оказалось определяющим макро-событием для Европы периода поздней Античности. На протяжении IV века христианство стало сначала одной из разрешенных религий (при Константине I), а затем и практически государственной религией (при Феодосии I). Такое развитие событий не могло не повлиять на положение других конфессиональных групп в государстве.

Среди прочего христианизация Империи повлияла на положение иудеев и на состояние самих иудео-христианских взаимоотношений в целом, хотя о сложности и динамике этого межконфессионального диалога в тот период известно лишь по немногочисленным источникам (законодательные, агиографические, эпистолярные, исторические сочинения), где так или иначе затрагиваются или упоминаются отношения иудеев и христиан.

Анализ этих текстов показывает, что положение иудеев действительно изменилось, причем не в лучшую сторону. Особого внимания к себе в этой связи требуют правовые документы, в частности Кодекс Феодосия и законодательство Юстиниана, позволяющие судить об изменениях в правовом статусе иудеев.

Если до узаконения христианства и превращения его в господствующую религию правовой статус иудеев в Римской империи практически ничем не отличался от положения других римских граждан (к III веку они сами стали полноправными гражданами, были интегрированы в римское общество, и спорным оставался лишь вопрос прозелитизма), то с христианизацией Империи их положение стало явно ухудшаться. Согласно Кодексу Феодосия, иудеям была запрещена военная и административная служба (CTh. 16.8.16, 404 год)<sup>1</sup>, обращение в иудаизм было запрещено (CTh. 16.8.1.1, 315 год; 16.8.26, 423 год), также преследовались иудействующие христиане (CTh. 16.8.19, 409 год); кроме того, действовал запрет на приобщение рабов к иудаизму (CTh. 16.9.1), а затем запрет иметь рабов-христиан вообще (CTh. 16.9.2, 399 год; 16.9.4, 417 год; 16.9.5, 423 год).

Какие-то изменения, по существу, уравнивали иудеев с христианами и язычниками. В частности, было отменено освобождение иудеев от исполнения куриальных обязанностей (CTh. 16.8.3, 321 год; 16.8.2, 330 год). Эта их привилегия прежде основывалась на невозможности иудеев в языческие времена занимать должности, которые предполагали принесение жертв, в христианской империи же с исчезновением из административной практики жертвоприношений путь в куриалы стал открыт в том числе и иудеям. Но поскольку в Римской империи от этого бремени были освобождены лица, исполняющие священнические обязанности, то подобная привилегия коснулась и христианских, и иудейских служителей культа (CTh. 16.8.4, 331 год).

Но были запреты, ставящие преграду между иудеями и христианами. В частности, запрещались браки между иудеями и христианами (CTh. 16.8.7, 339 год; 3.7.2; 9.7.5), что является свидетельством того, что смешанные браки были в той или иной степени распространены и, по всей видимости, являлись одним из способов распространения иудейской религии в римском обществе, что и беспокоило христианских законодателей. Также было запрещено строительство новых синагог (CTh. 16.8.27, 423 год), разрешалось разрушение синагог в пустынных, безлюдных местах (CTh. 16.8.22, 415 год).

---

<sup>1</sup> Ссылки на Кодекс даются в тексте с указанием номера постановления и года его издания по электронной версии: Imperatoris Theodosii Codex. URL: <http://ancientrome.ru/ius/library/codex/theod/public.htm>

С другой стороны, иудеи, обратившиеся в христианство, были защищены от насилия (СTh. 16.8.1, 315 год; 16.8.5), новообращенных нельзя было лишить наследства (СTh. 16.8.28). Учитывая, что данные законы были рескриптами [6, р. 639], указаниями по конкретным случаям, можно сделать вывод, что обращение иудеев в христианство происходило нередко, что вызывало бурное недовольство со стороны их прежних единоверцев (в законе 16.8.1 говорится о ярости иудеев и побоевании камнями новообращенных), и в свою очередь требовало контроля со стороны государства.

Но при этом иудейская религия не была запрещена, синагоги были защищены от разрушения. Закон от 393 года (СTh. 16.8.9) гласит: «Секта иудеев не запрещена никаким законом... те, кто под именем христианской религии попытается разрушить или разграбить синагоги, будет наказан с подобающей строгостью». Затем было издано еще несколько подобных законов (СTh. 16.8.12, 397 год, СTh. 16.8.20, 412 год и СTh. 16.8.25, 423 год). Особенно интересен закон СTh. 16.8.21 от 412 (или 418) года, который защищал не только синагоги, но и частную собственность иудеев, и запрещал самосуд: если иудей нарушил закон, он должен был понести наказание по закону, — а это, пусть и косвенно, подтверждает, что подобные случаи были.

Что касается синагог, то они традиционно были центром жизни иудейской общины, в некоторых местах они исполняли роль местных муниципальных зданий, которые облегчали повседневное общение между иудеями и другими местными жителями, там решались деловые и гражданские вопросы. Если же судить по вышеназванным законам, то, учитывая, что запрет разрушать синагоги повторялся минимум пять раз за тридцать лет, становится очевидным, что синагоги раз за разом подвергались нападениям и разграблениям со стороны неиудейского населения.

При этом государство с уважением относилось к традициям иудеев, они были освобождены от всякой деятельности в субботу (СTh. 16.8.20.1, 412 год). Империя признавала иудаизм как религию со своей определенной сферой деятельности. Было определено автономное иудейское религиозное руководство, которое было по-прежнему освобождено от личных и гражданских литургий (СTh. 16.8.2, 330 год; 16.8.4, 331 год). Иудеи имели собственный рынок (СTh. 16.8.10, 396 год) и суд, в который было запрещено вмешиваться имперской администрации (СTh. 16.8.8, 392 год). Но его полномочия постепенно ограничивались; по закону 415 года, судебные тяжбы между иудеями и христианами должны были передаваться на рассмотрение наместников провинций (СTh. 16.8.22).

Таким образом, с начала V века имперская администрация была почти полностью закрыта для иудеев (хотя практика могла отставать от предписаний), было запрещено строительство новых синагог и всячески пресекался прозелитизм, что является продолжением еще языческой имперской политики. Но при этом, начиная с конца IV века, имперское правительство неоднократно осуждало и объявляло вне закона насильственные действия в отношении иудеев. Были подтверждены привилегии, связанные с религиозной практикой, в отношении синагоги как ядром религиозной и общинной деятельности. Иудейские общины оставались под защитой законодательства. Их религия не была запрещена, в отличие от язычества и ереси.

Можно заметить, что государственная власть в Империи пыталась сохранить баланс между влиянием христианской религии на государство и законодательство и стремлением защитить всех своих граждан вне зависимости

от конфессиональной принадлежности, сохранить спокойствие и гражданский порядок.

Хотя это законодательство нельзя назвать антииудейским, эти «законы фактически ставили иудеев (чем дальше, тем больше) в положение людей второго сорта, вводя для них все больше запретов и ограничений. Одновременно при этом законность существования иудаизма никогда не ставилась под сомнение и привилегии иудейского духовенства никогда и никем не отменялись» [1, с. 343]. Но стоит также отметить, что многие постановления повторялись из года в год, что говорит об их неисполнении.

Если имперская власть пыталась сохранять баланс сил и предотвращать конфликты, то представители церкви в своем стремлении ограничить какое-либо влияние иудеев на христианский мир шли дальше.

Решения поместных церковных соборов зачастую не только повторяли имперское законодательство в отношении иудеев, но также пытались контролировать и повседневную жизнь людей. Например, часто запрещались совместные трапезы с иудеями, участие в их брачных пирах [2, с. 34] и прочее. Но опять же, как и в случае со светским законодательством, постоянное повторение этих церковных предписаний говорит нам о том, что они нередко игнорировались.

Действия иерархов Церкви в отношении иудеев не ограничивались принятием церковных постановлений. В позднеантичных источниках мы также довольно часто встречаем сообщения о конфликтах христиан и иудеев, которые обычно проходили под руководством местных епископов и заканчивались обращением иудеев в христианство, разрушением местной синагоги или изгнанием непокорных иудеев из города.

Эти события соответствовали модели, которая стала тревожно предсказуемой в конце IV и начале V в. В этот период синагоги были сожжены или преобразованы в церкви во многих городах: Калликоне, Александрии, Антиохии, Риме, Аквилее и Магоне.

Особенно примечательным является случай разрушения синагоги в Калликоне, городе на Евфрате (388 год). Когда император Феодосий приказал восстановить синагогу и наказать виновных христиан, это вызвало активную реакцию таких известных представителей христианского мира, как Симеон Столпник и Амвросий Медиоланский. Сохранилось несколько писем Амвросия, где он рассказывает об этих событиях и о своем споре с Феодосием. Он писал императору: «Думаю, нет ни одной веской причины для твоего негодования и сурового приговора народу за поджог. Истреблена синагога, место зловерия, дом нечестия, вместилище безумия...» (*Ambr. Ep. 74(40), 14*; пер. Д. Е. Афиногенова). В результате Феодосий, по признанию Амвросия, пошел на уступки христианам и отменил свое решение, о чем якобы сказал епископу: «Действительно, я судил чересчур сурово о том, что синагогу надо восстановить епископу, но это правильно. Монахи совершают много преступлений» (*Ambr. Ep. ex. 1(41), 27*; пер. Т. Л. Александровой). Но при этом он заявил, что «исправит ошибку», указ о наказании христиан и возмещении ущерба был отменен. Это уникальное событие, когда император отменил свое решение под давлением епископа, пошел против законов Империи.

Однако самым интересным и наиболее подробно описанным является случай на Менорке в начале V века. Об этом конфликте нам сообщает письмо меноркского епископа Севера, которое является единственным источником, непосредственно отражающим иудео-христианские взаимоотношения на позднеантичном Западе.

Несмотря на некоторые дискуссии относительно происхождения данного послания [4, с. 7—10], сейчас его подлинность считается доказанной, и также отмечается, что оно содержит уникальную информацию о положении конкретной иудейской общины на Западе и ее взаимоотношениях со своими христианскими соседями [5, р. 2].

Епископ Север в своем письме, обращаясь к «святейшим и блаженнейшим господам, епископам, священникам и всему братству», рассказывает о событиях, которые произошли на острове в 418 году; а именно о том, что после прибытия на остров мощей святого Первомученика Стефана между христианами и иудеями произошел конфликт. Как видно из текста письма, до этого они сохраняли теплые отношения, но «теперь ушла обычная готовность приветствовать друг друга, и разрушились не только привычные приятельские отношения, но и вредоносное подобие любви было обращено в преходящую ненависть, впрочем, ради любви к вечному спасению. На всех улицах велись битвы против иудеев за закон, а во всех домах — сражения за веру» (§ 3; col. 823)<sup>2</sup>.

С самого начала и на протяжении всего письма Север пытается убедить читателя, что случившееся произошло не по вине или не из-за усердия христиан, а что это была реализация Божественного плана, пытается доказать неизбежность произошедшего (через многочисленные параллели со Священным Писанием и описание множества произошедших чудес).

Но при этом в тексте также присутствуют множественные «оговорки» самого автора, которые сообщают нам, что это было скорее насильственное обращение. Например, один иудей по имени Галилей говорит в письме: «Я призываю вас всех в свидетели, что не могу я быть иудеем, потому что имею христиан совладельцами в своем имении, из-за ненависти которых я могу быть убит, если предпочту упорствовать в иудаизме. Поэтому я, учитывая угрозу для моей жизни, отправлюсь сейчас в церковь, тем самым избегу смерть, которая мне готовится» (§ 14; col. 829). Другой иудей подтвердил его слова и сказал, что боится такой же участи. Причем и сам Север добавляет, что Галилей «говорил истину», то есть он не отрицает потенциальную угрозу для иудея. Когда же многие иудеи решили обратиться, Север оговаривается, что «на самом деле, почти никто из них не заклинал, что открыто ощущал силу Христа» (§ 14; col. 828).

А первый обратившийся, Рувим, уговаривает первосвященника иудеев, Феодора, принять христианство такими словами: «Если действительно хочешь быть в безопасности, уважаемым и богатым, верь во Христа, как и я поверил» (§ 12; col. 826).

Другой иудей, обсуждая со своим другом возможный побег с острова, говорит: «Поскольку на этом острове такая ненависть посеяна среди всех к нашей религии, что никто, кроме оставивших родину, не может сохранить веру отцов, почему же нам не удалиться в добровольное изгнание, коль скоро, как ясно, даже против воли своей мы обречены на него из-за ненависти жителей города?» (§ 13; col. 828). Эти слова, как и некоторые другие оговорки, свидетельствуют скорее о принуждении и угрозах, чем о добровольном крещении.

Также, возможно, во всей этой истории сыграла важную роль личность самого Севера. Он был избран епископом совсем недавно, за несколько дней

---

<sup>2</sup> Ссылки даются в тексте с указанием параграфа и номера столбца по изданию: *Epistula Severi ad omnem ecclesiam, de virtutibus ad judaeorum conversionem in Minoricensi insula factis in praesentia reliquiarum Sancti Stephani* // PL. T. XLI. Paris, 1845. Col. 822—832.



до прибытия на остров мощей святого Стефана. До его избрания отношения между иудеями и христианами на острове, судя по всему, не отличались враждебностью. Иудеи обладали общественным авторитетом, в том числе и среди христиан, занимали административные должности, владели поместьями. И несмотря на то, что перемену в их отношениях Север связывает с прибытием на остров мощей Стефана, не исключено, что имела влияние и личность епископа, его личное стремление обратить неверных, тем более, что они были такими значимыми в обществе людьми.

В результате конфликта была сожжена синагога, на ее месте была построена базилика, а пятьсот сорок иудеев острова, по словам автора послания, были обращены в христианство (§ 29; col. 832). И хотя Север старается убедить читателя, что это событие было актом исполнения Божественной воли, что иудеи обратились под влиянием произошедших чудес, содержание письма, оговорки автора, говорят нам о другом: о запугивании и применении насилия.

Таким образом, письмо Севера сообщает нам о локальном иудео-христианском конфликте, содержит информацию о положении иудейской общины на Западе Империи и о ее взаимодействии со своими соседями-христианами; показывает, как легко это взаимодействие из мирного и дружественного может перейти к конфронтации и конфликту. А вышеупомянутые примеры говорят о том, что это событие само по себе не уникально. Случай на Менорке вписывается в общую картину иудео-христианских взаимоотношений в поздней Античности.

Но описания многочисленных конфликтов не должно вводить нас в заблуждение, будто отношения иудеев и христиан носили только негативный характер. Нужно учитывать, что эти источники — письма епископов, агиографические произведения, или иные тексты, авторами которых были христиане — могут быть не совсем объективными, так как их авторы подчеркивали чуждость иудеев христианской религии и христианам, сосредотачивались на противостоянии и конфликтах, которые заканчивались торжеством христианства. «Христианское письмо не могло не быть апологетическим письмом. Почти все без исключения христианские источники представляют нам христианскую историю в терминах генеалогии происхождения и триумфального повествования о христианизации» [7, p. 11—12].

О мирном взаимодействии упоминается редко, но все же упоминается. Например, иудеи характеризуются как активные защитники города от неприятеля (*Proc. BG V(I)*, 8, 41), или рекомендуются в качестве поверенных (*Sid. Ep. VI*, 11, 1). Мирное взаимодействие упоминается и в письме Севера. Косвенно о хороших иудео-христианских отношениях нам говорит и постоянное повторение ограничений, например, запреты на межконфессиональные браки, совместные трапезы и прочее. Видимо, их повторение обуславливается неисполнением.

Но при этом конфликты все же имели место быть, как мы видели это выше. Их инициаторами, как правило, выступали местные епископы. Как справедливо отмечает Джеймс Паркес, когда с иудеями случается беда, то она «исходит явно от церковных или имперских властей, а не от населения» [8, p. 189]. Это во многом связано с усилением роли епископов на местах в тот период, имперская власть уже не могла контролировать ситуацию, вынужденно отдавая инициативу в руки иерархов Церкви [9, p. 527], которые порой вполне успешно конкурировали со светской властью и *de facto* исполняли административные функции. Пользуясь этим, епископы иногда обращали свою власть против иудеев, несмотря на то что это противоречило законам

Империи. И в зависимости от личности самого епископа диалог между христианской и иудейской частями общества мог выстраиваться либо драматичным для иудеев образом, либо на принципах относительной терпимости.

Стоит отметить отношение и настроение самого христианского народа. На протяжении веков в христианском обществе складывался негативный образ иудея, в том числе благодаря традиционной для христианских пастырей антииудейской церковной полемике (см., напр.: [3, с. 85]). Эта антииудейская риторика не могла не влиять на отношение к ним, поэтому переход от добрососедских отношений к враждебности был таким легким. Призывы епископов попадали на подготовленную почву, негодование общества легко было направить именно на иудеев, они становились жертвами стереотипов, характерных для христианской картины мира, где иудей был источником опасности для Церкви.

Итак, изменения, которые произошли в период поздней Античности, повлияли и на положение иудеев, и на отношение к ним. Церковные и светские власти в государстве, которое провозгласило христианство господствующей религией, пытались ограничить, запретить иудеев в рамках собственного общества. Хотя принимавшиеся законы давали гарантии иудейской религии, предусматривая защиту ее исповедников, хотя сохранялись у иудеев некоторые привилегии и даже устанавливалась определенная автономия иудейских общин (в экономической и судебной деятельности), все же очевидны были ограничения в правах и в некоторых сферах повседневной жизни. Если активное воспрепятствование прозелитизму (через обращение христиан, рабов-христиан, межконфессиональные браки) отчасти является продолжением имперской политики еще языческих императоров, то другие запреты, например, на занятие административных должностей, связаны с христианизацией Империи. Впрочем, не нужно забывать и о частом пренебрежении этими законами и о неспособности властей контролировать их исполнение.

Изменилось не только правовое положение иудеев. Христианизация, общий кризис Империи привели к некоторому перераспределению власти на местах, когда зачастую епископы стали обладать также административными полномочиями. В своем стремлении оградить христиан от иудеев они вполне могли использовать как законные (постановления церковных соборов), так и незаконные методы. Иногда их религиозное рвение (а порой лишь прикрываемое религиозными соображениями) выражалось в попытках насильственного крещения, разрушении или преобразовании в церкви синагог, изгнании упорствующих иудеев из города.

Но враждебность присутствовала не везде и проявлялась далеко не всегда. Как правило, иудеи по-прежнему оставались обычными гражданами, мирно взаимодействовали с христианами, и даже в период христианизации могли чувствовать себя вполне уверенно и занимать привилегированное положение в обществе, иметь определенный социальный статус. Несмотря на возникавшие конфликты, повседневное взаимодействие в основном оставалось мирным. Но также можно отметить, что отгораживание от иудеев и укрепление рамок, в которых им было позволено существовать, возможно стало началом той политики, которая проводилась в отношении иудеев уже в средневековой Европе.

## Список литературы

1. Грушевой А. Г. Иудеи и иудаизм в истории Римской республики и Римской империи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 484 с.
2. Солодовников В. В. Первые Галльские соборы. IV—V вв. М.: Духовная академия Содружества евангельских христиан России, 2008. 208 с.
3. Тюленев В. М. Максим Туринский: проповедник и его паства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 1. С. 82—88.
4. Цивилева В. Е. Письмо Севера Меноркского: предварительные замечания // Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. Иваново, 2020. С. 5—13.
5. Bradbury S. Severus of Minorca. Letter on the Conversion of the Jews. Clarendon press. Oxford, 1996. 141 p.
6. Brown P. Christianization and religious conflicts // The Cambridge Ancient History. Vol. XIII. The Late Empire, A. D. 337—425 / ed. by A. Cameron. Cambridge University Press, 1997. P. 632—664.
7. Cameron A. Christian Conversion in Late Antiquity: Some Issues // Conversion in Late Antiquity: Christianity, Islam, and Beyond. Papers from the Mellon A. W. Foundation Sawyer Seminar, University of Oxford, 2009—2010. P. 3—22.
8. Parkes J. The conflict of the church and the synagogue: A study in the origins of anti-semitism. Cleveland and New York. The Jewish publication society of America, Philadelphia, 1961. 434 p.
9. Testa R. L. The Late Antique Bishop: Image and Reality // A companion to late Antiquity / ed. by P. Rousseau. Blackwell Publishing, 2009. P. 525—539.

УДК 85.374.3(2)6  
 ББК 791.43.05(470)  
 DOI: 10.46726/Н.2020.4.14

**К. А. Юдин**

### **СОВЕТСКАЯ КИНОПОЛИТИКА НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» (КОНЕЦ 1970 — НАЧАЛО 1990-Х ГГ.)\***

В статье исследуется советская политика в сфере кинематографии / кинополитика, проводившаяся в конце 1970 — начале 1990-х гг. Показывается сложный структурно-функциональный облик кинополитики. С одной стороны, она выступала репрезентативным отражением и резонансом на события «холодной войны». С другой стороны, весомое значение приобретала творческая активность театральнo-кинематографической интеллигенции, установление приоритетов и направлений ее деятельности, не укладывавшихся в линейные схемы. Автор приходит к выводам о планомерно нарастающей напряженности в отношениях между властью и кинематографистами, приведшей к деструкции советской системы кинопроизводства и политического строя в целом. На институциональном уровне это выразилось в острой оппозиции между официальными структурами — партийно-государственным аппаратом, контрольно-надзорными ведомствами, и общественными организациями, прежде всего,

---

© Юдин К. А., 2020

\* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике холодной войны: компаративный анализ».

• Серия «Гуманитарные науки»

Союзом кинематографистов, который из факультативно-вспомогательной корпоративной организации все более начинал претендовать на самостоятельность и свободу в реализации кинопроизводственных инициатив. Устанавливается взаимосвязь внутренних и внешних факторов — перестройки 1985—1991 гг. и завершения «разрядки» в международных отношениях, усиливших противоречия между консервативно-охранительным и либерально-обновленческим курсом, коммерческими и идеологическими приоритетами при выстраивании советской кинополитики в отношении США и других стран.

**Ключевые слова:** советская кинополитика, «холодная война», перестройка, партийно-политический контроль, идеология, цензура, пропаганда, медиапространство.

*K. A. Yudin*

## SOVIET CINEMA POLITICS AT THE FINAL STAGE OF THE «COLD WAR» (LATE 1970's — EARLY 1990's)

The article examines the Soviet policy in the field of cinematography / cinema politics, carried out in the late 1970s — early 1990's. The complex structural and functional aspect of film politics is shown. On the one hand, it acted as a representative reflection and resonance on the events of the Cold War. On the other hand, the creative activity of the theatrical and cinematic intelligentsia, the establishment of priorities and directions of its activity, which did not fit into linear schemes, acquired a significant importance. The author comes to the conclusion about the systematically growing tension in relations between the authorities and cinematographers. At the institutional level, this was expressed in a sharp opposition between official structures — the party and state apparatus, control and oversight departments, and public organizations, first, the Union of Cinematographers, which, from an optional auxiliary corporate organization, increasingly began to claim independence and freedom in implementation of film production initiatives. The interrelation of internal and external factors is being established — perestroika 1985—1991 and the end of «detente» in international relations, which have intensified the contradictions between the conservative-protective and liberal-renovation course, commercial and ideological priorities in building Soviet cinema politics with respect to the United States and other countries.

**Key words:** Soviet cinema politics, «cold war», perestroika, party-political control, ideology, censorship, propaganda, media space.

Одним из крупнейших конфликтов второй половины XX века является «холодная война». Особенно востребованным не только для очевидной пропаганды «нужных» ценностей и идеалов, продвижения конъюнктурных установок, но и для достижения долговременного когнитивно-коммеморативного эффекта стал кинематограф, превращавшийся одновременно и в зеркало, отражавшее течение социально-политического бытия, и в «молот», выковывавший новую «гиперреальность» [12]. «Холодное» противостояние сопровождалось идейно-политической и визуальной сегрегацией, делением общества с последующим формированием представлений о «своих» и «чужих». Образ врага/другого играл ключевую роль в производстве смыслов и пропаганде, что отражено в историографии [6—9, 13, 21—24, 26, 28, 29].

Управление кинематографией как информационным, медийным инструментом в годы «холодной войны» приобретало циклический и системно-институционализированный характер и в СССР, и в США. Конец 1970-х гг.

отмечен общим охлаждением советско-американских отношений, повлиявшим и на состояние медиапространства, кинематографический «климат». В закупочной политике СССР произошли кардинальные перемены, в основе которых лежал политико-идеологический расчет на взаимовыгодный, симбиотический информационный эффект. По-прежнему, как верно отмечает М. И. Косинова, «достаточно регулярно прокатывались фильмы капиталистических стран, но преимущество отдавалось уже Франции и Италии, чьи коммунистические партии считались наиболее влиятельными». И далее: «Нежелание советской кинематографии активно сотрудничать с США привело к тому, что в 1976 г. американские кинематографисты отказались принимать участие в Московском кинофестивале и вообще иметь какие-либо отношения с нами в области кино. Фильмы США, Англии, Западной Германии, пользующиеся у зрителей большим успехом, отныне проникали на наши экраны с огромным трудом. И главное — прокат был переориентирован на развлекательное кино, прежде всего французское» [14, с. 215].

В июне 1977 г. был разработан на основании специального Постановления ЦК КПСС и распространен «План организационных мероприятий по упорядочению и повышению политической бдительности сотрудников в/о «Союзэкспортфильм», напоминавший подобный стратегический документ, относившийся к сталинскому периоду (см. об этом: [28, с. 47]). Как и ранее, от сотрудников ведомств, курировавших развитие кинематографии, требовалось «выявлять факты создания и демонстрации антисоветских фильмов и принимать меры к прекращению этого» [20, оп. 26, д. 81, л. 62—64]. В январе 1978 г. Государственный комитет Совета Министров по кинематографии (Госкино СССР) предоставил отчет следующего содержания: «Принимаются меры для обеспечения выпуска фильмов, разоблачающих организуемые империалистическими кругами, маоистами, сионистами, идеологические диверсии против СССР и стран социалистического содружества, картин, направленных на воспитание у зрителя чувства бдительности и непримиримости к проискам буржуазной пропаганды...» [там же, л. 193].

В апреле 1977 г. секретарь правления Союза кинематографистов (СК) СССР А. В. Караганов, констатируя оживление советско-американского сотрудничества в сфере кинематографии после «паузы» 1971—1972 гг., тем не менее, делал в отчете неутешительный прогноз: «Пока положение таково, что усилиями антисоветской пропаганды, использующей неинформированность американских зрителей и читателей, незнание им новейших процессов и явлений советского кино, престижу нашего кино в США нанесен серьезный ущерб, широкое хождение получило противопоставления 20-х годов, как “золотого века” советской кинематографии, последующему ее развитию, которое трактуется как период подавления, угасания, стагнации...» [1, с. 99]. Кроме того, по словам председателя Госкино СССР Ф. Т. Ермаша, «некоторые фирмы отказываются продавать нам фильмы актуального социально-политического содержания, критически отображающие жизнь в капиталистических странах. Скажем, с американскими киномонополиями не удастся пока достичь договоренности о покупке на приемлемых условиях социальных произведений “Возвращение домой” и “День саранчи”, показанных вне конкурса на XII Московском международном кинофестивале» [15, с. 139].

26 апреля 1979 г. ЦК КПСС принимает постановление «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», в котором подчеркивалась исключительная роль СМИ, кинематографа в пропаганде

коммунистических ценностей [19, с. 4]. В 1980 г. Ф. Т. Ермаш подвел итоги «кинопятилетки»: «В минувшем пятилетии зрители увидели художественные кинокартины, разоблачающие антигуманную сущность буржуазного строя (“Бегство мистера Мак-Кинли”, “Кентавры”, “Ночь над Чили”, “Санта Эсперанса”), предупреждающие об опасности неонацизма (“Похищение «Савойи»”, “Жизнь прекрасна”). <...> Документальный кинематограф пропагандирует миролюбивую внешнюю политику СССР, ярко показывает борьбу Коммунистической партии и Советского государства за претворение в жизнь Программы мира, за разрядку международной напряженности (“ОСВ — надежда мира”, “Европа: шаги разрядки”, “Солдаты народа — солдаты мира”))» [10, с. 155].

В начале 1980-х гг., на фоне обострения внешнеполитической ситуации, в СССР происходит ужесточение идеологического контроля, особенно после июньского Пленума ЦК КПСС 1983 г. по идеологическим вопросам, в постановлении которого отмечалось: «В связи с осложнением международной обстановки западные страны все активнее стремятся использовать каналы культурного обмена для вмешательства во внутренние дела социалистических государств, протаскивания духовной отравы, поощрения деятельности различного рода отщепенцев, эмигрантского отребья. На Западе придумываются различные надуманные поводы к свертыванию культурных связей с социалистическими странами... Более тщательно следует подходить к подбору зарубежной продукции, которую мы получаем по культурному обмену. Ведь известно, что наряду с произведениями содержательными к нам попадают фильмы, пьесы издания, музыка, для которых характерна безыдейность, пошлость, художественная несостоятельность. Нельзя забывать, что здесь для нас на первом месте должен быть не *коммерческий, а политический подход*» [17, с. 68].

Как отмечают историки кино, «конец 70-х и начало 80-х гг., — прошли под знаком конфликтного противостояния этих двух взаимоисключающих (коммерциализации и политизации. — *К. Ю.*) концепций развития кино. По всем внешним признакам победила линия на коммерциализацию. Власти и подумать не могли о том, чтобы допустить развитие движения кино клубов, способствовать формированию “элитной” аудитории или разрешить хотя бы некоторым художникам создание фильмов, рассчитанных на образованную публику. Но, с другой стороны, идеологические вериги не позволяли и “коммерсантам” развернуться в полную силу. Цензурные рогадки и стремительно убывающие финансы резко ограничивали творческие и производственные возможности “массовиков”. Отдельные прокатные успехи, вроде картины “Москва слезам не верит”, не делали погоды, а телевидение продолжало стремительное наступление на свободное время населения» [9, с. 83—84].

Идеологический контроль над кинематографией приобретал все более формально-механистический характер, о чем свидетельствует хроника последних лет «холодной войны» на культурном «фронте». 20 января 1983 г. состоялось заседание секретариата Правления Союза кинематографистов СССР. Секретариат принял постановление «О задачах Союза кинематографистов СССР» на основании выступления нового генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова на ноябрьском пленуме ЦК КПСС и торжественном заседании в Кремле, посвященном 60-летию образования СССР. В постановлении использовалась привычная всем идеологическая риторика и призывы к традиционной рефлексии — ритуальной самокритике, направленной на то, чтобы театрально-кинематографическое сообщество смогло обуздать «самоуспокоенность

и благодушие», которые «проявляются в переоценке своих творческих успехов, особенно в отношении художественного решения крупных проблем современности...» [16, с. 98]. 19 апреля 1984 г. выходит стандартизированное Постановление ЦК КПСС и Совета Министров (СМ) СССР «О мерах по дальнейшему повышению идейно-художественного уровня кинофильмов и укреплению материально-технической базы кинематографии» [там же, с. 155]. 7 августа 1986 г. Секретариат правления СК СССР на очередном собрании активно обсуждал вопросы укрепления внешних связей с зарубежными странами, также предполагавших повышение качества информационно-пропагандистской работы советских делегаций за рубежом [там же, с. 289]. В сентябре этого же года председатель Госкино СССР Ф. Т. Ермаш направляет Президиуму Верховного Совета (ВС) СССР справку «О заключении планово-бюджетных и других постоянных комиссий...», в которой составляются масштабные планы экспортно-импортной деятельности и идеологической работы на ближайшие 4 года (1986—1990) [20, оп. 1, д. 1802, л. 69—71]. В аналогичном ключе были выдержаны оценки кинематографической конъюнктуры и в течение следующих двух лет.

В отчете VI съезда кинематографистов, прошедшего 5—6 июня 1990 г. [16, с. 654], признавалось реальное положение вещей — умирание советской киноотрасли в ее классических, ортодоксальных, институциональных, идейно-организационных формах, что было обусловлено утратой монополии КПСС по контролю над информационным пространством. «Резкая коммерческая переориентация фильмопроизводства и в особенности проката, дальнейшее вытеснение с экрана отечественной продукции, вымывание из репертуара кинопроизведений высоких художественных достоинств, рассчитанных на подготовленную аудиторию, вследствие глубоких негативных деформаций в структуре зрительского спроса» — вот далеко не полный перечень «откровенных признаний» работников кинематографической отрасли, тем самым, фактически, подписавших капитуляцию на кинематографическом фронте «холодной войны» [20, оп. 1, д. 1997, л. 84—99]. 28—29 мая 1991 г. состоялся III пленум совета федерации СК СССР, постановление которого констатировало следующие симптомы: «Засилье в кинопрокате зарубежных коммерческих лент (до 90 % репертуара), вытеснение ими советских игровых фильмов с киноэкранов, в первую очередь — лучших произведений некоммерческого типа; кризисное состояние отечественного неигрового кино, практически лишенного выхода на экраны» [16, с. 713].

Поэтому можно согласиться с позицией А. С. Барсенкова, а также другими авторами [18], которые отмечали, что к 1989 г. все советские уступки «воспринимались на Западе как вынужденное отступление экономически подорванного соперника» [4, с. 89], что сопровождалось «отрицанием ценностей социализма как общественной системы» [там же, с. 87] внутри страны. В среде советской театральнo-кинематографической интеллигенции осмысление этих процессов приводило к особому мироощущению, синкретично-антиномичному эффекту новизны времени, его одновременно и разрушительной, и созидательной силы. Как полагала М. В. Безенкова, «отрицая “наследие коммунистического прошлого”, они (художники-кинематографисты. — К. Ю.) не отрицали принципы пропаганды и агитации советской власти: различного рода прямые и косвенные намеки, аллюзивные пророчества, общую метафизическую направленность фильмов в сторону развенчания многочисленных культов и провозглашения нового времени» [5, с. 53].

Несмотря на сохранение «островков» эфемерной ортодоксальности, общей тенденцией на медиапространстве становилась *планомерная американизация*, ментально-культурное раскрепощение, приведшее к дискредитации и опровержению правомерности и эффективности советских идеологических фильтров. «Переориентация государства на капиталистический лад, зарождающееся подражание Западу, — констатировал Н. Э. Шишкин, — влекли за собой смену нравственных приоритетов. В западной кинопродукции уже не различался призрак антисоветской угрозы» [27, с. 48—49]. Актер Д. Вивер так прокомментировал идейный климат в кинематографии: «До сих пор наше общение средствами кино строилось на лжи. Мне кажется, что и американцы русских, и русские американцев изображают в фильмах одномерно. Важно превратить эти схемы в живых людей, которых можно любить, которым можно сопереживать» [3, с. 135]. «Переход к геополитической парадигме перестройки, — отмечал Д. Г. Смирнов, — спровоцировал открытие семиотических границ, превратив, одновременно, артефакты культуры в товар, на который в изголодавшемся советском обществе, оказался колоссальный спрос. Мода (аналог голода) “усыпила” инстинкт интеллектуального самосохранения, позволив распространиться парадигме “американской мечты”» [22, с. 77]. Е. Стишова иронизировала: «Еще недавно картина о молодецких подвигах следователей ФБР могла быть истолкована как образец пропагандистской продукции, как талантливо упакованная идеологема, прославляющая американскую демократию. Но перестройка с ее драматическими национальными проблемами, похоже, перенастроила наш глаз. Настолько, что фильм Алана Паркера временами воспринимается как универсальный текст, в котором прочитываются и наши собственные ситуации. Шабаш куклуксклановцев — да это же митинг “Памяти”! А вот персонаж — ну до чего похож на разъяренного русофила на процессе Шеховцова против Адамовича! Да и морально-этическая коллизия “Миссисипи в огне” сегодня, быть может, актуальней для нас, чем для самих американцев» [25, с. 124].

В июне 1986 г. на волне решений V съезда Союз кинематографистов подверг жесткой критике деятельность подчиненного Госкино журнала «Искусство кино», которая явно была направлена на разоблачение «нерационального» институционального дуализма и примата Госкино в руководстве периодическим изданием. «Вместо делового, активного подхода к проблемам кинематографического процесса с его реальными сложностями журнал воссоздает на своих страницах искусственно оптимистическую, благодушную картину. Являясь одновременно органом Госкино СССР и Союза кинематографистов СССР, журнал фактически отражает мнение кинокомитета, его оценки, неумеренно восхваляет произведения “неприкасаемых”, недоступных для серьезной критики киномастеров. <...>. Борьба идей на мировом экране получает лишь спорадическое, большей части “кампанейское отражение”» [16, с. 271].

В результате, через месяц, в июле 1986 г. Ф. Т. Ермаш и первый секретарь правления СК СССР кинорежиссер Э. Г. Климов направили в ЦК КПСС совместное ходатайство о передаче журнала «Искусство кино» из подчинения Госкино СССР в ведение СК СССР [20, оп. 1, д. 1803, л. 75—76]. Все это воспринималось руководителем кинокомитета как крайне деструктивные изменения. «Они (члены СК. — К. Ю.) меня спрашивали, — вспоминал Ермаш, — как думаете перестраиваться? Я спрашивал: в чем перестраиваться, в чем? Что, в Америке по-другому кино снимают? Там у них та же камера стоит, та же пленка печатается... Ну, хорошо, цензура мешает — отмените цензуру.



Это проще всего, это и сделали сразу. Но им потребовались какие-то кардинальные изменения... А я в то время думал только о том, чтобы они успокоились немножко и занялись делом. Но они решили управлять всем сами. Вот, придумали эту дурацкую схему общественно-государственного кинематографа. Я у всех спрашивал, что это такое? Общественность должна руководить государственной отраслью что ли?» [16, с. 270].

Все более выходявшаяся из-под контроля стихийная «демократизация» и разрушение сложившихся административно-институциональных схем, утрата авторитета Госкино перед «коллективным самоуправлением» сопровождалась глубинными кризисными явлениями и сбоями регулятивных механизмов и в других структурах. В июле 1986 г. Комитет народного контроля СССР в ходе проверки функционирования в/о «Союзэкспортфильм» выявил существенные недостатки в коммерческой деятельности организации, экспортные операции за 1984—1985 гг. были признаны полностью убыточными. Также были «вскрыты» факты нарушения финансовой дисциплины, номенклатурного «самоснабжения» [20, оп. 1, д. 1803, л. 75—76]. Еще в начале года, 18 февраля 1986 г., вышел приказ Госкино СССР «О совершенствовании подготовки отчетов о заграничных командировках и работы с ними в системе Госкино СССР», направленный на противодействие деидеологизации и нарушение режима информационной сегрегации, секретности, поскольку требования по повышению «политической бдительности», зондажа обстановки в «буржуазных странах» уже не только не поддерживались на прежнем уровне, но даже откровенно игнорировались. Как отмечалось в приказе, «в ряде отчетов скупно сообщается о ситуациях в кинематографиях стран командирования, не выявляются тенденции их развития. <...>. В нарушение установленного порядка, предписывающего сдавать отчеты только в Управление внешних сношений, командированные за рубежом ксерографируют их и рассылают адресатам по своему усмотрению, что связано с риском утечки информации, широкая огласка которой нецелесообразна» [там же, д. 1832, л. 12—13].

Поэтому, очевидно, осознав бессмысленность дальнейшего противодействия далеко зашедшим деструктивным процессам, после «студенческих революций» во ВГИКе, а также выхода на экраны еще целого ряда ранее запрещенных фильмов, отсутствия уверенности, что «наши ленты окажутся конкурентоспособными в американских условиях» [11, с. 123], в конце декабря 1986 г. председатель Госкино СССР Ф. Т. Ермаш ушел со своего поста. В. И. Фомин полагает, что это было сугубо добровольное сложение полномочий [16, с. 339]. В 1988 г. подал в отставку с должности первого секретаря правления СК СССР и Э. Г. Климов, хотя новый председатель Госкино, А. И. Камшалов, «старался соблюдать правила новой игры и работать с секретариатом на паритетных началах» [16, с. 465].

Советское руководство упустило возможность для качественного совершенствования механизмов управления кинематографией и политико-идеологической системы в целом, проигнорировав все, даже весьма объективные и конструктивные суждения, оценки, поступавшие со стороны самих кинодеятелей. 3 января 1979 г. режиссер А. Михалков-Кончаловский направил в ЦК КПСС обстоятельную докладную записку и сопроводительное письмо, посвященные анализу роли кино в «борьбе двух систем» [2, с. 22]. Перечисляя уже известные препятствия для улучшения «холодной» культурной дипломатии в сфере кинематографии, связанные с бюрократической инерцией, ограниченностью ведомственных полномочий, избыточной

«ЦКовской» централизацией при реальном отсутствии координации усилий, Михалков-Кончаловский призывал кардинальным образом изменить стратегические и тактические задачи. По его мнению, следовало перейти к более гибкому и продуманному, подкрепленному научно-социологическими прогнозами, изучением запросов зарубежных зрителей, информационно-идеологическому воздействию на кинематограф, отказавшись от жесткого, прямолинейного «лобового» давления как на страны социалистического «лагеря», так и от фрондирования с капиталистическим медиапространством. «Чтобы успешно бороться с таким соперником, как кинематограф США, — отмечал он, — мы должны проникнуть и на американский рынок, завоевать американского зрителя. Это задача — главная» [там же, с. 25]. И далее: «Мы должны готовить нашего зрителя к столкновению с чуждым для него миром. А для этого надо не прятать от него фильмы, идеологически и эстетически нам чуждые или даже враждебные, а вырабатывать в зрителе иммунитет к этой идеологии» [там же, с. 37].

Помимо этого, А. Михалков-Кончаловский был убежден в необходимости повышения как ведомственного, так и лично-персонального авторитета представляющих советскую кинематографию фигур путем расширения их самостоятельности и поощрения инициативы в налаживании международных кинематографических контактов. «...Для того, чтобы Смоктуновский или Ульянов были признаны актерами мирового класса, они должны сняться не в югославских, не в норвежских, а именно американских фильмах, — писал он, — *поскольку, климат на мировых экранах определяется сейчас, как и прежде, американским кинематографом*» [там же, с. 30]. Указывал он и на другую немаловажную проблему — унижительное материальное положение ведущих советских актеров, из-за которого «у зарубежных специалистов возникает пренебрежительное отношение к нашим киноработникам как к людям низшего сорта» [там же, с. 33].

На волне резонанса от достижений советских кинематографистов и непосредственно успеха вышеупомянутого А. Михалкова-Кончаловского, четырехсерийная мелодрама которого, «Сибириада» (СССР, 1978), была удостоена специального приза («Гран-при») на XXXII международном кинофестивале в Каннах в июне 1979 г., удалось установить коммуникацию с известным американским режиссером Ф. Ф. Копполой. После фестиваля с ним «состоялся обмен мнениями о создании совместного советско-американского фильма, посвященного проблемам разоружения и способствующего разоблачению мифа о “советской угрозе” и укреплению взаимопонимания между народами» [там же, с. 114].

Однако, практического воплощения эти идеи не получили. Подготовка отчасти совместного проекта — мини-сериала «Петр Великий» (США, 1985/86), в котором советская сторона оказывала американской телекомпании «Эй-Би-Си» производственно-творческие услуги в виде предоставления научных и художественных консультантов, была омрачена инцидентами, отраженными в источниках. Советские инстанции — Владимирский обком КПСС, Управление обллита при Владимирском облисполкоме в г. Суздале, Госкино СССР — сообщали о допущенных американской кино съемочной группой нарушениях служебно-профессиональной и политико-дипломатической этики, что выразилось в попытках организовать несанкционированную съемку «фильма о фильме», «насаждать просионистские взгляды среди советских работников», стимулирования недостойного поведения — «отправления религиозных обрядов, пьянок, организуемых американцами» [там же, с. 902, 905].

Поэтому, партийно-государственное руководство продолжило прежний консервативно-экстенсивный курс, связанный с ретрансляцией привычной идеологической патетики, стремлением минимизировать проявления «враждебных взглядов» и творческого сепаратизма со стороны кинематографистов из стран социалистического «лагеря», опираясь на солидарность западноевропейских, в частности, итальянских кинодеятелей [там же, с. 334, 453—454]. При этом материальные и институциональные ресурсы также теряли свою эффективность. Количество копий советских фильмов, предназначенных для зарубежных учреждений, «в результате уменьшения со стороны Госкино СССР установленного для МИД лимита» в 1980 году уменьшилось с 48 до 35 фильмов в год с дальнейшей тенденцией на сокращение на следующий, 1981 год, почти вдвое по сравнению с действовавшими нормами [там же, с. 388—389].

Общим итогом «гласности», «демократизации» как главных элементов перестройки политической системы СССР в 1985—1991 гг. применительно к медиaproстранству стала сначала частичная парализация институционально-политических инструментов и правомочий, а затем и полный демонтаж государственных контролирующих ведомств на фоне тотальной деидеологизации, предопределившей выход советского кинематографа с арены «холодной войны».

#### Список литературы

1. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1973—1978. Документы: в 2 т. Т. 2: 1977—1978. М.: РОССПЭН, 2012. 607 с.
2. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1979—1984. Документы. М.: РОССПЭН, 2019. 998 с.
3. АСК: «Нет преград для сотрудничества» // Искусство кино. 1988. № 9. С. 134—138.
4. Барсенков А. С. Политика перестройки и реформирование советского общества в 1995—1991 гг. // Российская история. 2014. № 6. С. 77—98.
5. Безенкова М. В. Сущностные особенности отражения времени в перестроечном кино // Вестник ВГИК. 2012. № 11. С. 44—54.
6. Белов С. И. Образ «американского врага» в историческом дискурсе советского кинематографа как инструмент информационной войны против США в период «холодной войны» // Информационные войны. 2020. № 2 (54). С. 58—63.
7. Белов С. И. Образ Америки в советском историческом кинематографе периода Холодной войны // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2019. № 35. С. 33—38.
8. Белов С. И., Жидченко А. В. Обращение к теме рабства в США в советском кинематографе периода «холодной войны» // Вопросы истории. 2020. № 7. С. 110—120.
9. Головской В. С. Кинематограф 70-х. Между оттепелью и гласностью. М.: Материк, 2004. 383 с.
10. Ермаш Ф. Киноэкран — зеркало эпохи // Свободная мысль. 2010. № 9. С. 147—162.
11. Карцева Е. «Новая модель кинематографа»: голливудский вариант // Искусство кино. 1988. № 9. С. 116—125.
12. Кинематограф — зеркало или молот? Кинокоммуникация как социокультурная практика / под общ. ред. М. И. Жабского. М.: Канон+ 2010. 535 с.
13. Колесникова А. Г. «Бой после победы»: образ врага в советском игровом кино периода холодной войны. М.: РГГУ, 2015. 230 с.
14. Косинова М. И. Экспортно-импортные отношения советской кинематографии в годы «застоя» // Вестник Университета. (Государственный университет управления). 2016. № 12. С. 213—218.
15. Культурный обмен: 10 лет после Хельсинки. М.: Прогресс, 1985. 183 с.
16. Летопись российского кино. 1981—1991. М.: РООИ «Реабилитация», 2016. 736 с.

17. Материалы Пленума ЦК КПСС 14—15 июня 1983 г. Киев: Политиздат Украины, 1983. 80 с.
18. *Мирский Г.* Гласность погубила Советский Союз // Независимая газета. 1998. 30 янв.
19. Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 г. «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы». М.: Политиздат, 1979. 14 с.
20. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2944. Госкино СССР.
21. *Смирнов Д. Г.* Война образов в символической политике холодной войны: семиологические аспекты // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 2 (19). Философия. С. 60—68.
22. *Смирнов Д. Г.* Культура когнитивной безопасности: семиодинамика образа в символической политике // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Вып. 4 (13). Филология. История. Философия. С. 73—82.
23. *Смирнов Д. Г.* Символический этос международных отношений периода холодной войны в кинематографическом измерении: к постановке проблемы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 1 (20). Филология. История. Философия. 2020. С. 116—128.
24. Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945—1989: коллективная монография / науч. ред. авт. коллектива О. С. Нагорная. М.: ПЭН, 2018. 445 с.
25. *Стишова Е.* Zoo, или Заметки не о кино // Искусство кино. 1989. № 10. С. 116—126.
26. *Федоров А. В.* Отражения: Запад о России / Россия о Западе. Кинообразы стран и людей. М.: Изд-во МОО «Информация для всех», 2017. 389 с.
27. *Шишкин Н. Э.* Журнал «Искусство кино» (1986—1991): реидеологизация через призму зарубежного кинематографа // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2018. № 3 (78). С. 44—49.
28. *Юдин К. А.* Кинематограф в контексте советско-американских отношений накануне и в период «холодной войны» (вторая половина 1920 — начало 1950-х гг.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Вып. 4 (18). История. С. 39—52.
29. *Юдин К. А.* Кинопроизводство в период «холодной войны»: некоторые тенденции российской и зарубежной историографии // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Вып. 3 (12). Филология. История. Философия. С. 47—60.

УДК 111.7  
ББК 87.5  
DOI: 10.46726/Н.2020.4.15

*А. В. Брагин*

## ЦИВИЛИЗАЦИЯ ПОСТМОДЕРНА: МИР ЕСТЬ ВОЙНА?

Статья посвящена перспективе позитивного будущего человечества в состоянии Постсовременности как точки бифуркации развития глобальной цивилизации. Балансирование между Войной и Миром в аспекте ноокосмической эволюции мироздания, позволяет не допустить постчеловеческого будущего только при адекватном осознании происходящих изменений. Такой вектор развития цивилизации, по мнению автора, позволяет оптимально обеспечить опыт прошлого, в частности конфуцианская процедура «исправления имен».

**Ключевые слова:** постсовременность, цивилизация, человек, «исправление имен», война, мир.

*A. V. Bragin*

## THE CIVILIZATION OF POSTMODERN: PEACE IS WAR?

The article is devoted to analysis of the prospect positive future mankind condition of the Postmodern as points to bifurcations of the development to global civilization. Balancing between War and the World in aspect noocosmics evolution of the universe, allows not to allow the post human future only under identical realization occurring change. Such vector of the development to civilizations, in the opinion of author, allows optimum to provide the experience a past, the procedure “corrections of the names”.

**Key words:** postmodern, civilization, man, “corrections of the names”, peace, war.

«Война — это мир  
свобода — это рабство  
незнание — сила»

*Оруэлл Дж. «1984»*

Для того чтобы человечеству осознанно двигаться в будущее необходимо знать: кто мы сегодня, каковы объективные тенденции развития, на что мы можем надеяться в случае пассивного притяжения или активного противодействия. Прodelать такой анализ можно опираясь на разные методологии, однако наиболее конструктивной в достижении данной цели является учение о ноосфере В. И. Вернадского (в его творческом развитии отечественными философами). Автор исходит из того, что характеристика современной глобальной цивилизации, как цивилизации Постмодерна (см.: [12]), является наиболее адекватной, позволяет разобраться в, пожалуй, самой острой на данный момент, проблеме стоящей перед человечеством, проблеме Войны и Мира, увидеть ее в динамике исторического и ноокосмического развития, обозначив наиболее вероятные возможности ближайшего и отдаленного будущего.

Акцент делается на возможности восстановления традиционного (адекватного объективной реальности) понимая базисных понятий в условиях нарастающего ценностного релятивизма, социальной хаотизации и аутизма (даже «конца социального» [1]). Здесь можно констатировать апокалипсическое состояние глобальной человеческой цивилизации на настоящий момент, что лишнее раз подчеркивает и переживаемая ей пандемия, экономический спад и пр.

По поводу анализа специфики общества Постсовременности (осуществляемого как минимум с 80-х гг. XX века) существует много глубоких и интересных работ (анализ которых достаточно полно осуществлен, например в трудах В. Н. Волкова, см.: [5, 6]). Однако для этих работ характерен подход апологии нового, априорно определяемого как позитив (особенно в социокультурной и политической сферах) (см., напр.: [13, 15, 16, 21, 23, 24, 25]). Постсовременность рассматривается большинством авторов как просто очередной этап восходящего развития (от хорошего к лучшему), а вовсе не трагический и переломный момент чреватый катастрофой человеческого мира. Указанный подход несколько компенсируется классическими антиутопиями Замятина, Оруэлла, Хаксли (художественными по форме, но философскими по содержанию) [10, 18, 26]. Здесь, однако, возникает проблема возможности существования конструктивных, неутопичных вариантов развития общества, выхода из точки бифуркации на позитивный маршрут истории человечества.

Для того чтобы человечеству осознанно двигаться в будущее необходимо знать: кто мы сегодня, каковы объективные тенденции развития, на что мы можем надеяться в случае пассивного притяжения или активного противодействия. Провести такой анализ (а значит создать основу для выбора конструктивного варианта выхода из кризиса) можно опираясь на разные методологии, однако наиболее конструктивной в достижении данной цели является учение о ноосфере В. И. Вернадского (в его творческом развитии отечественными философами). Автор исходит из того, что характеристика современной глобальной цивилизации, как цивилизации Постмодерна, является наиболее адекватной, позволяет разобраться в пожалуй самой острой на данный момент проблеме стоящей перед человечеством, проблеме Войны и Мира, увидеть ее в динамике исторического и ноокосмического развития, обозначив наиболее вероятные возможности ближайшего и отдаленного будущего.

При опоре на понимание всех процессов происходящих в истории человечества, как реализации ноосферной космо-социальной тенденции развития мироздания, вполне достижимым является и решение конкретных проблем. К числу таких проблем относится и проблема преодоления кризиса социальной жизни свойственного Постсовременности. Ключом к выявлению такой взвешенной, опирающейся на объективные основания (а потому наиболее адекватной для понимания происходящих процессов), является ноосферная теория.

Исходя из этой теории, констатируем, что границы выбора вариантов социального развития человечества (имеющегося фазового объема возможностей), заданы ноосферным вектором эволюции общества, но это вовсе не означает пассивность людей, т. к. имеющиеся в этих рамках варианты предполагают многое, вплоть до самоуничтожения современного человечества. Данное обстоятельство обуславливает необходимость, если иметь ввиду позитивное для человека как носителя разума развитие событий, сделать выбор человека наиболее осознанным. В аспекте решения этой задачи необходимо, в частности выявить наиболее существенные параметры, обуславливающие

специфику сегодняшнего постсовременного восприятия реальности доминирующего в обществе.

Представляется, что вполне концентрированное определение данной специфики дал А. Г. Дугин. Он, говоря о специфике Постсовременности, справедливо указал, что если в эпоху Модерна в центре мира был Человек (пусть и в состоянии богооставленности), то в нашу эпоху Постмодерна — имитация, симулякр, ризом (см.: [7]). Отсюда и распространение идеологии и парадигмы трансгуманизма, который в своих «научной» и «мистико-религиозной» форме опирается в частности на такие принципы, как «неофилия» (апология нового), технофилия (апология технических новаций) и «про-активный принцип» (апология права человека произвольно менять себя) [19]. В рамках такой идеологии человеку внушается, что он абсолютно свободно может наполнять содержанием любые «имена» (игнорируя их объективную онтологическую обусловленность), даже выбирать свой пол (причем не из заданного природой «ассортимента», а произвольно сконструированного).

Заинтересованной в распространении такой идеологии (либеральной по своему характеру) является, прежде всего, финансовый спекулятивный транснациональный капитал и обслуживающая его интересы часть космополитической интеллектуальной элиты. Подчеркнем, что сегодня именно либеральные силы определяют развитие человечества. При этом жизнь человека и общества, провозглашающего свободу абсолютной ценностью (толерантность ко всему при нетерпимости к иному мировоззрению), все более хаотизируется. Эталоном существования в такой либеральной модели развития становится постоянная территориальная, социокультурная и иная мобильность, аксиологический релятивизм. Существенно, что человека превращают в универсального потребителя, пытаются лишить какой либо опоры, устойчивости еще и через насаждение представление о новом как «безусловно лучшем». Отсюда непрерывная погоня за новыми моделями бытовых вещей (в которые производители еще и заранее сознательно закладывают технологические недостатки, ограничивающие их срок службы). «Инновационная лихорадка» имеет своим выражением и определенные модели (теоретические и практические, охватывающие все более обширные сферы человеческого бытия) — от «перманентной революции» Троцкого, до московской жилищной «реновации» Собянина.

Даже история все более становится объектом «реновации», прошлое, как и будущее все более непредсказуемо! Создаются «министерства Правды» («институты национальной памяти»), занятые конструированием удобной истории, причем осуществляется это не только в информационной и коммуникативной плоскости, но и вполне материальной. Ликвидируются или фальсифицируются исторические и археологические артефакты, от сноса гигантских статуй Будды в афганском Бамиане, до «музейной реконструкции» концлагеря «Саласпилс» в Латвии, сносе памятников советским воинам практически по всей Западной Европе. В подкрепление и закрепление этой тенденции в массовом сознании выпускаются детские игрушки, компьютерные игры и создаются артефакты «дополненной реальности» (нарастает виртуализация жизни, см.: [11]), проводятся учебные тренинги, «научные» конференции, создаются учебные курсы (Сорос выступил здесь первопроходцем).

В сознании человека Постсовременности все находится в причудливом произвольном смещении, отсутствии иерархичности, все зыбко, неустойчиво, фрагменты как в калейдоскопе меняются местами в зависимости от случайности.

И «калейдоскопом» этим безусловно пытаются управлять. В обществе, расколотом по этнокультурному, социально-экономическому, политическому и иным принципам и мир, и война — есть лишь средства решения политических задач, а политика, как известно «*являющейся линией массового поведения, направленного на реализацию, прежде всего групповых интересов (и потому навязываемой обществу через механизмы государственной власти)*» [2, с. 417]. В этих обстоятельствах, те социальные силы, которые способны обеспечивать через основные социальные институты восприятие своих групповых интересов в качестве всеобщих, способны и придавать «именам» (см., определение «имени»: [17, с. 165—166]) произвольные значения, т. е. управлять процессом, который *декларируется* как абсолютно свободный продукт выбора отдельной личности.

Сегодня в этом манипулировании заинтересована финансово-спекулятивная либеральная транснациональная элита. Причем технологии Постсовременности позволяют ей (через средства массовой коммуникации и систему образования) создавать в сознании людей реальность (модели), часто противоположную объективно существующему. Практическое столкновение с объективной реальностью, конечно, корректирует доминирующую в сознании модель, однако и эта корректировка подвергается агрессивному искажению и т. д. Добавим и особо подчеркнем, что человек должен быть готов к восприятию информации, она должна «уместиться» в его сознании, и если оно определенным образом форматировано (уровнем и характером образования, например, или идеологией), то искажение информации неизбежно.

Такому состоянию сознания личности и общества, казалось бы, идеально соответствует (парадоксальное с точки зрения логики Модерна) утверждение Оруэлла из его знаменитой антиутопии «1984» [18] — «Война — это мир; свобода — рабство; незнание — сила!» Здесь следует особо подчеркнуть, что свойственный Постмодернизму отказ от рациональности, имманентно предполагает опору на психологические, нейро-лингвистические и иные технологии манипуляции сознанием. В условиях нарастающей виртуализации социальной жизни (с ее «дополненной реальностью»), критикой идеи рациональности (которая «является сутью современной цивилизации» [20, с. 45]), создается информационный шум. Это шум настолько дезориентирует человека, что тот все более теряет связь с действительностью, даже игнорирует ее, пытаясь решать жизненные проблемы — в том числе проблеме Войны и Мира, исходя их виртуальных иллюзорных обстоятельств, даже собственного произвола (с полным игнорированием логики).

Такой произвол легче всего осуществлять и транслировать на основе наиболее подходящего «человеческого материала». Поэтому, отнюдь не случайным является ставка сторонников либерального выхода из Постсовременности в новое качество социума на молодежь, представителей творческих профессий, цифровой экономики («креаклов»), жителей мегаполисов. Именно эти социальные слои наиболее отзывчивы на либеральные ценности, инновации. Другое дело, что доля молодежи и креаклов в населении планеты имеет тенденцию к сокращению, но это компенсируется маргинализацией и даже люмпенизацией населения (особенно проживающего в мегаполисах, отсюда ставка на переселение туда большинства населения планеты).

Делалась ставка и на постоянную массовую миграцию с периферии «цивилизованного мира», которая не только давала дешевую рабочую силу или компенсировала естественную убыль местного «постсовременного»



населения, но и, безусловно, усиливала социальный хаос. Однако модель «мультикультурализма» (предполагавшая форматирование сознания под требования либеральных ценностей) провалилась, столкнувшись с инерцией этнокультурного менталитета мигрантов. Эти мигранты, как показывает практика, не вливаются в западное общество, а создают устойчивые культурные традиционалистские анклав в ткани глобальной постсовременной цивилизации.

Подчеркнем, что точка сборки восприятия реальности человеком, обществом может полагаться в вечности, а может — в эфемерном преходящем мгновении («отсеке сегодняшнего дня», как иногда говорят). Традиционный уклад жизни тяготеет к устойчивости, целостности и его «точка сборки» вечность, что обеспечивает обычно религия<sup>1</sup>, а вот секуляризованное восприятие жизни (тем более при отказе от рациональности) все более и более сваливается в суетную «сиюминутность». Причем, если в предшествующие эпохи она была этно-культурно определенной (через Традицию), то в условиях Постсовременности она все более и более произвольно-субъективна (даже «игровая», см., например: [9]). Человек в Постсовременности устремляется, пытаясь преодолеть свою социобиологическую природу, в направлении к Постчеловеку (см., например: [25]).

В этом направлении есть объективные препятствия. Можно, в частности констатировать, что сама человеческая природа сопротивляется трансгуманистской либеральной тенденции развития постсовременной глобальной цивилизации. К тому же, технологии манипуляции массовым сознанием обязательно предполагают произвольные манипуляции со смыслом слов (в условиях Постмодерна доминирует убежденность, что такие языковые манипуляции не имеют ограничений). Однако, как справедливо подметил К. Ясперс: «Язык служит выражением бытия. Он порожден бытием и отнюдь не является неким техническим средством» [7, с. 23], точнее будет сказать, что только к техническому средству он не сводится.

Осознание указанных объективных ограничений для конструирования социальной реальности, конечной несостоятельности идеи форматирования человеческого сознания под некий идеал (в частности конечной неудачи реализации, любой модели «нового человека» — марксистской, либеральной<sup>2</sup> или любой иной) неизбежно обуславливает в рамках либеральной концепции нарастание притягательности идеи Постчеловека. Поскольку Человек понимается как «ненадежный» элемент системы, в перспективе предполагается его замена в социальных системах (эволюционирующих от социотехнических к чисто техническим) на более надежный *искусственный* элемент. При этом используются, например, технологии искусственного интеллекта. В плане применения этих технологий уже сегодня становится очевидным, что в «умном доме», «умном городе» или «умной стране», человек представляет собой заведомо «сбойный» и излишний элемент. В рамках «трансгуманистской» парадигмы выясняется, что в пределе и «золотой миллиард» излишний! Добавим, что в таком случае и *Мир* вполне объективно

---

<sup>1</sup> Заметим, что и традиционные конфессии, тоже могут модифицироваться в русле либеральной модели, все дальше отходя от традиции (примером чему католическая церковь).

<sup>2</sup> Кстати, этим обусловлены и утверждения отечественной либеральной общечеловечности по поводу того, что ей «не повезло» с народом. Правящие элиты практически любого конкретного общества имеют схожие претензии к своим согражданам.

(а не в плане произвольной манипуляции содержанием слов) тождественен *Войне*, войне с человеческой природой, более того он означал бы победу [8] над Человеком, и возможностью ноосферного вектора эволюции на данном этапе развития земной биосферы.

*Либеральной* модели развития постсовременной глобальной цивилизации противостоит «охранительская», «удерживающая», *консервативная* модель (новое, как известно — хорошо забытое старое), что вполне естественно, если мы хотим сохранить человеческое в человеке, а значит и ноосферный вектор эволюции человечества. Заинтересованными в реализации консервативной модели являются представители капитала связанного с непосредственным материальным производством (в котором пока нуждается даже самая инновационная цифровая экономика) и обслуживающая его нужды интеллектуальная элита, а массовой опорой население непосредственно занятое в этом производстве. Добавим, что силу сложной социально-политической структуры человечества и борьбой за мировое господство, в постсовременной цивилизации особое место занимают страны «изгой», находящиеся под санкциями и объективно поставленные в условия обеспечивающие нарастание автаркии и консервации традиционных ценностей, устойчивой общественной жизни.

В плане определения средств обеспечения противодействия «постчеловеческой» перспективе в развитии цивилизации, то на мой взгляд, имеет смысл начать с проверенного и доказавшего свою эффективность (свидетельство тому тысячелетнее непрерывное развитие китайской цивилизации) средства — процедуры «исправления имен» (см.: [3, 4]). Периодическую необходимость данной процедуры, для конструктивного развития цивилизации, когда-то усмотрел в древнем Китае Конфуций<sup>3</sup>, и хотя уровень проблемы и предлагаемый вариант решения были конкретно-локальными, однако предложенная Конфуцием технология обладает потенциалом всеобщности и локальности (как в плане понимания ситуации, так и в плане ее практического исправления).

Конечно ситуация значительно более сложная чем та, с которой столкнулся Конфуций в древнем Китае. Тогда был кризис традиционного общества, да еще в специфических условиях древнекитайской цивилизации. Сегодня мы имеем дело с глобальной цивилизацией Постмодерна, которая и качественно, и количественно отлична даже от цивилизации эпохи Модерна, не говоря уж о локальных цивилизациях Древнего Востока.

Однако человек еще остается человеком, а сегодняшние технологии позволяют обеспечить всеохватывающую трансляцию эталонного значения «имен», адекватных конструктивному и подлинно ноосферному развитию человечества. Здесь следует подчеркнуть особое значение личности стоящей у руля современного государства. Если либеральная модель генерируется и транслируется анонимной силой (обозначаемой терминами типа «глубинное государство»), то консервативная модель (по крайней мере при применении процедуры «исправления имен») обязательно предполагает харизматическую личность («благородного мужа» по терминологии Конфуция), выступающего в качестве примера

---

<sup>3</sup> Конфуций отмечал, что если «имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться. Если дела не могут осуществляться, то... наказания не применяются надлежащим образом, народ не знает, как себя вести. Поэтому благородный муж, давая имена должен произносить их правильно, а то, что произносит правильно осуществлять» [14, с. 448].

и камертона должного поведения, реализации адекватного применения имен. Данное обстоятельство связано с пассивностью социальных слоев стоящих за традиционными ценностями, привыкшим на основе тысячелетий следовать живому примеру их применения в человеческой деятельности.

Перспектива у такого развития человеческой истории есть. Свидетельство чему, в частности, приход к власти Трампа<sup>4</sup> в цитадели глобальной цивилизации и витрине либерального мира — США. Его лозунг «Сделать Америку снова Великой» обозначил имеющееся несоответствие «имени» и реальности, фактически обозначив попытку (весьма непоследовательную, плохо продуманную и организационно обеспеченную) осуществления процедуры «исправления имен». Даже его поражение (в силу субъективных и объективных причин) на прошедших в 2020 г выборах, демонстрирует как минимум равенство сил, победа либералов вовсе не абсолютна, непрозрачность выборов и многочисленные нарушения и без того ненадежной устаревшей процедуры, продемонстрировали кризис либеральной модели постсовременного развития.

И здесь возникают принципиальные вопросы, на которые у автора, пока, нет ответов. А в обществе Постмодерна традиционно образованная духовная и управленческая элита («благородные мужи») — есть? Возможно ли сегодня такое «исправление имен» (по Конфуцию), которое восстановило бы адекватное восприятие реальности (в частности в социально-политической сфере), что должны предпринять социальные силы, которые в этом заинтересованы? Какие стимулы, средства, духовые и материальные ресурсы необходимо сегодня задействовать для успеха «исправления имен»? С какого «имени» уместно начать исправление имен в конкретном обществе? Может ли Россия (декларирующая приверженность традиционным ценностям, даже в новой редакции своей Конституции) стать точкой (нуклеусом) с которого начнется процесс оздоровления человечества?

### Список литературы

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. М.: Директ-Медиа, 2009. 115 с.
2. Брагин А. В. Политика и политиканство в жизни социума: философское эссе // Философские проблемы социально-гуманитарного знания. М., 2002. Вып. 2. С. 417.
3. Брагин А. В. Динамическая устойчивость социума: конфуцианская концепция руководства и современная Россия // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2009. Вып. 1. С. 66—68.
4. Брагин А. В. Проблема устойчивого развития социума и конфуцианская концепция управления // Вестник Ивановского государственного университета. Иваново, 2009. Вып. 2. С. 3—7.
5. Волков В. Н. Постмодерн и его основные характеристики // Культурное наследие России. 2014. № 5 (2). С. 3—8.
6. Волков В. Н. Постмодерн и его интерпретации. М.: Издательские решения, 2017. 606 с.
7. Дугин А. Г. Современность как пародия на подлинность (беседа с А. Прохановым. Изборский клуб) URL: <https://www.youtube.com/channel/UCZNKg6NI7mah4i3dE6m0oYw> (дата обращения: 01.09.2020).

<sup>4</sup> Кстати, Трамп пришел к власти фактически под лозунгом исправления имен — он призвал сделать Америку Великой (а это предполагает, что «де факто» она такой быть перестала).

8. *Дугин А. Г.* Русская война, Москва, Алгоритм, 2015. URL: <https://www.libfox.ru/584601-aleksandr-dugin-russkaya-voyna.html> (дата обращения: 01.09.2020).
9. *Завьялова Н. А.* Языковые игры Постмодерна как проявление культурной диффузии // *Дискуссия*. 2015. № 2 (54). Февраль. С. 25—33.
10. *Замятин Е. И.* Мы // *Замятин Е. И.* Избранные произведения. М.: Советская Россия, 1990. С. 15—155.
11. *Иванов Д. В.* Виртуализация общества. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 96 с.
12. *Иноземцев В. Л.* Постмодерн // *Новая философская энциклопедия*. Т. 3. М.: Мысль, 2010. С. 296—297.
13. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
14. *Конфуций.* Беседы и суждения. СПб., 2001. 448 с.
15. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
16. *Несбит Д.* Мегатренды, М.: АСТ: Ермак, 2003. 380 с.
17. *Лосев А. Ф.* Философия имени. М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. 269 с.
18. *Оруэлл Дж.* «1984» и эссе разных лет. М.: Прогресс, 1989. 384 с.
19. После человека. Идеология и пропаганда в современном мире: доклад Экспертной Русской Школы / под рук. В. Щипкова. URL: <http://russian-expert.ru/posle-cheloveka#contents> (дата обращения: 01.09.2020).
20. *Смирнов К. С.* Антропологический кризис в эпоху неототалитаризма // *Вестник Волгоградского государственного ун-та. Сер.7, Философия*. 2008. № 2 (8). С. 45.
21. *Тоффлер Э., Тоффлер Х.* Война и антивоенная: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 412 с.
22. *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 1999. 784 с.
23. *Тоффлер Э.* Футурошок. СПб., 1997. 464 с.
24. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М.: АСТ: АСТ Москва; Полиграфиздат, 2010. 588 с.
25. *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, 2004. 349 с.
26. *Хаксли О.* О дивный новый мир. М. Эксклюзивная классика, 2016. 160 с.
27. *Ясперс К.* Язык [Вместо введения] // *Языки глобального сознания: кол. моногр. / отв. ред. Г. С. Смирнов, Д. Г. Смирнов.* Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. С. 8—29.

УДК 321.0

ББК 66.01

DOI: 10.46726/И.2020.4.16

*Е. Ю. Вавилова, Л. Д. Петряков*

## **КОНТР-ДИСКУРСИВНЫЕ И ПСЕВДО-ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ КАК ПРИЗНАК ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ**

К семейству дискурсивных понятий относят непосредственно дискурс, контр-дискурс или анти-дискурс, псевдо-дискурс. Контр-дискурсы и псевдо-дискурсы хорошо различимы во внутренне- и внешне-политической пропаганде. Контр-дискурсы фиксируют возникшие противоположности, но не дают развиться мысли до диалектического синтеза, преодоления противоречия на базе синтеза, более широкой ценности по отношению к предшествующим. В этом случае в общественном сознании фиксируется противоречие, акцентируется конфликт, а не рефлексия и возможности его разрешения. Псевдо-дискурсы выстраиваются как вспомогательные, их задача — не допустить понимания какого-либо базового противоречия в существующем дискурсе, отвлечь, перенести внимание на иную, малоценную проблему, которая не опасна для функционирования исходного, базового дискурса. В ситуации «холодной войны» происходит обмен контр-дискурсами и псевдо-дискурсами как анти-ценностями.

*Ключевые слова:* Дискурс, контр-дискурс, псевдо-дискурс, война, общество.

*E. Yu. Vavilova, L. D. Petriakov*

## **CONTER-DISCURSIVE AND PSEUDO-DISCURSIVE PRACTICES AS A SIGN OF THE COLD WAR**

The family of discursive concepts includes directly discourse, counter-discourse, or anti-discourse, pseudo-discourse. Counter-discourses and pseudo-discourses are clearly distinguishable in internal and external political propaganda. Counter-discourses fix the opposites that have arisen, but do not allow the thought to develop to a dialectical synthesis, to overcome the contradiction on the basis of synthesis, and to have a broader value in relation to the preceding ones. In this case, the contradiction is fixed in the public consciousness, of its resolution. Pseudo-discourses are built as auxiliary, their task is to prevent the understanding of any basic contradiction in the exciting discourse, to distract from it. Pseudo-discourse shift attention to a low-value problem that is not dangerous for the functioning of the original, basic discourse. In a cold war situation, counter-discourses and pseudo-discourses are exchanged as anti-values.

*Key words:* Discourse, counter-discourse, pseudo-discourse, war, society.

Активными субъектами информационного мира являются дискурсы. Дискурс — коммуникативно-деятельностный феномен, связанный с комплексным воздействием на субъекта социальных норм, в областях речи и поведения. Цель дискурса — формирование сущности человека и социальных сообществ, исходя из набора простых правил. Субъект, попав под влияние дискурса, приобретает дополнительную способность к антиципации, протенции, быстрым автоматическим реакциям в пространстве дискурса; в тоже время становится подчинённым дискурсу, замыкается в его границах, теряет

критическое отношение к нему. Можно сказать, что картина мира, сформированная дискурсом, и есть философия обыденного сознания большинства людей. Но бытие человека — это постоянный диалог с иным субъектом, а существование дискурса есть постоянный спор (война) с другим, непонятым дискурсом. Результатом процесса оказывается трансформация, изменение обоих конфликтующих дискурсов.

Альтернативной коммуникацией, разрешающей проблему онтологического непонимания, выступает война. «Новая философская энциклопедия» определяет войну следующим образом: «*Война: 1) состояние вражды, борьбы с кем-то... 2) организованная вооруженная борьба между государствами...*» [1]. Первый из предложенных вариантов соответствует «холодной войне», второй — активному физическому конфликту. Существование самого феномена войны говорит о необходимости и универсальности человеческой коммуникации, не прекращающейся даже в условиях отсутствия взаимопонимания и фундаментального различия целей. Агрессивная коммуникация рождает универсальный язык войны, в ходе использования которого обе стороны получают «критическую прибавку» значения, трансформирующую их системы ценностей и оценок. Активно отрицаемые оппонентом ценности, в их языковом выражении, трансформируются в новые позитивные объекты языка и картины мира. Они побуждают к позитивному взаимопониманию, не только к необходимой толерантности, но и созданию общего дискурса.

В данном исследовании мы говорим о войне дискурсов как особых идейно-информационных структурах, организующих понимание мира. «Любая современная война имеет дискурсивное начало и развитие (т. е. ее признаки как конституируются, так и выражаются в дискурсах: политическом, новостей СМИ, хозяйственном и во многих других военных дискурсах). Дискурсивные основы любой современной войны представляют собой мощное и эффективное средство достижения информационного, политического, идеологического и экономического господства» [3]. Так дискурсы выполняют ориентирующую и манипулятивную функции — они актуализируют одни темы массовой коммуникации в ущерб другим. Актуальные темы, в свою очередь, дискурсы рассматривают предвзято, «перспективно», защищая интересы отдельных лиц, организаций, занимая определенную позицию по отношению к информации. Ведь за победой того или иного дискурса мы можем найти формулу власти, способ управления, выгоду, имеющую только косвенное, опосредованное множеством факторов отношение к повседневности конкретного человека. Иногда, едва заметное влияние для него самого, или очевидное только для потомков.

В понятии «дискурсивная война» следует выделить:

— войну дискурсов, имеющих различный системообразующий концепт. Это в значительной степени война за миропонимание. Объектом их спора выступает множество людей, разделяющих то или иное мировоззрение. В первую очередь такие дискурсы стремятся к расширению своего влияния. Примером служат религиозный и атеистический, национальный и имперский дискурсы.

— войну интерпретаций исходного дискурса. Наиболее эффективным способом ее осуществления является переинтерпретация, перекодировка знаков прежнего дискурса путем надления их значениями нового дискурса, при сохранении некоторых общих смыслов. Примером чего могут служить разные методики учёта результатов в генетических опытах Н. И. Вавилова и Т. Д. Лысенко,

смертности от COVID-19 ВОЗ и в Москве и т. п. Этот процесс аналогичен трансформации дискурса под влиянием изменения внешних, материальных условий жизни людей и/или их внутренних потребностей, самосознания.

Самой простой стратегией дискурсивной войны является утверждение противоположного и противоречащего — общеизвестному, общепринятому или властному дискурсу. Происходит построение контр-дискурсов (анти-дискурсов) по каждому из аспектов дискурса — оппонента. «Контр-дискурсии — это столкновения дискурсов, использующих противонаправленные (в пределе антагонистические, исключаяющие друг друга) мыслительные установки» [2]. Желательно также, чтобы они составляли замкнутую мировоззренческую систему, внутренне не противоречили друг другу и не приводили к абсурду. Пример такого противостояния — дискурс русских славянофилов и почвенников, основанный на содержательной рефлексии, стремящейся скорее защититься от нового-чужого, а не утвердить нечто новое-свое.

Контр-дискурс говорит о распространении «чужих ценностей» как угрозе «своим». Ценности отдельного человека определяются его образом жизни и тот, кто хочет «привить» сообществу свои ценности, стремится распространить, даже навязать другим людям определенный образ жизни, который он считает правильным или просто удобным для себя. Различие морали и дискурса, также «нагруженного» моралью, состоит в том, что мораль выражает себя прямо, судит и оценивает. Тогда как дискурс, опираясь на избранное противоречие, диалектизирует любую мораль, делает ее средством для решения своей проблемы (к примеру, защиты «национальных интересов» или «противостояния Западу/Востоку»). Дискурс обманывает, лицемерит, выдавая полезное для кого-то и сейчас за абсолютную ценность. Объективность рассуждения исчезает. Контр-дискурс избегает этой позиции, хотя иногда маскируется под нее. Он предпочитает позицию прокурора, обвиняющего другую сторону, либо адвоката, защищающего свою. Проблема рассматривается по принципу — «или так, или ты враг». В этом качестве дискурс предполагает конфликт «своего» и «чужого».

Военный дискурс функционирует по принципу разграничения групп «мы» и «они» (свои-чужие, друзья-враги, социализм-капитализм и др.). При этом создается и поддерживается положительный имидж «мы» и негативный имидж «они». В случае реального военного конфликта субъекты дискурса призываются к активным действиям по ликвидации или подавлению противника, в случае «холодной» войны может быть достаточно игнорирования и отстранения, избегания «чуждых». Также мы можем отметить взаимосвязь стратегий достижения экономических и политических целей со стратегиями противодействия врагу (конкуренту), поскольку выбор первых ограничивает возможный выбор вторых.

Дезинформация как вид оружия в информационной (холодной, гибридной) войне выдаёт себя за информацию, «прячется» за право свободы слова. Поскольку строго разграничить их как «фейк» и «нюс», определить честность и намерение источника проблематично, а опровергать каждый «фейк» — неэффективно. Тем не менее, некоторые орудия пропаганды «попадают в цель», т. е. анти-ценности, воспринятые от противника, становятся частью системы «своих» ценностей и могут трансформировать дискурс в целом, сближая его с оппонентом. Так, ни один социальный дискурс не может быть антигуманным, бесчеловечным. Эффективно споря с оппонентом,

он должен показывать реальные механизмы гуманистических практик. Следовательно, эти механизмы должны быть.

Для избегания размывания исходных ценностей контр-дискурс отрицает возможность установления коммуникации между идентичностями различных дискурсов, оценивая это как предательство, требуя от субъекта верности и последовательности в разворачивании исходного самопонимания: «Мы — справедливые революционеры! Мы — носители истинной религии!» и т. п. Это означает, что такая дискурсивная война не может закончиться нейтральным миром или мультикультурализмом. Контр-дискурсы фиксируют возникшие противоположности, но не дают развиться мысли до диалектического синтеза, преодоления противоречия на базе синтеза, то есть более широкой ценности по отношению к предшествующим. В этом случае в общественном сознании фиксируется противоречие, акцентируется конфликт, а не рефлексия и возможности его разрешения. С позиций глобального гуманизма оппонента следует переубедить, не пытаясь запретить его мысль. Мирное сосуществование разных убеждений и верований возможно только на разных уровнях более сложной системы, имеющей общие для всех цели.

Псевдо-дискурсы выстраиваются как вспомогательные, их задача — не допустить понимания какого-либо базового противоречия в существующем дискурсе, отвлечь, перенести внимание на иную, малоценную проблему, которая не опасна для функционирования исходного, базового дискурса. У нас есть несколько стратегий для закрепления сконструированного смысла: лишить объекты дискурса их значения (представить «пустым понятием», вымыслом), оценить крайне негативно (как «зло»), показать только негативные последствия применения каких-либо идей, снабдить их негативным комментарием («проклятием»), закрепить его в языке дискурса («навешивание ярлыков»). Например, «были разработаны методы построения сложных *политических эвфемизмов* (не просто подмена слов и понятий, а языковые конструкции с точно измеренными эффектами воздействия на массовое сознание). Вследствие этого стало возможным говорить о такой технологии манипуляции сознанием как изменение смысла слов и понятий. Из дискурса прессы исключалась вся лексика с отрицательной коннотацией (война, наступление, оружие массового уничтожения), а вместо нее вводилась нейтральная (конфликт, операция, устройство, умиротворение, наведение порядка). Таким образом, создавалась виртуальная дискурсивная реальность или социальная версия действительности, в контексте которой описываемые события (война) воспринимались аудиторией иным образом, что было выгодно правящим элитам» [3].

Время псевдо-дискурса часто смещено или в прошлое, или в будущее и связано с игнорированием фактов. Поскольку признание актуальных фактов — это признание времени, в котором происходят события, характерные для настоящего (см.: [5, с. 201—203]). Следствием этого является идеологизация знания, опирающаяся не только на предварительный отбор фактов, но и на поддельные, «фейковые» события. Формируемая таким образом культура мышления выражается в поверхностности суждений на основании чтения заголовков, сопровождающихся яркой картинкой. Псевдо-дискурс часто используется как часть манипулятивных технологий социального управления. «Исследование манипулятивных технологий показывает, что общей их чертой является следующая: действия, независимо от целей, осуществляют с помощью обходных, косвенных способов. При этом в сознании социального



объекта эти, навязанные извне, действия выглядят как добровольные» [4, с. 15]. Так передается «повестка дня», создается эмоционально-психологический настрой, который позволяет считывать только наружный слой дискурса, без понимания его сути. Не переработанный информационный поток превращается в привычку не-мышления, у человека вырабатывается навык использования готового ответа при появлении любого вопроса.

Каждый дискурс содержит в себе ограничители разнообразия, выраженные лингвистически. Поэтому, даже выбрав «самый лучший» дискурс, мы обнаружим альтернативу, которую должны доказательно исключить, а также упущенные возможности, которые утрачены в силу определенной организации дискурса, а не потому, что они плохи. Сама тема нового глобального дискурса должна быть иной, открывающей другое проблемное поле, с иными целями и ценностями. Мы можем рассуждать не только о правом и виноватом, добром и злом, но и о том, как сделать человека счастливым. Хотя новый дискурс может вызвать не менее острые противоречия между людьми, чем старый. Каждый этап развития дискурса смещает противоречие (акцентирует иное значение) в поставленной проблеме и детализирует эту проблему, обнаруживая ее решение как возможность переупорядочения элементов, трансформации ситуации. Смещение противоречия — его детализация — переупорядочение его элементов образуют динамический комплекс понятий, объясняющий внутреннее развитие дискурса.

С одной стороны, страны развиваются в конкуренции и сотрудничестве друг с другом, применяя те методы ведения дел, которые считают приемлемыми для себя. С другой стороны, мы видим все возрастающую роль прав человека как абсолютного приоритета и источника легитимности в политике. Человека будущего — свободного, ответственного и рационального. Это будет предельным уровнем дискурса, той реальностью, которую никто не сможет игнорировать и эксплуатировать, противопоставляя ей нечто более ценное.

#### Список литературы

1. Быченков В. М. Война. Новая философская энциклопедия. URL: <http://iphlib.ru/library/collection/neuphilenc.html> (дата обращения: 20.04.2020).
2. Дацюк С. Дискурсивная война между Украиной и Россией. URL: <http://hvylya.net/analytics/society/sergey-datsyuk-diskursivnaya-voyna-mezhdu-ukrainoy-i-rossiey.html> (дата обращения: 09.01.2017).
3. Жуков И. В. Война в дискурсе современной прессы. URL: [http://teneta.rinet.ru/rus/ii/iliazhukov\\_war.html](http://teneta.rinet.ru/rus/ii/iliazhukov_war.html) (дата обращения: 19.01.2020).
4. Манипулятивные технологии в избирательных кампаниях России: в 2 т. Т. 1. М.: Красные ворота, 2003. 400 с.
5. Свирский Я. И. Самоорганизация смыслов (опыт синергетической онтологии). М.: ИФ РАН, 2001. 181 с.

УДК 323/327  
ББК 66.2(0)  
DOI: 10.46726/Н.2020.4.17

*А. С. Тимощук, Н. Н. Трофимова*

## ПАНДЕМИЯ: МИР ПО ОДНУ СТОРОНУ БАРРИКАДЫ

Статья посвящена социальным аспектам противодействия распространения заболевания, которое бросило вызов глобальным экономическим связям, обрушило мировые рынки и подорвало национальные экономики. Авторы рассматривают комплекс мер по противоборству заболеванию. Указанная тема связана с концепцией постсовременного государства, где суверенитет зависит от международных факторов, а также от капиталократии.

**Ключевые слова:** коронавирус, 2019-nCoV, SARS-CoV-2, COVID-19, пандемия, глобальная безопасность, национальная безопасность, государственное управление, чрезвычайное положение, ЧС.

*A. S. Timoschuk, N. N. Trofimova*

## PANDEMIC: WORLD ON ONE SIDE OF THE BARRICADE

The paper is devoted to the social aspects of counteracting the spread of the disease, which challenged global economic relations, brought down global markets and undermined national economies. The authors consider a set of measures to combat the disease. This topic is related to the concept of a post-modern state, where sovereignty depends on international factors, as well as on capitalocracy.

**Key words:** coronavirus, 2019-nCoV, SARS-CoV-2, COVID-19, pandemic, global security, national security, public administration, state of emergency.

3/11/20 войдёт в историю, как и 9/11/11. Также как и после дерзких терактов, уже никогда не будет как прежде. 11 марта 2020 г. ВОЗ объявила пандемию SARS-CoV-2 или такого коронавируса, чей штамм проявил невиданную вирулентность и контагиозность. Летальность коронавируса варьируется от 2 до 6 %, что значительно ниже таких инфекционных заболеваний как испанка (20 %), брюшной тиф и оспа (40 %), чума (50 %), прионная инфекция и столбняк (80 %), сибирская язва и бешенство (100 %). Пугает достаточно длительный инкубационный период. Заболевание может протекать бессимптомно, а носитель всё это время распространяет возбудителей.

Вирус нуждается в носителе для репродукции и после поражения системы начинает использовать клетки для размножения. В одной капле мокроты больного содержится несколько тысяч возбудителей, которые могут оставаться активными на поверхностях предмета и даже в воздухе от 1—2 часов до нескольких дней. Если сравнить вирус с амёбой, отдельные виды которых размером 0,4 мм можно разглядеть под лупой, то коронавирус, размером 70 до 165 нанометров, видим только в электронный микроскоп. Если сравнить амёбу с яблоком, то вирус будет песчинкой. Он имеет сложную генетическую программу, состоящий приблизительно из 29 тысяч нуклеотидов. Набор молекул вируса хорошо упакован и переносит низкие температуры, сохраняя

---

© Тимощук А. С., Трофимова Н. Н., 2020

генетическую программу. При этом он меняет свою оболочку и протеины, что делает вакцину неуниверсальной. Каждый штамм отличается от других, поэтому прививки не дадут полной защиты, скажем, на 10 лет, как от кори или БЦЖ от туберкулёза на 7 лет. Коронавирус быстро мутирует, его штаммы меняются, он обладает высокой способностью к размножению.

Наиболее эффективный способ противодействия распространения вирусной инфекции — обеспечить максимальную дистанцированность от возможных переносчиков. Режим самоизоляции означает, что человек в течение инкубационного периода новой коронавирусной инфекции (14 дней) находится в своей квартире и покидает её только в случае крайней необходимости, в малолюдное время и в маске.

Город Ухань — самый густонаселённый город провинции Хубэй, где проживает более 11 миллиона человек. Ухань называют китайским «Чикаго», поскольку мегаполис считается промышленным, финансовым, торговым, политическим, транспортным, строительным, культурным и образовательным центром срединной части страны. В Ухане расположен крупный рынок морепродуктов, который занимает площадь 5 гектар и где работали тысячи арендаторов. Помимо рыбы и устриц на рынке можно было купить мясо любых азиатских деликатесов: верблюдов, крокодилов, саламандр, коал, сурков, павлинов, дикообразов, панголинов, летучих мышей, виверр, ядовитых крайтов и кобр. На оптовом рынке не самые санитарные условия — живые и освежёванные животные находились рядом. Именно оттуда поступили первые жалобы работников рынка на загадочную болезнь, по симптомам напоминавшую атипичную пневмонию.

Из 27 случаев 7 пациентов находились в критическом состоянии, первый из которых умер 11 января. 23 января 2020 г. Ухань и другие региональные города были закрыты для авиа- и железнодорожного сообщения. Жителям рекомендовано не покидать город без необходимости. В это же время появились заражённые в Южной Корее, Гонконге и Японии, Франции, Австралии, Канаде. 31 января Италия закрывает авиасообщение с Китаем из-за инфицированных туристов из этой страны. На день объявления пандемии 11 марта коронавирус затронул 118 тысяч человек в 114 странах. 13 марта США ввело режим чрезвычайного положения. К концу марта сообщалось о более чем 1,5 тыс. подтверждённых случаев в России, 49 выздоровевших и 8 умерших; общемировые данные на это время: полмиллиона заболевших, и 134 тыс. выздоровевших и 28 тыс. умерших

Данные на 06.11.2020 по России — всего 1,7 чел. переболело выздоровело — 1,3 млн чел., умерло — 29,8 тыс. чел. В мире — всего 48 млн случаев заболевания, выздоровело — 32 млн чел., умерли — 1,24 млн чел.

Массовое производство мыла и дезсредств, проточная вода и канализация, чистая питьевая вода — все эти, казалось бы, обычные и нормальные блага, осуществили гигиеническую революцию, что позволило человеку жить в относительной безопасности последние 200 лет. Существенно упала детская смертность, смерть от инфекционных заболеваний. Бронхо-лёгочная система — это наиболее уязвимое место проникновения патогенов, после того, как человечество победило чуму, брюшной тиф и холеру — социальные болезни антисанитарии городских скоплений.

Большинство крупных эпидемий в современной цивилизации были связаны именно с дыхательной системой, самым незащищённым сегодня органом:

испанка (1918—1919), азиатский грипп (1957), гонконгский грипп (1968), свиной грипп (2009), тяжёлый респираторный синдром (2003).

В борьбе с патогенами, атакующими органы дыхания, информация — самый быстрый, массовый и недорогостоящий способ противодействия распространения заболевания. Как покидать дом, в какое время и какими средствами профилактики пользоваться — это не урегулированный юридически вопрос, он носит характер рекомендаций, транслируемых через СМИ. Большинство самых эффективных и массовых мер и носят увещательный характер: убедить не выходить на улицу, не посещать знакомых, не пользоваться общественным транспортом.

Кто и как будет отслеживать соблюдение ими карантина? На этот вопрос нет однозначного ответа. На Украине обеспокоенные граждане нападали на соотечественников, прибывших из Китая. В Италии соблюдение карантина наблюдают с дронов полицейские.

Информационный ресурс обеспечения гражданской безопасности остаётся основным, поскольку в условиях оптимизации государственных расходов ресурсы рассчитаны на нормальное жизнеобеспечение, а не кризисное. Приезжающие из-за границы должны самоизолироваться дома в течение 14 дней, что является инкубационным периодом для нового вируса, и по большей части власти полагаются на гражданскую ответственность людей, добровольно принимающих эти меры.

Твёрдые принудительные меры, которые принимались в СССР при борьбе с холерой, чёрной оспой, чумой, менингококком, сибирской язвой, вероятно, сегодня не по силам демократии. Когда-то в СССР проектировали дорогостоящие меры гражданской обороны, разрабатывали СНИПы типа «Приёмка в эксплуатацию законченных строительством защитных сооружений и их содержание в мирное время», проводили комплекс мероприятий по их поддержанию.

В условиях рыночной экономики планы мобилизации были пересмотрены, расходы сокращены. В новой концепции исходят из того, что после ядерного удара выжившие в бункерах всё равно не смогут выбраться, поэтому серьёзные дорогостоящие защитные сооружения уже не вводятся. Содержание в активном режиме защитных сооружений гражданской обороны накладно, т. к. периодически нужно менять законсервированные продукты, медикаменты, фильтры, воду, производить плановый технический осмотр. Большое количество укрытий приватизировано. Иные объекты гражданской обороны находятся в оперативном управлении МЧС и сдаются в аренду. Самые ценные стратегические объекты законсервированы.

Если в СССР мощности хватало, чтобы обеспечить до 80 % жителей городов убежищем, то в рыночной экономике экстремальные ситуации не предусматриваются. Ядерное, биологическое оружие не будет применяться, а если и будет, то укрытия не помогут. Реалии сегодняшней экономики заставляют менять концепцию защиты, в которой не предусмотрена общая эвакуация и бункеры спецзащиты для населения. Аналогично этому, в России нет ни финансового, ни экономического потенциала для масштабных медицинских мероприятий противостоянию эпидемии. Решения существуют, но они затратные — больше новых больниц, больше тестов, больше специалистов. Поэтому остаются на вооружении информационные методы — предупредить и объяснить, рассчитывая на самодисциплину.

Человечество стало более дисциплинированным и информационным, кротко принимая вынужденные, но разрушительные для экономики меры изоляции. Впервые за исламскую историю будет отменён Хадж, центрирующая

религиозная практика мусульман, что свидетельствует о рациональном понимании проблемы даже такой темпераментной религией как ислам, где здоровье верующих лидерами Саудовской Аравии ставится сегодня на первое место.

Священный лунный месяц Зуль-хиджа начинается 22 июля. 10 дней несколько миллионов последователей совершают коллективные обязанности одного из пяти столпов веры. Практика памятования, интенционального возвращения к первоистокам веры сопровождается совместными действиями: ритуальный бег, целование и касание Каабы, омовение у колодца Замзама, предстояние у горы Арафат, обход вокруг святынь. Всё это контактные действия, которые могут спровоцировать рост инфицированных.

Одной из мер, показавшей серьёзность угрозы, стало обращение Президента Российской Федерации, анонсированное его пресс-секретарём как срочное. В. В. Путин отменил поездку в Санкт-Петербург, а вместо этого записал видеообращение. Следует расценивать выступление первого лица государства как флагман коммуникативных усилий по сдерживанию угрозы. Президент воздействует своим авторитетом и одновременно повышает его, т. к. откладывает голосование по поправкам в Конституцию РФ, запланированных незадолго до объявления пандемии.

Одновременно с выступлением Президентом РФ был подписан Указ № 206 от 25 марта 2020 г. об объявлении нерабочих дней с 30 марта по 3 апреля 2020 г. Объявление нерабочей недели с сохранением заработной платы оставляет неясным, кто заплатит за антикризисные меры. Трудно представить, как образом предприниматель сможет распустить, допустим, водителей автобусов или автослесарей и гарантировать им заработную плату. Строители, уборщики, токари и т. п. остались на рабочих местах. Видимо, сотрудникам нужно будет написать заявление, выразив желание продолжить работу. Предприятия легального сектора экономики, например, автошколы, работать не будут, чтобы не конфликтовать с муниципальными властями. Некоторые торговые центры сразу после выступления Президента объявляли своим арендаторам, ТЦ продолжает работать, т. к. в противном случае не была бы получена арендная плата. Однако после нажима местных властей собственники вынуждены были закрыть свои объекты. В теневом секторе как работали, так и будут работать. Так как в условиях роста прекариата, мало кому хочется ссориться с работодателем, а последнему никак не хочется терять доходы.

Второе выступление Президента 2 апреля 2020 г. вызвало критические комментарии, прежде всего, за отсутствие ответа на вопрос, что делать тем, кто потерял работу и не имеет больше дохода? Ведь если человек не был оформлен официально, то он не может рассчитывать на помощь государства. Порядка трети трудоспособного населения России получают серый доход, а это значит, что для государства такой субъект как работник не существует. В условиях отсутствия доходов население ждёт роста преступности. Это видно по рассылкам в мессенджерах, в которых предупреждают, что «Криминальная обстановка усугубляется... закрываются стройки и бывшие рабочие (практически все гости страны) начинают искать денег и чего пожрать... вам могут попытаться дать по башке за пакет с едой... у гипермаркетов стали появляться “экипажи наблюдения” в виде 3-4 гостей на каршеринге... будьте особенно внимательны в своих дворах и в подъездах... большая часть нападений происходит именно там... Если дома есть травматическое огнестрельное оружие, держите его в быстром доступе... любые средства самозащиты... Обидно будет, все в больнице с коронавирусом а вы с заточкой в боку».

Оплачиваемые вынужденные отпуска в сфере частной занятости, — это популистская мера, которая хорошо звучит в эфире, но плохо отражается на бизнес-климате. Если полностью обеспечивать оплачиваемый отпуск, то нужно менять обязательство работодателя сохранять рабочие места за дотации на работников. Пока Минтруд заявляет, что снижать зарплату за нерабочие дни в марте-апреле недопустимо, предприниматели режут издержки: сокращают оплату и персонал.

Всё, что не приносит прибыли пойдёт под нож: ивенты, пифы, пиар, консалтинг, девелопмент. Кого-то отправят в отпуск за свой счет. Даже вузы и школы, распустившие постоянный и переменный состав, заплатят меньше сотрудникам, т. к. планы не будут выполнены, а показатели — не достигнуты. Переменная часть вознаграждения (премии, стимулирующие) будет свёрнута. Поскольку у малого бизнеса нет подушки безопасности, он ждёт существенной помощи, а не полумер.

Экономическая часть выступления Президента РФ походит на создание успокоительной коммуникативной завесы. Коммуникативный характер мер вызван самим свойством гибридного государства: зависимого и суверенного, богатого и бедного, авторитарного и демократического, сильного и слабого. Гибридизация — это форма сохранения устойчивости в ситуации полифуркации, поливариантности, многофакторности. В этом смысле В. В. Путин — это борец дзюдо, мастер противоположностей, покоритель партнёров, гибкий представитель «вежливых людей» в гибридном государстве, где всё решают процессы, а не принципы и идеология.

Полумеры — это тот же борцовский стиль мягкой силы. В случае введения жёсткого карантина критики было бы не меньше. Реализация мер, предусмотренных Федеральным конституционным законом № 3-ФКЗ от 30 мая 2001 года «О чрезвычайном положении» — это не только запрет выборов, референдумов, массовых мероприятий, ограничение свободы передвижения, ограничение экономической деятельности, что и так уже происходит; режим ЧП — это введение карточной системы распределения товаров первой необходимости, мобилизация гражданского населения. Такой крайний сценарий будет означать возврат к мобилизационной экономике военного образца. Правительство исходит из оптимистического прогноза, что Россия может этого избежать и поэтому применяет отдельные меры чрезвычайной ситуации, но воздействуя через СМИ, местные администрации и МВД. При ЧС власти должны взять на себя поддержку предпринимательства и нести за счёт бюджета оплату всех налогов и сборов. Сдержанная финансовая помощь уже показала, что триллионный фонд национального благосостояния трогать не хотят.

В условиях падения мировых цен на нефть, российские потребители ожидают снижения отечественных цен на бензин, что было бы арифметически обоснованным. Однако это противоречит вертикальным выстроенным пищевым цепочкам, что приводит к другой политэкономической логике: при внешнем удешевлении, на внутреннем рынке нефтепродукты дорожают.

Объёмы выплат в выступлении Президента (размер больничного не менее одного МРОТ в месяц), подверглись критике экспертами, которые сравнили их с триллионными резервами Минфина и Центробанка, а также с помощью в других странах. Совокупные объёмы антикризисных мер в США оцениваются в 3 трлн долларов, 0,7 трлн евро в Германия и 0,4 трлн евро во Франции.

Антиномичность ситуации с коронавирусом просматривается в паранепротиворечивой логике повседневности: «вирусы не являются живыми,

но они сохраняют свою жизнеспособность до нескольких дней, а потом умирают», «вирус очень опасный, но летальность у него низкая», «вирус сохраняется только на поверхностях, распространяется и по воздуху», «вирус не выносит влажности, однако передаётся с каплями воды и в сухом воздухе разрушается быстрее», «вирус живёт на металлических и пластиковых поверхностях 2, 3, 6, 8 часов, несколько дней», «открытых водоемах вирус не выживет, так как не любит прямых солнечных лучей», «симптомы болезни хорошо описаны, однако очень многие переносят и распространяют вирус без симптомов», «дети не подвержены вирусу, но они в зоне опасности», «для лечения нужны ИВЛ, но они не помогают», «срочно нужна вакцина, однако вирус быстро мутирует», «у вирусы нет потребности в мутации, но уже найдены разные штаммы», «правительство окажет существенные меры поддержки населения, прежде всего, банкам, ритейлерам и букмекерским конторам», «социальные выплаты в связи с карантином положены, но их не получают», «режим ЧС не вводится, но чрезвычайные меры проводятся», «штрафы не легитимны никак законно не обоснованы, но их выписывают», «цифровые пропуска очень эффективны, их получили миллионы граждан, но сайт mos.ru перегружен от запросов, автоответчик перенаправляет на mos.ru, а смс регистрация даёт сбой», «Путин обещал денег, но получить их нельзя».

Антномичность коронавирусного дискурса, с одной стороны, это ещё одно доказательство диалектической природы бытия, сотканного из противоречий. Вдобавок она усиливается в силу дополнительных факторов: 1) противоречия составляют суть кризисной коммуникации, когда генерируется множество идей выхода из ситуации, 2) информационное общество означает множество спикеров и лидеров мнений, которые вступают в конкуренцию за доминирование и диффузию своих дискурсов, 3) в мутной воде хорошо циркулируют слухи, утечки, вбросы, «мнения главврача из закрытого госпиталя» и т. п.

Понятно, что вирусы малоизучены, что существуют разные подходы к их исследованию, однако неопределённость проецируется и на социальные высказывания, где, казалось бы, мы имеем дело с привычными ожиданиями и ситуациями. «Карантин не является каникулами, Ученики обязаны выполнять задания дистанционно, но если они у них нет» «Итоговые оценки за год будут выставляться на основании результатов 1, 2 и 3 четвертей, при этом результаты дистанционного обучения также будут учитываться», «школьные занятия завершатся 15 мая, 18 мая, до 20 мая».

Массовое общество никогда не может быть в безопасности. Эпидемии — это один вызовов повседневности, когда необходимы быстрые, решительные организационные усилия и которые могут значительно нарушать привычное течение жизни, что актуализирует концепцию права в чрезвычайных обстоятельствах. Не только премьер-министр Венгрии, Виктор Орбан, которого прозвали за суровые карантинные меры вирусным диктатором, применяют широкие властные полномочия. Ограничительные меры в области политической деятельности были приняты в Австралии, Италии, Польше, США, Франции.

Россия хорошо знакома с революционным правом и военным правом, развитие цивилизации выдвигает на повестку дня новую отрасль — карантинное право, когда в ускоренном режиме принимаются законы против паники и диссеминации вируса. Речь идёт об изменениях в КоАП РФ и УК РФ, которые касаются нарушения санитарно-эпидемиологических правил и распространения недостоверной информации [1].

Сегодня наступил кризис стихийной истории и кризис стихийных регуляторов общества. Проблема управляемости человечества — ведущая научная проблема. В условиях невидимой биологической угрозы социальное дистанцирование, личная гигиена и самоизоляция остаются самыми доступными средствами в обществе с высокими стандартами управляемости.

Сложные ситуации требуют гражданской ответственности, самоорганизации и гибкости в принятии решений. Уже во втором своём обращении к россиянам 2 апреля 2020 г. В. В. Путин, учитывая, в разных регионах и муниципалитетах обстановка неоднородна, санкционировал точечное применение мер безопасности в тех регионах, где нет критичной ситуации с распространением инфекции. Мэр Саянска О. В. Боровских разрешил работу обслуживающих предприятий в асептическом режиме с 6 по 30 апреля, но при этом запретил поездки горожан в Иркутск и не принимает в Саянск жителей, вернувшихся из Таиланда и Вьетнама.

Карантинные меры — это вынужденные, но жизненно необходимые меры, когда небольшая толика профилактики оказывается дороже дорогостоящих мер медицинского реагирования.

Условия карантинного права должны позволять быстро налаживать производство масок, респираторов, дезсредств, ИВЛ, без лишней бюрократической волокиты и применением ускоренного лицензирования.

Коронавирус актуализирует проблемы международного права и глобального управления. Вирус показал, как хрупка управляемость мира, как легко его подвести на грань новой депрессии. Всегда есть те, кто верит в абсолютную юстициабельность социальных процессов, что любое социально-экономическое действие можно рассмотреть в суде и взыскать убытки. Например, заставить Китай платить за непредоставление информации о коронавирусе. Якобы случаи атипичной пневмонии начались уже в декабре 2019 г. в Италии, когда ещё эпидемия не была объявлена в Ухани.

Другое обвинение Китая касается косвенного создания условий по мутации вируса. Азиатские привычки есть всё подряд уже давно раздражали европейцев. Есть всё, что движется, нельзя, об этом твердили и мировые религии. В иудаизме и исламе выделяют чистых животных, которых можно употреблять в пищу, остальные под запретом. В христианстве, следуя за авраамической традицией, сложилась практика употребления в пищу определённых видов одомашненных животных. Индуизм, буддизм и джайнизм, учитывая тропический и субэкваториальный климат, а также неэтичность плотояства, вообще запрещали всякое мясо. В Китае всё, что ходит спиной к небу — годится для употребления. Змеи, гусеницы, летучие мыши, сырое мясо осла, мозги мартышек; черепахи, сваренные живыми; голые детёныши мышей, живые креветки; беременные овцы, зажаренные живьём; эмбрионы в яйце, тутовые шелкопряды, морские ежи, гениталии барана, яички петуха, птичьи гнёзда, жареные скорпионы, морские коньки, воробьи, лягушки, крысы — стоит ли удивляться, что такая кухня не только не этична и не эстетична, но и может стать передатчиком вирусов из дикой природы в среду обитания человека.

Нельзя сказать, что все китайцы любят готовить с особой жестокостью или, что перечисленные блюда составляют основной рацион. Эти бесчеловечные блюда странным образом сочетаются с идеалом долголетия, главной целью китайской медицины, которая, следуя анимистической традиции, верит, что в птичьих когтях, пенисе барана и зародышах содержится жизненная сила. Такая убойная продукция не только не эстетична, но таит опасность



паразитарной микрофауны. Китай стал очагом нескольких энзоотий и эпизоотий: птичий грипп, азиатский грипп, гонконгский грипп, атипичная пневмония (SARS), коронавирус. Существует гипотеза, что испанка тоже началась в Китае, а затем уже появилась в США и Европе.

Энвайроменталисты призывают Китай закрыть рынки диких животных. Австралийский философ-биоэтик Питер Сингер возвращается к самому началу эпидемии и размышляет над ее первопричиной. Он также обращает внимание на то, что коронавирусная инфекция, так же как атипичная пневмония SARS (ТОРС), распространившаяся в 2003 году, началась на рынках забоя летучих мышей. Подобные открытые базары — это апогей антисанитарии и дегуманизации. Животные не только содержатся в ужасных условиях, их свежуют при покупателе, а субпродукты убоя не отвозятся на ветсанутильзаводы и создают благоприятную среду для мутации вирусов в боенских биоотходах, носителями которых являются животные [2].

У международного сообщества нет возможности сделать кейс коронавирусным юстициабельным и наказать Китай за бездействие. Цивилизованная страна, известная эффективным управлением, проявляет безразличие к теме негуманного содержания животных, нарушений санитарных норм при убое и свеживании диких видов на птичьих рынках, за отсутствие разъяснительной работы о недопустимости употребления в пищу экзотических животных.

В этой связи актуализируется международное право, обращение ключевых СМИ к Китаю с целью убедить запретить практику убоя и свеживания диких животных для потребления [3]. Анимистические верования в силу съеденной черепахи, панголина, летучей мыши плохо сочетаются с образом древней рациональной цивилизации. СПИД и Эбола перешли, по одной из версий, в обезьян и затем распространились среди людей. Атипичная пневмония и коронавирус — это результат употребления того, что давно уже было выбраковано в процессе эволюции. Не случайно во всех мировых религиях осуждается мясоедение совсем или оно ограничено только забоем «чистых» животных. Рынок мяса диких животных — это свидетельство благосостояния Китая, отдельные потребители которого ценят посещение ресторанов диких животных. Птичий грипп, ТОРС, коронавирус наглядно демонстрируют, что человечеству нужно быть избирательными в том, что мы едим и как мы относимся к животным.

### **Выводы**

Угроза коронавируса обозначила силу и слабость социальных институтов. Положительный вывод таков, что мир стал свободным и глобальным. 20 лет назад народы сплотила борьба с терроризмом, сегодня мы должны стать ещё более едиными, встав в одну линию по борьбе с тайной вирусной угрозой. Надеюсь, что переболевшее человечество действительно изменится и сплотится вокруг глобальных угроз, забыв про санкции и войны.

Негативные тенденции заключается в ослаблении политического института государства. Наблюдаемые меры позволяют наблюдать воплощение концепции постсовременного государства как института с ограниченной ответственностью, антикризисное существование которого чревато разделением доли ответственности и рисков среди тех, кому не принадлежат доли в уставном капитале.

COVID-19 вскрыл глобальные и национальные экономические угрозы, прежде всего, прекаризацию занятости. Временные работники, частично занятые, самозанятые, работа по вызову, аутстаффинг, лизинг персонала — такова глобальная трудовая реальность. Прекаризация возвращает на повестку вопрос об избыточном населении, перенасыщении рынка труда высококвалифицированными специалистами, девальвации образования.

Ещё Ортега-и-Гассет удивился становящейся эпохе человека-массы, которого испанский философ характеризовал как невежественного, неблагодарного. Поправим мыслителя столетней давности: современный человек-масса, в общем-то, дисциплинирован, трудолюбив, умён, быстро обучаем, но без связи и малооплачиваем, т. е. прекариат. Человек-муравей, китайский йи-цу, молодой специалист с маленьким доходом, живущий в коммуналке, с невостребованными навыками (*overskilling*). Прекариат — это ограниченные трудовые права, минимум социальных гарантий, нестабильный доход.

Коронавирус вскрыл недостатки оптимизированной системы здравоохранения. Чтобы достичь качественного прорыва в борьбе с COVID-19, нужны колоссальные затраты, которые перечёркивают программу оптимизации медицинской помощи. Нужны новые колоссальные траты на подготовку медицинского персонала, усиление тестирования, создание вакцины, увеличение количества больниц. Коронавирус актуализирует социальный дарвинизм — выживают те, кто мог купить ИВЛ. Вирус убивает больных, пожилых и бедных. Это новая социальная болезнь, на радикальное искоренение которой нет свободных ресурсов, ибо созданная вакцина не защитит от мутирующих новых штаммов.

Когда мы учились в школе, выделяли четыре царства — животные, растения, грибы, бактерии. Вирусы «победили» и теперь их включили в пятое царство, с которым человечеству приходится считаться. Положительным следует признать глобальное единство перед угрозой, которое практически не прерывается войнами и другими конфликтами. Надеемся, что в условиях мировой опасности, государства встанут на путь невоенного урегулирования и отмены взаимных санкций.

#### *Список литературы*

1. Федеральный закон от 01.04.2020 № 99-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»; № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
2. The two dark sides of COVID-19. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2020/03/04/commentary/world-commentary/two-dark-sides-covid-19/#.XqF8TbhAM8I> (дата обращения: 22.04.2020).
3. Calls for global ban on wild animal markets amid coronavirus outbreak. URL: <https://www.theguardian.com/science/2020/jan/24/calls-for-global-ban-wild-animal-markets-amid-coronavirus-outbreak> (дата обращения: 22.04.2020).

УДК 81'42

ББК 81.055.1

DOI: 10.46726/И.2020.4.18

*Н. Н. Летина, Ю. М. Тряскова***ВОЕННЫЙ ТЕКСТ ПРОДУКТА СОВРЕМЕННОЙ  
МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ****(На примере анимационного сериала «Гравити Фолз»)**

В статье представлены результаты анализа реализации военного текста в репрезентативном продукте современной массовой культуры — анимационном сериале «Гравити Фолз». Определены основные виды актуализации феномена войны, а именно военные столкновения, конфликты, гражданская война, информационная война, война систем. Выявлены ключевые уровни реализации военного текста в сериале — от внешнего до внутреннего; от художественной детали до основания концепции. Систематизированы эстетические, культурные, духовно-нравственные смыслы его реализации.

**Ключевые слова:** военный текст, массовая культура, молодежь, современность, анимационный сериал, «Гравити Фолз».

*N. N. Letina, Ju. M. Tryaskova***MILITARY TEXT AS THE PRODUCT  
OF THE MODERN MASS CULTURE****(On the example of the «Gravity Falls» animation)**

The article presents the results of the analysis of the implementation of the war text in a representative product of modern popular culture — the animated series “Gravity Falls”. The main types of actualization of the phenomenon of war identified the war clashes, conflicts, civil war, information war, war between systems. The main levels of the objectification of the war text in the series — from external to internal; from the detail to the foundation of the concept. The aesthetic, cultural, moral meanings of its implementation are systematized in this article.

**Key words:** The war text, the popular culture, the youth, the modernity, animated series, “Gravity Falls”.

Позиционирование концепта войны в качестве одного из фундаментальных оснований социального бытия и культурных практик своим истоком имеет размышления древнегреческого философа Гераклита. Гераклит утверждал, что противоположности существуют в единстве и вечной борьбе, они тесно взаимодействуют друг с другом, приводят мир в постоянное движение, заставляют его меняться. А изменение, согласно Гераклиту, есть необходимое условие существования бытия. «Должно знать, что война общепринята, что вражда — обычный порядок вещей и что все возникает через вражду» [5, с. 46]. Война и любые её формы имеют прямое отношение к рождению, возникновению, началу самой жизни, они ведут к вечным изменениям, к вечному развитию человека и цивилизации.

Война — один из вечных феноменов человеческого опыта и вечных тем науки, культуры, искусства. В наше время военная образность стала

особенно популярна как тенденция контента массовой культуры, активно задействующей тему войны в своих продуктах. Перечень сериалов, фильмов, книг, предназначенных для массовой аудитории и позиционирующий войну в положительном аксиологическом ареоле качества весьма широк. Приведем в качестве репрезентативных примеров анимационные сериалы «Стар против сил зла» (2015—2019, режиссер А. Хеммерсли) и «Леди Баг и Супер Кот» (2015 и по настоящее время, режиссер Т. Аструк), трилогии «Голодные игры» (2008—2010, С. Коллинз) и «Дивергент» (2011—2013, В. Рот), мини-сериал «Война и мир» (2016, режиссер Т. Харпер), цикл фильмов «Мстители» (2012—2019, режиссеры Дж. Уидон, Э. Руссо, Д. Руссо), сериал «Игра престолов» (2011—2019, режиссеры Н. Маршал, Д. Бениофф, А. Тейлор и др.), фильм «Гордость и предубеждение и зомби» (2016, режиссер Б. Стирс). Война предстает и как фон, и как двигатель сюжета, иногда — источник прогрессивных изменений, очень часто — динамики образов главных героев. Нередко военная тема присутствует в произведениях массовой культуры, предназначенных для детской и подростковой аудитории. Особенно популярна военная тема в продуктах, созданных для сегмента подростковой и молодежной культуры, целевая аудитория которой — имманентный носитель бунта как качества сознания и поведения. Репрезентативный формат военного текста массовой культуры дает и анимация, в частности, в жанре анимационного сериала. Обратимся к выявлению и анализу военного текста остроактуального анимационного сериала «Гравити Фолз» (США, 2012—2016, режиссер и сценарист А. Хирш).

Военные ситуации и действия различного масштаба являются неотъемлемой частью существования, в том числе — повседневного, системы персонажей в целом и особенно главных героев, близнецов Диппера и Мейбл Пайнс в «Гравити Фолз». Они оказываются втянутыми в них буквально в каждом эпизоде в хронике сериала, обычно равном дню или суткам пребывания главных героев в городе.

Война в сериале реализуется в многообразии функций — от элемента сюжета или конкретного импульса для проявления и личностного развития персонажей до характеристики состояния художественного мира Гравити. При этом феномен войны раскрывается и в многообразии ее форм и видов, разнообразных по своему масштабу и характеру, начиная от мелких военных инцидентов до глобальной системной войны. Обратимся к их выявлению и анализу.

По масштабу все военные действия в Гравити Фолз можно разделить на следующие виды: военный инцидент, военный конфликт и непосредственно сама война.

Из всех видов войны наиболее полно изображена информационная война и война с системой. В некоторых эпизодах присутствуют элементы таких видов войн, как гражданская и национально-освободительная.

В своем труде «О войне» прусский военачальник Карл Фон Клаузевиц назвал войну «продолжением политики другими средствами» [3]. Действительно, рассматривая городок Гравити Фолз как отдельно взятое государство в художественном универсуме сериала, мы фиксируем, что на его территории проживают два бытийно, сущностно по своей природе противопоставленных сообщества — люди и используя лексику сериала, «монстры», в начале сериала в социальном универсуме доминируют люди. Каждое из этих сообществ представляет собой многонациональный народ, выражая модель общества мультикультурализма в двух планах — человеческом и ином, репрезентирующем карнавал мифических, фантастических, фэнтезийных существ, как широко

известных в культуре, так и созданных в сериале. Подчеркнем: оба эти сообщества знают о существовании друг друга и сосуществуют на массовом уровне как латентные антагонисты. В силу данных обстоятельств между ними часто возникают разногласия, которые не удается решить мирным путем. Исход в универсуме сериала только один — открытые вооруженные столкновения. Именно война, можно сказать, составляет сюжетную канву каждой серии, в сериале отсутствуют эпизоды, сюжеты которых не основывались бы на войне главных героев с монстрами, реже — с другими жителями Гравити Фолз.

Военные инцидент и конфликт являются наиболее часто демонстрируемыми явлениями в сериале, главные герои — близнецы Диппер и Мейбл буквально «живут» этими видами войны на протяжении практически всего лета, очерчивающего хронику их пребывания в локации Гравити Фолз.

**Военный инцидент**, по сравнению с военным конфликтом, составляет большую часть всех кратковременных военных столкновений, что когда либо происходили в сериале. Под военным инцидентом на территории Гравити Фолз мы понимаем случайное столкновение главных героев, Диппера и Мейбл Пайнс со сверхъестественными существами или другими жителями, населяющими город.

Показательным вариантом военного инцидента является короткий бой Мейбл и Диппера с монстром Гремоблином, которого мальчик принес в дом в качестве экспоната в серии «Босс Мейбл». Существо вырывается из своей камеры и, следуя своему инстинкту, громит все вокруг. Осознавая свою физическую слабость, Диппер ищет интеллектуальную подсказку в местной сакральной книге — дневнике Форда, но не успевает и Гремоблин захватывает Мейбл. Ситуацию спасает догадка, интуитивное озарение Диппера. Так, физически сильное сверхъестественное существо было побеждено двенадцатилетним мальчиком с помощью синтеза отчаяния, хитрости, интеллекта и интуиции. В целом, мотив победы разума над физической силой очень часто будет проявляться в боях близнецов с различными существами.

**Вооруженный конфликт** — также часто проявляющийся в сериале кратковременный вид столкновения, который менее масштабен по проявлению, нежели военные инциденты. Его главное отличие заключается в том, что все вооруженные конфликты — продуманные столкновения, осознанно организованные одной стороной, которая имеет определенную хорошо продуманную тактику боя.

В серии «Охота за головой» противниками близнецов становятся проклятые и ожившие восковые фигуры из старого музея дяди Стена.

Цель восковых фигур — мстить Стену за десятилетнее заключение и захват власти в Хижине Чудес. Способ её достижения — убийство Пайнса-старшего, которое близнецы умудряются предотвратить. Преимущество восковых фигур — количество и уровень их организованности, так как они представляют собой редкий тип войска в «Гравити Фолз», способный сражаться самостоятельно и без своего главнокомандующего. Кроме того, они заранее продумали тактику боя, дождавшись, когда физически развитые персонажи — Стен и Зус, покинут комнату, оставив физически слабых близнецов одних.

Силой же близнецов оказались изворотливый ум и хитрость, позволившие им понять, что использование электрических свечей в качестве оружия может быть эффективно против способных плавиться восковых врагов. Исход битвы оказался характерен для сериала — дети победили численно превосходящие их восковые фигуры, демонстрируя торжество разума над силой. Создатели сериала

буквально воплотили в жизнь цитату Гая Юлия Цезаря: «Задача полководца — побеждать столько же умом, сколько мечом» [10, с. 212].

В этом же эпизоде проявились черты, характерные для такого феномена, как **гражданская война**. На протяжении всего сериала создатели подчеркивают значимость Хижины Чудес и для главных героев, и для остальных персонажей, и для универсума сериала в целом. Хижина — это Сакрум Гравити Фолз, портал в другое измерение, последний оплот нуждающихся в защите жителей города во время апокалиптического Странногеддона.

Два народа — люди и восковые фигуры, сосуществовали мирно, до тех пор, Стен не запер восковые фигуры, нарушив гармонию. В сознании восковых фигур Стенли — деспотичный диктатор, который не учитывает мнение своих «подданных». По мнению же Диппера и Мейбл, восковой народ — анархисты, «граждане, лишённые нравственных устоев, не знающие своих прав и обязанностей, презирающие и ненавидящие в равной мере как законы, так и их исполнителей» [6, с. 991] — так бы их охарактеризовал французский социальный философ эпохи Просвещения Г. Б. де Мабли. Фигуры не стараются решить возникший конфликт мирным путем, используя навыки дипломатии. Их коллективный гнев трансформировался в неконтролируемую агрессию с одним стремлением — отомстить и захватить власть, не рефлексируя, не вникая в причины их заточения, не пытаясь провести переговоры. Так, в казалось бы, рядовом эпизоде сериала отразилась суть понимания его авторами возможных причин и форм протеста в воплощении диктаторских интенций и противостоящего им стихийного духа анархии.

Проявление элементов гражданской войны в принципе характерно для любых локаций Гравити, в которых живет один или два народа / сообщества, постоянно конфликтующие между собой. Подобную ситуацию можно было наблюдать среди народа лилигольферов, в котором каждое существо считало свою лунку лучшей, что стало причиной войны среди населения физически маленьких человечков.

Большое значение для сериала имеет **война с системой**, которая представляет собой долговременный вооруженный конфликт с целью свержения старого порядка (системы) и установления впоследствии нового.

Демонстрируемых в Гравити Фолз войн с системой было всего две, но обе для сериала являются масштабными и значимыми. Первая война, словно подготовка ко второй войне-апокалипсису, произошла в конце первого сезона.

Система, которая стала объектом войны — Хижина Чудес. Хижина представляет собой чудесный, волшебный мир, со своим уютом и атмосферой. Она не зря называется Хижина Чудес. Чудеса в ней есть как искусственные, созданные для получения прибыли, например Качоклопа, так и вполне реальные: ее посещают сверхъестественные существа (Легуинский Ловкач, Гремоблин), здесь образовался портал в другое измерение. Хижина предстает в сериале как музей, как аттракцион, как место обитания Диппера и Мейбл Пайнс. Хижина — один из своеобразных Сакрумов (Э. Кассирер) [2, с. 127], *genius loci* художественного мира Гравити Фолз, из которого разворачивается действие, и к которому действие всегда возвращается. Глава Хижины, системы концентрации духа Гравити Фолз — Стэнли Пайнс, его подчиненные, сотрудники хижины — Венди и Зус, и временная, но неотъемлемая часть этой системы — Диппер и Мейбл Пайнс.

Именно эту систему хочет уничтожить давний враг Стена — малыш Гидеон. Он желает захватить Хижину Чудес и организовать на её месте Гидеонленд — парк аттракционов для туристов и местных жителей.

Название «Гидеонленд» сразу рисует в воображении массового зрителя образ типичного парка аттракционов, таких как Диснейленд. В таком парке все механизировано, искусственно. Абсолютно все в нем будет создано для получения коммерческой выгоды. Пусть Хижина Чудес также направлена на получения прибыли, но в ней есть душа и особая атмосфера, которой в «Гидеонленде» не будет.

Для достижения своей цели Малыш Гидеон использует достаточно коварную стратегию с массой хитрых тактических приемов.

Систему тактических приемов Гидеона можно описать следующей последовательностью: хитрость — помощь сверхъестественного существа — открытое вооруженное столкновение. Проакцентуируем то обстоятельство, что большинство военных конфликтов в сериале дается именно в такой последовательности с некоторыми вариациями.

Гидеон — авторитарен, он не стремится к компромиссу также с склонным к авторитарности большую часть экранного времени Стенла Пайнса, начинает действовать превентивно, используя в качестве тактического приема хитрость (фальшивый билет из национальной лотереи купонов). Фальшивые, иллюзорные, прельстительные и соблазнительные предметы, услуги, рэлики — один их постоянных приемов сериала. Показательно, что в данном эпизоде хитрость не удается и тактика Гидеона меняется. Он обращается за помощью к влиятельному инфернальному персонажу — демону Биллу Сайферу. Безусловно, этот элемент сюжета восходит к архетипическому сюжету сделки с демоном или дьяволом, которая всегда приводит не к тому результату, о котором мечтает вступающий в нее персонаж. Парадоксальным образом демон проигрывает, и тактика антагониста Гидеона вновь изменяется: он проводит прямые военные действия и в итоге отбирает у Стена хижину. Это крайне важный для хронотопа сериала момент: происходит крах системы, эффективно существовавшей в мире Гравити Фолз в течение тридцати лет.

Однако новый порядок, установленный отчасти комическим антагонистом «малышом Гидеоном», длился недолго. Тактика близнецов по возвращению хижины симметрична по характеру тактическим приемам Гидеона. Первоначальная хитрость (переодевание для проникновения на церемонию по случаю начала строительства Гидеонленда). Следующим шагом стало обращение за помощью к сверхъестественным существам — гномам, которые совершают неудачную атаку на Гидеона (из-за очередного использования волшебного оружия — свистка, подчиняющего волю гномов). Финальное вооруженное столкновение происходит в момент отъезда Диппера и Мейбл из Гравити Фолз. Гидеон и его гигантский робот нападают на персонажей с целью отнять главную ценность, вокруг которой концентрируется сюжет сериала — сакральную книгу, дневник ученого-изобретателя Форда. Овладение «священной книгой», наполненной тайным знанием — способ для Гидеона достичь необычайного могущества. Безусловно, корысть и властолюбие терпят поражение от бескорыстного Диппера и гармония временно вновь торжествует.

Показательным является ведение антагонистом информационной войны против Стенли Пайна и жителей всего города. У Гидеона «война — это путь обмана» [8, с. 36]. В этом противостоянии Гидеон обманывал не только с помощью притворства и лицемерия. После захвата Хижины Чудес персонаж продемонстрировал владение технологиями информационной войны: использовал СМИ, фейковые новости и нелюбимые фотографии для разрушения репутации Стенли и «отстройки» и уничтожения конкурента. Благодаря слежке и умелому

манипулированию, Гидеон смог привлечь симпатии горожан и сформировать себе имидж социального авторитета, лидера мнений.

Создатели сериала эффективно использовали этого персонажа-антагониста в качестве носителя стратегии информационной войны. Отметим два значимых фактора. Во-первых, мотивацию Гидеона, который хочет относительно мирным путем прийти к власти в городе. Гидеон представлен как антагонист, но не позиционирован в качестве абсолютного злодея, ему не нужны конфликты и военные инциденты, которые бы запятнали его репутацию. Гидеон в сериале дается с постоянным определителем — «малыш Гидеон», раскрывающим его социальную маску — милого малыша, голубоглазого блондина, напоминающего гламурного пупса, любимца города. Но он еще и «малыш» по своим физическим и возрастным качествам, информационная война — единственная война, которую может позволить себе Гидеон со своими физическими возможностями и пока еще скромными ресурсами. Гидеон визуально решен как физически маленький, по возрасту — ребенок на стадии перехода в подростка. Только в конце первого сезона ему позволено по сюжету компенсировать отсутствие физической силы гигантским роботом из Гидеонленда. До этого момента по сюжету, для того, чтобы добиться поставленной цели — власти и могущества, он и использует информацию, раскрывающую подробности личной жизни жителей Гравити Фолз, с помощью своего «телепатического дара», повышая, тем самым, среди них свой авторитет. Тем не менее, передача информационной войны в руки такого гротескного (и в итоге несостоявшегося) диктатора отнюдь не нивелирует значимости феномена информационной войны и ее последствий для социального универсума Гравити. Однако иллюзорные и ложные результаты информационной войны не выдерживают сражения с Истиной, которая на стороне подлинных героев Гравити.

Временное торжество ложных ценностей в ходе финальной битвы сменяется торжеством ценностей подлинных — истины, справедливости, мира. Но в гротескном универсуме сериала, отражающего и законы массового производства, любая стабильность носит относительный и временный характер. Данная война сыграла важную роль в раскрытии образа Стена Пайнса, который трансформировался из местного чудака и жулика в кумира жителей города. Персонаж-маргинал, авантюрист представлен как культурный герой. И хотя интеллектуальный образ жителей Гравити решен на уровне среднего, а их наивность и доверчивость, наоборот, гротескно преувеличены, это показательный момент для трактовки персонажа. Он вызывает симпатии жителей города и массовой аудитории, несмотря на свою социальную безответственность и моральную несостоятельность, благодаря неочевидной человечности, а также преданности семье и Гравити. Изменения коснулись и личностного развития Диппера, который раньше, подобно эпическому герою, полагал, что его сила — в дневнике, но обрел понимание своей ценности и без внешнего источника тайных знаний.

Данная война систем была достаточно масштабной по сравнению со всеми военными конфликтами и инцидентами. Грандиозная по масштабу война с системой дается в сериале в качестве финала. И здесь уже образность апеллирует не к практикам современности, а к христианскому эсхатологическому мифу.

Главный антагонист мультсериала Билл Сайфер в конце второго сезона захватывает мир Гравити Фолз и устанавливает в нем свои — inferнальные, — порядки. Старая, достаточно консервативная система города, которая обычно отторгает все чуждое ей, разрушена, уничтожена. Начался **Странногеддон** —



последняя гротескная, но от этого не менее значимая для сериала, битва добра и зла перед концом света (в данном случае лета). Буквальное понимание названия последних серий и войны — странный Армагеддон. Данная номинация демонстрирует, что все происходящее в этой войне — остранение образа Армагеддона. Вероятно, привычные представления о ведении «последней» войны будут разрушены, военные действия будут лишены логики, а все проверенные методы борьбы будут неэффективны, и даже Антихрист будет носить стандартное имя Билл.

Одним из первых симптомов Странногеддона является изменение психологической атмосферы. Вместо своеобразного спокойствия и умиротворения, город наполнили сумасшествие и хаос — вечные спутники Сайфера. Это, впрочем, и являлось его главной целью — создание своего полного безумия мира, на руинах бывшего Гравити Фолз, а после и всего мира.

Стратегия Билла показана изощренной и дерзкой. Если в ходе предшествующей войны с системой комический антагонист Гидеон пытался захватить власть в городе, не раскрывая своих намерений, действовал четко, осторожно, тихо, то подлинный антагонист Билл заявил о своих правах на Гравити Фолз сразу же, как смог материализоваться в его мире. Билл наделен властью над своими последователями, у него есть физическая и волшебная сила, которой не было у Гидеона. Поэтому он может напрямую говорить о своих планах, не ожидая какого-либо серьезного отпора, который смог бы нанести ему ущерб.

Главное оружие Странногеддона — страх. Он изуродовал город, сделал его непригодным для нормальной жизни, наводнил различными чудовищами, которые готовы пожирать случайно попавшихся им людей, невзирая на их лояльность новому тирану. Демон жесток даже к тем, кто готов служить ему. В городе начинается паника, визуальная фактура которой передается динамично — через бегство персонажей по локациям. Билл демонстрирует свое могущество превращая жителей в статичные каменные статуи — строительный материал для его «гигантского трона застывшей агонии рода людского». Эллинистические акценты эстетизации предсмертной агонии в искусстве остраняются, снижаются в художественной реальности анимационного сериала XXI века. Сайфер совершенно не скрывает перспектив своего правления. Он — тиран, деспотичный диктатор, а его политика будет представлять собой тотальный террор и репрессии.

В ходе финальной войны — Странногеддона можно условно выделить три этапа, соответствующие выявленному нами ранее типичному ряду тактических приемов ведения войны в пространстве сериала: хитрость — помощь сверхъестественного существа — открытое вооруженное столкновение. Однако типичная последовательность меняется, вооруженные столкновения спонтанны, а их обобщающей характеристикой может стать кредо Наполеона Бонапарта «нужно сперва ввязаться в бой, а там видно будет» [1, с. 279].

Первой попыткой противостояния местному Антихристу — Биллу стало вооруженное столкновение Диппера и Форда с самим демоном. Они используют мощнейшее оружие, которое когда-либо создавал Стенфорд — квантовый дестабилизатор, способный уничтожить мощного врага. Попытка проваливается, сложный прибор, вершина научного процесса и технологического мастерства оказывается несостоятельным оружием в свете эсхатологии.

Важное значение для организации последней войны являются мероприятия, осуществляемые между военными акциями. Между первым и вторым

этапом войны против демона Диппер отчаянно ищет и находит союзников — Зуса и Венди, вместе они решают вернуть стратегически важного для победы над Биллом персонажа — Мейбл. Сестра Диппера Мейбл — носитель нестандартного мышления, эмоционального интеллекта, парадоксального, веры. Ее брат в когнитивном плане — воплощение эвристического интереса и сочетания критического мышления с интуицией. Как две стороны единого целого, брат и сестра именно вместе — главный инструмент по решению проблем и гармонизации Гравити, а также друг друга. Спасение Мейбл из специально созданной для неё тюрьме Мейблленда — иллюзорного мира исполнения желаний, сопровождается и освобождением от чар Билла Гидеона. Актуализация приема героического эпоса — созыва союзников, отбора героев приводит к формированию союза спасения Гравити Фолз.

Второй этап Странногеддона носит национально-освободительный характер, актуализируя эпический масштаб событий. Устав от тирании Сайфера, оставшиеся на свободе жители Гравити Фолз организуют оппозицию, возглавляемую близнецами Пайнс. Оставив в стороне все привычные для них средства борьбы, которые оказываются не эффективными в борьбе с демоном, они решают сражаться с Биллом его же оружием — безумием. Апелляция к безумию или иным иррациональным состояниям в военном тексте классической художественной культуры известна со времен «Илиады» Гомера (аффект Ахилла), но наиболее масштабно представлена в «Энеиде» Вергилия, где безумие, одержимость, аффект — состояние системы персонажей и космоса в целом. В соответствии с характерной для сериала эстетикой гротеска, образ безумия применительно к оружию войны решен посредством комической версии остранения.

Воплощение безумия в орудийном аспекте представлено в Хижинадроне — плоде гениальной мысли изобретателя Фидлфорда МакГакета. Сакрум Гравити — хижина чудес, благодаря магической защите из волос единорога, — единственный локус в хронотопе Гравити Фолз, где силы Билла не действуют. Реализация плана МакГакет — конструирование из Хижины гигантского робота, который сможет противостоять Биллу в открытой борьбе, решается посредством актуализации абсурда и синкретизма. Хижинадрон — образ абсурдного синкретизма или синкретичного абсурда, соединяет реалии из универсума Гравити — от живых опасных существ (Живогрыз, Тиранозавр) до повседневных вещей (грузовик, баннер с надписью «Гравити Фолз»). Конструктивное основание — местный Сакрум — хижина, являющаяся также центром управления. Так, в преддверии конца света представители творческой элиты (А. Тойнби) [9, с. 97] сериала «на войне сделали то, что противник почитал за невозможное» [7, с. 98], а именно создали мощнейшее оружие синкретичной природы, управляемое объединившимися людьми и сверхъестественными существами, способное противостоять самому могущественному злу в лобовой атаке.

Планированию, обсуждению, созданию Хижинадрона отводится довольно много экранного времени, так, что и зритель, и подразумеваемый злодей попадают в ловушку обманутого ожидания. Образ Хижинадрона — это также реализация метафоры Троянского коня, истинная цель конструкции — отвлечение внимания, пока малая группа героев тайно проникает внутрь цитадели врага — пирамиды Сайфера.

И здесь на первый план вновь выходит линия использования оружия со сверхъестественной природой, фиксируя увлечение массовой культуры магическим. «Колесо Билла Сайфера» — символ, который постоянно фигурировал

в сериале, задолго до появления самого антагониста. Суть колеса как оружия такова, что если избранные займут сектор, отмеченный их знаком, и возьмутся за руки, то силой их единения демон будет повержен и изгнан, а город освобожден. Но чтобы взяться за руки героям необходимо преодолеть внутренние барьеры и комплексы: магия оказывается лишь формой для выражения социально-психологических, духовно-нравственных проблем индивида.

Вполне в логике сериала в хронике битвы магия колеса сработать не успевает. Билл обнаруживает слабое место в Хижинадроне и побеждает отвлекающих его оппозиционеров, сконцентрировавшись на главных героях. Эпический масштаб сменяется личностным планом. Из типичных приемов у главных героев остается хитрость, которая и спасает в финале универсум Гравити Фоллз.

Последняя системная война в Гравити Фолз завершается победой Гравити Фоллз и его принципов. Ее ход имеет важное нравственное значение для развития главных героев и некоторых второстепенных персонажей. Малыш Гидеон сражался за свою любовь против самого могущественного существа в их мире. Пасифика, типичная избалованная девочка из богатой семьи, совершила ранее для нее невысказанное социальное действие — взяла бездомного старика МакГакета за руку. Обе пары близнецов Пайнс (дети и взрослые) осознали значимость своей связи и дружбы.

Таким образом, война в анимационном сериале «Гравити Фоллз» является пусть и кратковременной, но неотъемлемой составляющей повседневности не только главных героев, Диппера и Мейбл, но также и второстепенных персонажей. Она представлена практически во всех её масштабах, по видам полноценно изображена информационная война и война с системой. Гражданская и национально-освободительная войны реализованы в виде отдельных элементов, проявляющихся в разных вооруженных столкновениях.

В анимационном сериале «Гравити Фолз» война имеет как внешнее, так и внутренне измерение, буквально, по Гераклиту, является «отцом всего» [5, с. 46]. Война заполняет и наполняет организацию хронотопа. Война дает импульс для личностного развития персонажей. Война помогает разрешать конфликты между отдельными персонажами и общностями. Война позволяет героям преодолеть границы невысказанного, осознать свои возможности и роль в своем мире. И, конечно же, война дает основание осознать ценность мира.

#### Список литературы

1. *Бонапарт Наполеон*. Императорские максимы. М.: Эксмо, 2003. 448 с.
2. *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры. М.: Гардарики, 1998. 784 с.
3. *Клаузевиц К.* О войне. М.: Госвоениздат, 1934. 340 с.
4. *Огарков Н. В.* Советская военная энциклопедия. Т. 2: Вавилон — Гражданская. М.: Воениздат, 1976. 639 с.
5. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М.: Феникс, 1992. 448 с.
6. *Приходько А. В., Шляхов М. Ю.* Формирование идеи права на сопротивление угнетению и тирании во французском просвещении // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 12-6. С. 989—993.
7. *Суворов А. В.* Наука побеждать. М.: АСТ, 2019. 320 с.
8. *Сунь-Цзы.* Искусство войны. М.: АСТ, 2019. 160 с.
9. *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. М.: Айрис-Пресс, 2010. 640 с.
10. Цезарь Гай Юлий. Записки Цезаря и его продолжателей. М.: День, 1991. 384 с.

УДК 791.43.05(73)  
ББК 85.374.3(7Coe)6  
DOI: 10.46726/H.2020.4.19

*М. А. Назаров*

## **ВЛИЯНИЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ НА КИНЕМАТОГРАФ США. НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА «КРАСНЫЙ РАССВЕТ» (1984)**

В статье рассмотрена история создания фильма «Красный рассвет» и его влияние на американское общество в годы Холодной войны, а также политические взгляды режиссёра киноленты Джона Милиуса.

Холодная война разворачивалась не только на фронтах локальных войн. Идеология и массовая культура были отличными способами донести идеи до собственных граждан и дискредитировать противника. Кинематограф США в этом плане обладал возможностями. Кинолента «Красный рассвет» (1984) от режиссёра Джон Милиуса стала ярким примером подобной пропаганды.

**Ключевые слова:** Холодная война, Рональд Рейган, антикоммунизм, кинематограф США, Джон Милиус, советская армия, Латинская Америка.

*М. А. Nazarov*

## **IMPACT OF THE COLD WAR ON THE US CINEMA. THE «RED DAWN» (1984) CASE**

This article is concerned with the story of film making «Red Dawn» and its influence on American society during the Cold War, as well as the political views of film director John Milius. The Cold War went not only on the fronts of local wars. Ideology and popular culture were excellent ways to convey ideas to their own citizens and discredit the enemy. American Cinema had all the opportunities. The film «Red Dawn» by John Milius has become a striking example of such propaganda.

**Key words:** Cold War, Ronald Reagan, anti-communism, United States cinema, John Milius, Soviet army, Latin America.

Фильм создавался в очередной виток Холодной войны, связанный с изменением курса нового президента США Рональда Рейгана. Антикоммунизм Рейгана и его негативное отношение к СССР привел к радикальному изменению во внешней политике.

Первые намеки на будущие изменения появились в тезисах Республиканской партийной платформы 1980 года. Она стала политической программой для будущего президента США Рональда Рейгана. В ней были несколько важных моментов. Рейган критиковал предшественника Картера за сокращение военного бюджета страны, а также за недооценку влияния СССР в Латинской Америке. Наибольшей угрозой считался рост советской военной мощи СССР в Европе [10].

Победа Рейгана на президентских выборах 1981 года позволила ему начать реализовывать идеи по сдерживанию СССР. Одним из предложений стало создание Стратегической оборонной инициативы (СОИ), известная еще как «Звездные войны», которая по идее президента должна защитить страну от ядерного уничтожения при помощи компьютерных технологий и боевых лазеров.

---

© Назаров М. А., 2020

Важным идеологическим шагом со стороны американского президента стала знаменитая речь в Национальной ассоциации евангелистов США во Флориде 8 марта 1983 года, где он публично заявил: «В ваших обсуждениях по ограничению ядерных вооружений остерегайтесь искушения гордости — искушение блаженного объявления выше происходящего, маркировать обе стороны одинаково ошибочно, игнорировать факты истории и агрессивных импульсов империи зла, просто называть гонку вооружений гигантским недоразумением и таким образом удалять себя из борьбы между правдой и ложью, добром и злом [11]».

Учитывая возобновление Холодной войны и участие СССР в войне в Афганистане, можно понять, что под «Империей зла» имелся ввиду именно Советский Союз. Инцидент с южнокорейским Боингом, во время которого советские ВВС сбили гражданский самолет над Сахалином 1 сентября 1983 года только увеличил напряжение между СССР и США. Американская администрация с большим подозрением относилось к тем слоям общества, которые не стремились поддерживать консервативные начинания президента. Новая власть хотела взять реванш за культурную революцию 70-х годов.

Эти события не могли не сказаться на кинематографе США. Тема «красной угрозы» и до 80-х годов появлялась на экранах. Фильм «Вторжение в США» (1952), посвященный нападению неназванной коммунистической державы мог считаться первым примером подобного кино.

Большую известность в начале 80-х годов вызвал роман Джона Хакетта «Третья мировая война: Нерассказанная история» (1982) о вторжении СССР в Западную Европу. Появление новой киноленты, где СССР выставлялся агрессором способным напасть на США становился лишь вопросом времени.

Идеи Рейгана совпали со взглядами скандально известного режиссера Джона Милиуса. Его жизнь была полна противоречий. С самого детства он увлекался написанием рассказов и после окончания школы не знал какую профессию выбрать. Позже он увлекся кинематографом и поступил в Университет Южной Калифорнии на специальность кинорежиссёра. Первые работы были не слишком удачными и успешными. Милиус предпочёл заниматься написанием сценариев, которые принесли ему большую известность.

Наиболее популярные работы в 70-е годы — детективный триллер «Грязный Гарри» (1971) и фильм 1979 года о войне во Вьетнаме «Апокалипсис сегодня», получившие культовый статус и множество противоречивых откликов. Левые активисты и феминистки считали, фильм пропагандирует фашистские методы у полиции. Кинолента вызвала у них недовольство, которое позже переросло в акции протеста [9].

«Апокалипсис сегодня» получил такие же отзывы. Шли ожесточенные споры является ли история в нем антивоенной или наоборот? Учитывая сюжет картины и главного антагониста полковника Курца, который является харизматичным лидером и типичным представителем «нищанского сверхчеловека», дала критикам возможность обвинить сценаристов в пропаганде войны.

Милиус обладал экзотическими для голливудского режиссёра взглядами. Он мечтал поступить в корпус морской пехоты США для участия в войне во Вьетнаме, но из-за проблем с астмой этого не получилось [6]. Будущий режиссёр остался ярким сторонником оружия и боевых искусств. Он избежал влияния сексуальной революции, никогда не был в движении хиппи или подобных субкультур. О себе отзывался как о правом экстремисте и анархисте [7]. Не чужды ему были и антикоммунистические взгляды.

По слухам, он с симпатией относился к движению минитменов — организации, созданной в начале 60-х годов. Цель этой парамилитаристской группировки состояла в том, чтобы подготовиться к возможному вторжению СССР в США и вести партизанскую войну. Организация считалась экстремистской и незаконной. В будущем «Красном рассвете» появится похожая группировка под названием «Росомахи».

Свои идеи о том, как снимать фильмы он реализовал в картине «Конан-варвар» (1982), созданный по мотивам произведений писателя Роберта Говарда. Джон Милиус был не только сценаристом, но и режиссером киноленты. Критикам этот фильм больше всего запомнился довольно жестокими сценами и убийствами, режиссер стремился показать идеального воина, который без жалости уничтожает своих врагов. Фильм имел большой успех в прокате и вскоре Милиус смог приступить к созданию новой картины. В Голливуде же за ним закрепилась слава одиозного реакционера и фашиста [1].

Первоначально история «Красного рассвета» не была связана с этим режиссером. Ранний вариант фильма разрабатывался сценаристом Кевином Рейнелдсом и радикально отличался от итоговых наработок. Название проекта было «10 солдат» и основной посыл истории являлся антивоенным. В сюжете советские войска вторгались в США. В ходе вторжения им удалось захватить поселение, где живут главные герои. Чтобы избежать плена они сбегают из города и создают отряд. Вскоре добродушные подростки превращаются в свирепую и безжалостную банду.

По своему настрою работа Рейнелдса была аллюзией на произведение «Повелитель мух» [5]. На первом месте в истории стояли отношения между подростками и их постепенная эволюция. Военные действия оставались на втором плане.

Сюжет не понравился компании Metro-Goldwyn-Mayer (MGM). Наступали новые времена, когда у зрителей большой интерес вызывали динамичные боевики. MGM решила нанять Джона Милиуса для написания нового варианта сценария из-за его хороших познаний в оружии и партизанской войне. История была радикально переписана, хотя прежняя фабула о вторжении СССР сохранилась, но упор был сделан на перестрелки и пропаганду взглядов, господствующих среди консервативно настроенной части населения.

Милиус уловил атмосферу тех лет. Возможное вторжение войск СССР в Северную Америку многим казалась реальной, и паранойя усиливалась с каждым днем. Сюжет бил точно в цель. Несмотря на это, режиссер явно рисковал, когда придумывал историю. По историческим меркам США совсем недавно потерпели поражение во Вьетнаме. Почти все киноленты о тех событиях носили антивоенный характер. Новый фильм, посвященный пропаганде войне, мог иметь для Милиуса очень неприятные последствия. Несмотря на патриотическую позицию режиссера министерство обороны США не помогало в съёмках.

Тревоги Рейгана, высказанные им в партийной платформе 1980 года совпали с концепцией фильма. В новом сценарии блок НАТО распадается, ракеты из Западной Германии выводятся из-за требований партии зеленых, Латинскую Америку сотрясают революции, а сами США находятся в очень незавидном геополитическом положении. В Советском Союзе собран маленький урожай и идут голодные бунты.

Вскоре войска СССР, Кубы и Никарагуа начинают полномасштабное вторжение в США и устанавливают контроль над отдельными территориями

страны. Группа подростков из местной школы, видя действия оккупантов, собирают партизанский отряд «Росомахи» и начинают беспощадную войну против врагов.

В киноленте большой интерес представляет, как режиссёр изобразил советские войска и их отношение к мирным жителям. Для российского зрителя «Красный рассвет» в первую очередь известен как «русофобский фильм», где русские показаны жестокими оккупантами. Такое мнение распространено в российском сегменте Рунета, и оно имеет право на существование, но в «Красном рассвете» много неоднозначностей, касающихся советской стороны.

Лента начинается со странной сцены. На территории школы приземляются советские десантники, которые бегают вокруг и кричат «Что делать?», а после расстреливают чернокожего учителя и взрывают пустой школьный автобус. С одной стороны, эта сцена создана явно для того, чтобы показать жестокость будущих противников, но с другой выглядит она абсурдно и даже комично.

После захвата города некоторых жителей отправляют в импровизированный и слабо охраняемый лагерь. Главные герои успевают пообщаться со своими родственниками, которых, скорее всего, ждет отправка в другой лагерь или расстрел. В этой сцене можно обнаружить интересный момент. В концлагере перевоспитания почему-то показывают фрагменты советского фильма «Александр Невский».

Советская армия внешне непохожа на свой реальный образ, хотя и присутствуют классическая шапка-ушанка, автомат Калашникова. Форма лишь отдалено напоминает то, что было в реальной армии СССР.

Стоит отметить важную деталь. В оккупированном американском городе войска СССР находятся совместно с армией Кубы и первоначально всеми солдатами командует кубинский полковник Белла, который периодически демонстрирует некое подобие милосердия, но во многих сценах кубинцы под его началом устраивают убийства горожан. Позже появляется генерал Братченко, который хоть и является командиром гарнизона, но его личность раскрывается слабо.

Говоря о репрессиях советских войск против населения, нельзя не заметить несколько важных деталей. Расстрелы местных жителей начинаются только после нападений на советские посты, причем значительную часть преступлений совершают кубинские войска под командованием полковника Беллы. В фильме есть неудачная попытка убийства мирных жителей армией СССР, которая была предотвращена «Росомахами». Популярный стереотип — «русская жестокость» показана неоднозначно. В отдельных сценах советские солдаты выглядят скорее условно — нейтрально.

Интересна позиция еще одного антагониста полковника Стрельникова — специалиста по борьбе с партизанскими движениями. Он сразу же отвергает репрессии против местных жителей, считая, что это глупость и слабость и к тому же не даёт нужных результатов. Несмотря на странности, связанные с его образом, он не совершает военных преступлений против мирного населения и в целом выглядит более или менее человечным.

В киноленте этот персонаж носит форму войск ВДВ и белый маскировочный халат, на котором можно заметить значок гвардии и советские ордена, что выглядит странно. Почему офицер во время боевого задания одет как на параде зрителям не объясняют. Возможно, этот странный стереотип возник из-за любви Брежнева к различным орденам и наградам. Советский генсек часто становился мишенью для западных карикатур по этой причине.

Полковник в качестве личного оружия использует финский пистолет-пулемет Jatimatic, которым советские офицеры не использовали.

Роль Стрельникова исполнил актер Уильям Смит. Свои сцены он играл на русском языке. Речь полковника получилась неправдоподобной с характерным акцентом и неправильным использованием слов, окончаний и т. д. Его выступление на военном совете для русского уха звучало настолько необычно, что для телезрителя из СНГ она стала культовой и ярким примером так называемой «клюквы».

Русский язык в «Красном рассвете» одна из главных проблем. Кинолента характерна использованием псевдорусской кириллицей, которая до этого часто появлялась в кинематографе США. В оккупированном городе есть организация «Совет-Американский Дружба Центр», существующая для пропаганды ценностей советского блока. Все актеры говорят с трудом и явно незнакомы с элементарными правилами русской речи. Поэтому диалоги смотрятся комично.

Есть множество технических ляпов. Например, это касается военной техники. По причинам, не зависящих от создателей, они не могли использовать все образцы тяжелого вооружения СССР, приходилось импровизировать. В одной сцене можно увидеть вертолет Ми-24, однако, это переделанный французский вертолет SA 330 «Пума». Советский танк Т-72 в фильме имеет шасси от американского танка М-48. В некоторых эпизодах встречается реальная техника как штурмовик Як-38. Советская сторона использует артиллерию времен Второй мировой войны.

Нельзя не заметить, что определенное очернение советской стороны присутствует. Хотя в более поздних картинах 80-х годов, например, в «Рэмбо 3» или в киноленте «Зверь» тема «русской жестокости» раскрыты в более провокационных формах. На этом фоне «Красный рассвет» выглядит практически безобидно.

В фильме почти полностью отсутствует знаменитый стереотип связанный с «русским пьянством». Советский солдат с бутылкой — частый элемент в американском кино в годы Холодной войны. Эта тема оказалась не востребовавшей у сценариста.

Отметим, что Милиус пропагандировал не только антисоветские взгляды, но и свое критическое отношение к американскому правительству, которое в фильме не смогло защитить страну. По его мнению, только люди, имеющие доступ к оружию, способны эффективно защищать себя и близких. Неудивительно, что отряд «Росомах», состоящих из вчерашних школьников — главная угроза для оккупантов, а не войска США, которые почти не появляются в фильме. Единственное исключение бывший полковник ВВС США Таннер, присоединившийся к партизанскому отряду после неудачного воздушного боя [7].

Действия «Росомах» даже для такого фильма смотрятся очень неправдоподобно. Сложно поверить, что небольшой отряд школьников за короткое время сможет вызвать такую проблему у оккупационных войск. Хотя партизаны постепенно теряют своих членов, но при этом на последнем этапе они уничтожают все главарей.

Американский патриотизм порой выглядят пафосно и наивно. Один из жителей перед расстрелом поет знаменитую народную песню *Americathe Beautiful*. Тема мести — основная причина для существования отряда «Росомах». Почти все герои потеряли близких из-за вторжения.



Милиусчастично пересмотрел свои взгляды. Если ранее он был ярким сторонником демонстрации мужской мощи на экранах, то в «Красном рассвете» среди партизан есть и девушки которые наравне с мужчинами принимают участие в боевых действиях. Есть эпизод, где женщины наотрез отказываются заниматься хозяйством в лагере и требуют, что они участвовали в сражениях.

«Красный рассвет» интересен еще тем, что многие элементы фильма могут быть знакомы российскому зрителю. Сложно сказать вдохновлялся ли Милиус советскими фильмами, но есть несколько моментов, которые вызывают подозрения в этом. Например, полковник Стрельников внешне очень похож на знаменитого советского десантника прапорщика Волентира из кинофильма «В зоне особого внимания» (1977). Оба десантники, имеют похожую внешность и позиционируются как профессионалы. Сюжетные моменты вроде вероломного вторжения врага и оккупации вызывают ассоциации с многочисленными фильмами СССР о борьбе с немецкими войсками в годы ВОВ. Даже сюжет частично напоминает знаменитую «Молодую Гвардию». Фабула того фильма очень похожа: оккупация, молодые подпольщики, которые всеми силами пытаются навредить захватчикам и гибель главных героев. Причем эти сходства были отмечены даже советскими журналистами [3].

Сейчас «Красный рассвет» выглядит наивно и несерьезно. Сюжет неправдоподобный и очень далек от реализма. Конъюнктурность истории практически сразу бросалась в глаза. Однако для той эпохи это была очень характерная картина, направленная не только против СССР, но и против слабости государственной власти США, а также антивоенных активистов. Выпуск фильма в США и в мире сопровождался скандалами. Консервативно настроенные граждане были довольны увиденным, тем более что таких фильмов, где бы показывалась официальная точка зрения государства на внешнюю политику практически не было. Яркие сторонники «Второй поправки», которая дает право граждан на хранение и ношение оружия, и оружейные ассоциации получили хорошее средство для агитации своих идей.

Существовали другие мнения по поводу ленты. Цензура и борьба с экранным насилием всегда были характерными для Голливуда. Поэтому фильм Милиуса сразу же вызвал озабоченность и критику со стороны «Национальной коалиции по телевизионному насилию», которые считали, что жестокость в нём превышает все разумные пределы.

Психиатр Томас Радецки заявил, что в ленте совершается в среднем 134 акта насилия [8]. Такая озабоченность была вызвана тем, что основной аудиторией оказались подростки. Им интереснее было смотреть на боевые действия, нежели на политический подтекст картины.

Острую критику кинолента получила от левых активистов, которым не понравилась откровенная пропаганда оружия и конъюнктурность сюжета. В ФРГ демонстранты устроили акции протеста.

Были мнения о «Красном Рассвете» и со стороны СССР. В газете «Аргументы и факты» были выложены мнения иностранных граждан и СМИ о нём. Как правило, все они были связаны с левыми движениями. Картина обвинялась в фашизме, пропаганде войны. Типичное мнение из советских газет выглядело так: «Милиус, известный своими фашистскими взглядами в области культуры, сам того не желая, создал нечто замечательное. Его фильм — безупречно точное отражение исковерканного сознания реакционно-настроенной “средней Америки”. Фильм, конечно, понравится “старым добрым богобоязненным американским парням”, голосующим за Рейгана. И дело здесь не только в шовинизме. Соединенным Штатам очень хочется пожалеть

себя, сильную и благородную страну, окруженную жестокими врагами, преданную трусливыми и вероломными друзьями, одинокую в этом ужасном мире» [4]. Несмотря на коммерческий успех киноленты у Милиуса начались проблемы. Одиозная слава фашиста погубила его. Голливуд не жаловавший его до съёмок «Красного рассвета» прекращал с ним сотрудничество и не приглашал снимать новые проекты.

Режиссёр защищал свой фильм и активно критиковал недовольных. В первую очередь досталось левым, которых он обвинил в лицемерии. По его мнению, активисты спокойно воспринимают новости об агрессии СССР в Афганистане или сбитом Боинге, но при этом возмущаются вымышленным сюжетом, в котором по сценарию происходят смерти захватчиков.

Карьера Милиуса пошла на спад. Следующий фильм он снимет только в 1989 году. «Красный рассвет» оказал огромное влияние на американскую популярную культуру. Это касалось не только кинематографа, но и литературы. Тема Третьей мировой войны или отдельных столкновений с СССР были чрезвычайно популярны.

В год выхода фильма писатель Том Клэнси начал свою литературную деятельность. Значительная часть его романов посвящена противостоянию аналитика ЦРУ Джека Райана с советским блоком. В библиографии Клэнси есть отдельный роман под названием «Красный шторм поднимается», который полностью посвящен глобальной Третьей мировой войне между НАТО и СССР.

Еще один культовый роман того времени под названием «Красная армия» написанный в 1989 году. Автор произведения — Ральф Питерс, подполковник военной разведки США. Этот роман написан с точки зрения советского командования и повествует о боях в Западной Германии.

Кинематограф продолжил тему, начатую Милиусом. Значительная часть кинолент имела небольшой бюджет и примитивный сюжет. Наиболее характерной картиной может считаться «Вторжение в США» (1985). В отличие от «Красного рассвета» здесь присутствует настоящая демонизация русских. Агенты КГБ фактически являются террористической группировкой на территории США. Они взрывают дома, убивают местное население, сеют хаос и ужас.

В фильме было полно абсурдных сцен вроде противостояния главного героя и злодея при помощи противотанковых гранатометов и других похожих сцен. Американские критики разгромили киноленту по всем параметрам за глупый клишированный сюжет.

«Красный рассвет» имел влияние не только на культуру, но и на политические течения внутри США. Пример «Росомах» оказался для неформалов заразительным. Фильм становился наглядным пособием для правых экстремистов и белых расистов. Характерным примером можно считать группу «Патриоты Аризоны», ликвидированная ФБР в 1986 году. Члены этой террористической организации постоянно смотрели ленту в своем лагере. Лишь быстрый арест её участников помог избежать трагедий [12].

Считается, что «Красный рассвет» стал источником вдохновения для американского экстремиста Тимоти Маквея, который совершил взрыв административного здания имени Альфреда Марра в Оклахома-Сити в 1995 году. Мотивы террориста были связаны с трагедией осады «Маунт Кармел» в 1993 году, где погибли религиозные фанатики из секты «Ветвь Давидова», за которых он хотел отомстить.

«Красный рассвет» — одна из важных лент кинематографа США тех лет, которая дает четкий ответ на то какие настроения царили в американском

обществе. Страх, паранойя и желание президента Рейгана удержать западный мир от коммунистического влияния стали неотъемлемой частью культуры США 80-х годов.

Кинолента сформировала образ советского врага как коварного и жестокого, который пойдет на любые поступки ради победы. Творческие находки Милиуса вскоре используют другие режиссеры для своих фильмов о борьбе с «Красной угрозой».

#### Список литературы

1. *Бирюков Ф.* Альтернативная история Голливуда. [Электронный ресурс]: Литературная Россия (сайт): URL: <https://old.litrossia.ru/2007/14/01391.html> (дата обращения: 07.05.2020).
2. *Григорьев А.* «Звездные войны» Рональда Рейгана [Электронный ресурс]: Голос Америки (сайт). URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/star-wars/1627021.html> (дата обращения: 07.05.2020).
3. *Ерохин А.* Им и не снилось [Электронный ресурс]: AllOfCinema.com(сайт): URL: <http://allofcinema.com/krasnyiy-rassvet-red-dawn-1984/2/> (дата обращения: 07.05.2020).
4. Как стряпаются ложь и клевета. «Красный рассвет» и черная пропаганда [Электронный ресурс]: Аргументы и факты (сайт): URL: <https://aif.ru/archive/1657995> (дата обращения: 07.05.2020).
5. *Bart P.* «Red Dawn»: Shooting in the McVeigh way [Электронный ресурс]: Variety (сайт): URL: <https://variety.com/1997/voices/columns/red-dawn-shooting-it-the-mcveigh-way-1117859589/> (дата обращения: 07.05.2020).
6. *Hutchinson S.* 17 Facts About Apocalypse Now on its 40th Anniversary [Электронный ресурс]: Mental Floss (сайт): URL: <https://www.mentalfloss.com/article/68031/17-fascinating-facts-about-apocalypse-now> (дата обращения: 07.05.2020).
7. Joy in the struggle: a look at John Milius. [Электронный ресурс]: Film Threat | Your Independent Movie Guide Mental Floss (сайт): URL: <https://filmthreat.com/uncategorized/joy-in-the-struggle-a-look-at-john-milius/> (дата обращения: 07.05.2020).
8. *Kifner J.* McVEIGH'S MIND: A special report.; Oklahoma Bombing Suspect: Unraveling of a Frayed Life [Электронный ресурс]: The New York Times (сайт): URL: <https://www.nytimes.com/1995/12/31/us/mcveigh-s-mind-special-report-oklahoma-bombing-suspect-unraveling-frayed-life.html?pagewanted=all> (дата обращения: 07.05.2020).
9. *Macek J. C. III.* The Trials and Tribulations of «Dirty» Harry Callahan [Электронный ресурс]: PopMatters (сайт): URL: <https://www.popmatters.com/189182-the-trials-and-tribulations-of-dirty-harry-callahan-2495576873.html> (дата обращения: 07.05.2020).
10. Republican Party Platform of 1980. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/republican-party-platform-1980> (дата обращения: 07.05.2020).
11. *Reagan R.* Evil Empire Speech Reagan: The Voices of Democracy (сайт): URL: <http://voicesofdemocracy.umd.edu/reagan-evil-empire-speech-text/> (дата обращения: 07.05.2020).
12. 'Red dawn' condemned as rife with violence [Электронный ресурс]: The New York Times (сайт): URL: <https://www.nytimes.com/1984/09/04/arts/red-dawn-condemned-as-rife-with-violence.html> (дата обращения: 07.05.2020).

УДК 321.0  
ББК 66.01  
DOI: 10.46726/Н.2020.4.20

*А. А. Матвеев*

## МИГРАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ НОВОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА

В статье автор анализирует новое для нашего века понятие «миграционная война». Определяются предпосылки развертывания миграционной конфронтации между государствами, описываются возможности и последствия для участников, вовлечённых в процесс. Также дается характеристика миграционных столкновений на региональном уровне через определение чувства миграционного кворума и его влияние на конфликтность. В заключение даются рекомендации уделять пристальное внимание и изучать корневые причины феномена миграции, независимо от того, может ли это привести к очередной локальной или глобальной войне.

**Ключевые слова:** миграционная война, миграционные процессы, миграционная политика, чувство кворума, мигранты, столкновения и конфликты, миграционный интервенционизм.

*А. А. Matveev*

## MIGRATION WARS OF A NEW TECHNOLOGICAL ERA

In the article, the author analyzes the concept of “migration war”, which is new for our century. The prerequisites for the development of migration confrontation between states are determined, the possibilities and consequences for the participants involved in the process are described. The characteristic of migration clashes at the regional level is also given through the definition of a sense of migration quorum and its effect on conflict. In conclusion, recommendations are given to pay close attention and study the root causes of the phenomenon of migration, regardless of whether it can bring to the next local or global warrior.

**Key words:** migration war, migration processes, migration policy, a sense of quorum, migrants, clashes and conflicts, migration interventionism.

Массовая миграция в устойчивом и глобальном масштабе, который продолжает испытывать весь мир, создает напряженность не только внутри государств, но и между ними. Эта напряженность иногда перерастает в открытый конфликт. Что непременно приведет человечество к новой эре «миграционных войн». «Одним из важнейших факторов современного геополитического противостояния является легальная и нелегальная миграция населения, которая особенно в последние годы приводит к дестабилизации социальной жизни многих стран Мира, главным образом, посредством эскалации деструктивного феномена «миграционных войн» [6, с. 7].

Это представляет собой любопытную инверсию. На протяжении веков война была основной и часто единственной движущей силой массовой миграции. Совершенно очевидно, что неопределенное число гражданских лиц было вынуждено бежать от боевых действий, которые бушевали в Европе и в других

---

© Матвеев А. А., 2020

местах во время Первой и Второй мировых войн, в то время как продолжающаяся гражданская война в Сирии привела, возможно, к 5,3 миллиона беженцев, в дополнение добровольной миграции. Однако сегодня война не только продолжает вызывать массовую миграцию, но и сама миграция может стать причиной войны. При этом, мы можем отметить, что война чаще всего понимается как политический конфликт, включающий вооруженные действия значительной продолжительности и величины. Однако, по К. Клаузевицу, вооруженная борьба — это лишь внешняя сторона войны, а сама война «представляет собой политический акт», при этом «война не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами» [2, с. 16]. А. В. Владимиров, также характеризует феномен миграции как разновидность войны, развязанную глобалистами: «современные антропопоотоки — это ... вид современной асимметричной войны ... Глобалисты используют миграцию в качестве главного геополитического оружия» [1]. Предпосылками этого стали масштабы нынешнего кризиса мигрантов. Огромное количество людей бежало из стран Ближнего Востока и Африки, чтобы начать новую жизнь на Западе, рискуя своей жизнью, совершая часто чрезвычайно опасные поездки по Средиземному морю или по суше через «транзитные», страны, такие как Турция и Греция: только за 2019 года 16,5 млн мигрантов смогли пересечь Средиземное море [5].

Миграция также затронула и другие регионы мира, около полумиллиона этнической диаспоры Рохинджа бежали от насилия и преследований в своей родной Мьянме в соседние государства, в частности, Бангладеш, Таиланд, Индонезии и Малайзии. Также, в странах Африки к югу от Сахары миллионы людей бегут от нищеты из не имеющих выхода к морю государств Сахеля и стремятся к относительному процветанию Западной Африки: например, около одной пятой населения Кот-д'Ивуара составляют люди, родившиеся в других местах. Такой огромный поток мигрантов, или даже гипотетический вариант такого развития, воспринимается как угроза, и заставляет западные правительства вмешиваться в политику чужих стран — будь то страна отправления, либо страна транзита в попытке обуздать эти потоки. Здесь, конечно, нет ничего нового. У одной страны всегда есть интерес и мотив вмешиваться в дела другой, если на нее влияет поток беженцев из этой страны; Это было справедливо, если взять один очевидный пример участия Запада в Балканских войнах в начале и середине 1990-х годов. Но появление устойчивой массовой миграции из стольких разных мест и через множество разных маршрутов и границ — это новое явление, которое вызывает изменение стратегического направления в странах ЕС.

Такой «миграционный интервенционизм», конечно, может быть совершенно мирным — например, предоставление финансовой помощи для конкретных программ и инициатив, направленных на снижение уровня миграции. Но это может также принять более амбициозные, милитаристские формы, такие как развертывание войск, для стабилизации политики иностранных стран или регионов внутри них, которые испытывают или потенциально могут испытывать значительный отток населения. Это не только уменьшит или устранил какой-либо стимул для предполагаемых мигрантов, но также позволит правительствам депортировать и вернуть существующих мигрантов в «безопасную страну» (находящиеся под контролем военного альянса). Это было хорошо продемонстрировано на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2017 года, когда министр обороны Великобритании сэр Майкл Фэллон

оправдал продолжающееся, хотя и ограниченное, присутствие Великобритании в Афганистане на том основании, что политический кризис страны приведет к массовый кризис беженцев. «Мы здесь почувствуем последствия, очень прямо», — заявил он. «Могло быть от трех до четырех миллионов молодых афганцев, отправленных из своих деревень на запад, и они направляются сюда» [8]. Это стало новым оправданием для присутствия союзных войск в Афганистане, которое ранее было рационализировано по ряду других причин: от борьбы с террористами, представляющими угрозу для Запада, до предотвращения потока наркотиков и установления демократии и прав человека.

Вместо того, чтобы направлять свои собственные войска за границу, чтобы предотвратить или сократить миграцию на свою территорию, правительства также могут спонсировать действия иностранных армий от их имени. Примером могут служить объединенные силы «G5 Сахеля», которые французское правительство при поддержке других западных стран начало создавать в Сахеле в течение 2017 года. В него входят пять тысяч солдат, взятых из армий Буркина-Фасо, Мали, Мавритании, Нигера и Чад, эта сила финансируется ЕС, лидеры которого считают его отчасти анти-повстанческой силой, а также средством сокращения потока мигрантов.

Опыт таких операций открывает перспективы конфронтации и военных столкновений между государствами реципиентами и странами донорства и транзита. Например, когда итальянское правительство направило два патрульных корабля недалеко от ливийского побережья в августе 2017 года, генерал Халифа Хафтар, правитель большей части Ливии, пригрозил атаковать их, если они войдут в ливийские воды для поиска и уничтожения лодок беженцев. Его предупреждение отразило растущий народный гнев среди ливийцев против итальянского вмешательства в их внутренние дела. Такие столкновения могут стать более вероятными, если иностранное правительство угрожает эксплуатировать или манипулировать кризисом беженцев в попытке получить уступки от других стран, в которые эти мигранты, вероятнее всего двинутся. Похоже, это относится к ливийскому правительству под властью Каддафи. Выступая на собрании в Риме в августе 2010 года, Каддафи заявил, что, если ему не дадут большие суммы денег, Европа переживет «набег миллионов иммигрантов», который превратит ее в «другую Африку». Требуя выплатить 5 млрд евро, чтобы этого не произошло, его заявления были осуждены итальянскими парламентариями как «недопустимый шантаж». В контексте этих замечаний вполне возможно, что англо-французское нападение на Ливию в 2011 году было первой миграционной войной современности.

Турция, которая является буферной транзитной зоной более трех миллионов беженцев, в прошлые годы совершил подобный ход политического шантажа против ЕС: в марте 2017 года президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган пригрозил разорвать ключевую сделку с ЕС в отношении мигрантов, в ответ на запрет, введенный правительствами Германии и Нидерландов на политические митинги её гражданам, проживающими в этих странах. Тот же маневр Анкара провернула при обострении военного конфликта на границе с Идлиб. Они просто «сделали свои границы прозрачными» на 72 часа, что привело к перемещению более 50 тыс. человек к границам Греции, и скорее всего это были не простые мигранты, а боевики с Идлибского района. Если в будущем другие государства будут использовать аналогичную тактику против более могущественных стран, они могут рискнуть спровоцировать вооруженный ответ.

Помимо иностранного вмешательства в странах отправления или вооруженных столкновений с правительствами, которые пытаются манипулировать миграцией, мир может стать свидетелем других типов миграционных войн. В частности, иностранные державы могут намеренно создавать или усугублять кризис беженцев в другой стране, чтобы отвлечь внутренние ресурсы принимающих стран. Такой сценарий более вероятен сегодня по той простой причине, что устойчивая массовая миграция людей уже началась и продолжает наращивать свои темпы. Это означает, что у правительства или наднациональных и общественных организаций появляется больше возможностей манипулировать этим феноменом, это удобно тем, что искусственно управляемую миграцию трудно объявить иностранной интервенцией, также акторы являются менее подвержены риску международного осуждения.

Примером может служить кризис сирийских беженцев. В марте 2016 года, спустя несколько месяцев после того, как Россия открыто вмешалась в конфликт на стороне президента Башара Асада, генерал Филипп Бридлав, Верховный главнокомандующий союзниками в Европе и глава европейского командования США, заявил, что Владимир Путин и Асад «вооружились оружием». «Миграция через кампанию бомбардировок гражданских центров. Их повестка дня, продолжил он, «заклучалась в том, чтобы подорвать НАТО и Западную Европу: Вместе Россия и режим Асада намеренно вооружают миграцию, пытаясь сокрушить европейские структуры и сломить европейскую решимость», — сказал генерал Бридлав» [9]. Также вероятно, что Исламское Государство (ИГИЛ)\* намеренно создало или усилило поток беженцев из Ирака и Сирии. Его шокирующие акты жестокости, такие как обезглавливание пленников и осторожное распространение таких изображений в Интернете, имели четкое обоснование: вселить страх в сердца гражданских лиц и заставить их бежать. Они подсчитали, что это не только расчистит путь для своих «боевиков», но также сократит ресурсы соседних и, возможно, прозападных режимов, таких как Ливан и Иордания, одновременно увеличивая поток беженцев в Западную Европу. В долгосрочной перспективе это, вероятно, будет рассматриваться как способ «исламизации» Запада — увеличения численного присутствия мусульман, но наиболее очевидно, что в краткосрочном и среднесрочном плане это был способ проникновения в Европу сочувствующих: об этом свидетельствуют многочисленные нападения по всей Европе, включая Париж, Ниццу, Манчестер, Лондон и Берлин, со стороны повстанцев, связанных с ИГИЛ. Это не единственный пример, дестабилизация в 1990-е годы в Тунисе, разжигание народного недовольства, не без помощи США привело к свержению действующего президента «в результате расчищен путь для исламского экстремизма. Далее рубеж нестабильности был распространен на Ливию, Египет, Сирию. Эта дестабилизация и ввела в действие мощное «миграционное оружие», и Европа стала задыхаться от беженцев. Фактически такая многоходовая политическая комбинация стала сценарием для развязывания и реализации современной миграционной войны» [4, с. 184].

Также феномен массовой миграции может вызвать вооруженные столкновения между государствами и активистами, которые действуют — или утверждают, что действуют — от имени мигрантов или, в некоторых случаях, для защиты собственной родины от мигрантов. Например, летом

---

\* Деятельность организации запрещена на территории РФ.

2017 года крайне правая немецкая группа «Защити Европу» отправила судно в Средиземное море, чтобы противостоять лодкам беженцев и отправлять их «обратно в Африку». Такие столкновения, которые могут также вспыхнуть между активистами, конечно, вряд ли будут продолжительными или масштабными, но могут быть краткими и стать кровавыми. Насилие в Кале в 2016 году было организовано активистами, которые противостояли полиции, в то время как в августе 2017 года ливийские власти недвусмысленно предупредили неправительственные организации, которые помогали некоторым лодкам-беженцам в пересечении Средиземного моря держаться подальше от их территориальных вод. Такие столкновения на низком уровне могут также вызвать более серьезную конфронтацию, если в ходе этого процесса одно правительство будет обвинено или возьмет ответственность за нанесение увечий или убийство иностранных граждан. Это, безусловно, создаст очень серьезную политическую напряженность.

В определенных условиях международные мигранты могут создать серьезные проблемы закону и порядку в принимающей стране, или, с другой стороны, принимающая страна может негативно воспринимать массовую миграцию и расселение в конкретном районе как маневр страны-донора для будущего невооруженного завоевания или утверждения суверенитета в долгосрочной перспективе, через интеграцию своей культуры или религии. При этом попытки принимающего государства в ответ на давление со стороны общества и от правоохранительных органов, чтобы отправить мигрантов обратно в свою страну может ухудшить отношения между странами взаимодействия миграционных процессов и может даже привести к конфликтам. Недавнее решение итальянского правительства о депортации мигранты привели к дипломатическому спору с Тунисом. Аналогичным образом, решение Аргентины депортировать «совершивших преступление» иммигрантов привело к его трениям с несколькими странами Южной Америки [10].

Возможно, здесь можно было бы поставить точку в миграционных войнах, если бы не одно но. На уровне страны или даже региона также могут разворачиваться миграционные баталии. Основоположником, который описал это процесс можно назвать А. В. Тонконогова, его определение «миграционные войны — открытое политическое, экономическое, социальное, идеологическое противостояние между коренными жителями государства и мигрантами с использованием различного рода непрофессионального вооружения на почве расовой, религиозной, социально-политической и иных форм нетерпимости» [6, с. 8] устремляет наш взгляд внутрь стран. И действительно все чаще мы становимся свидетелями открытых столкновений между местными гражданами/представителями органов власти и приезжими мигрантами.

Ярким примером конфронтации стало мартовское столкновение на границе Греции, где полиция была вынуждена применить слезоточивый газ, чтобы отразить сотни бросающих камни мигрантов, которые пытались прорваться через границу. При этом правительство Греции указало это как ситуацию, которая представляет собой активную, серьезную и асимметричную угрозу безопасности страны. Добавим при этом, что таким образом Турецкая сторона использовала мигрантов как пешки на геополитической доске в попытке шантажа ЕС.

Международное сообщество плохо подготовлено к тому, чтобы справиться с наплывом городских беженцев. Быстрая урбанизация из-за международной миграции в принимающих странах, несомненно, создает различные



социальные проблемы, но, что более важно, также приносит большое количество недовольного населения в тесной «физической близости». Проживание местного населения и мигрантов близко друг к другу в городской среде может спровоцировать организацию режима против принимающего государства. Доступ к современным системам связи и средствам массовой информации может иметь значительное влияние на эту конфронтацию. Оппозиционные группы и активисты также могут найти в этом положительные эффекты мобилизовать людей на борьбу с режимом. Возможные миграционные конфликты в городских центрах принимающих стран между мигрантами и властями принимающего государства может быть результатом превращения разочарования мигрантов в организованную политическую борьбу.

Растущее число «городских беспорядков» в разных городах Европы можно рассматривать как часть этой стратегии протеста со стороны мигрантов. Экономические условия, дискриминационная политика и жилищные проблемы стали предпосылками предпринять эти (не)случайные насильственные протесты. И это не только «тяжкий крест» ЕС, в 2008 году масштабный бунт состоялся в Йоханнесбурге (Южная Африка), между уроженцами Южной Африки иммигранты из Зимбабве, в которых погибли по меньшей мере 22 человека [7].

Как же это происходит? «Чувство кворума» (Quorum sensing) — широко распространенный в природе механизм, позволяющий группам организмов выполнять координированные, слаженные действия» [3]. Известно, что отдельный индивид сам по себе не организован и его поведение зачастую не определено и не предсказуемо. Так и в группе отдельных мигрантов не сформирован механизм управления и как следствие отсутствует согласованность действий, пока не достигнут порог кворума. Ключевым моментом миграционного кворума является численность мигрантов на ограниченном участке, который может запустить механизм саморегуляции и сплочённости прибывшего общества. Не всегда это число может измеряться тысячами или миллионами. Иногда будет достаточно 5—10 семей мигрантов в небольшой альпийской деревне.

Изначально мигранты ведут себя естественно для иностранцев, пытаются понять и изучить культуру принимающей стороны, со временем их социальная сеть обрастает большим количеством знакомств. И если это будут местные люди, то языковой барьер будет снижаться, миграционные страхи уменьшаться, интеграция будет протекать последовательно и в правильном направлении. Если мигранты будут вести общение только со своими соотечественниками, не принимая местные правила, то со временем мы сможем увидеть девиантное поведение, примеры которого мы могли наблюдать во время погромов во Франции, «новогодних приключений» в Кельне и повсеместные свалки в местах обитания мигрантов. Это менталитет мигрантов, который начинает проявляться при чувстве кворума, поддерживаемые диаспорой, сплоченные мигранты чувствуют свою силу и ненаказуемость. Вследствие чего они начинают нарушать законы, организовывая банды для грабежей, насилия и вымогательств.

Тонкую грань начала работы «чувства кворума» достаточно трудно поймать, но достаточно легко проследить: скопление групп мигрантов, как правило, сидящих вдоль центральных улиц без определенного рода занятий; учащение жалоб местного населения на иностранцев; появление куч мусора рядом с местом обитания мигрантов; увеличение количество преступлений приезжими. Что незамедлительно вызывает ответную реакцию у местных жителей, заставляя их объединяться с мигрантами «первой волны» и вступать

в конфронтацию с новоприбывшими. В итоге это может привести к тому, что люди выйдут на улицы защищать себя и свои дома, а то, что из этого может получиться, мы проходили с Германией в 1931—1933 годах.

Таким образом, можно сказать, что «чувство кворума» — это социальное состояние изначально разрозненных мигрантов, по мере увеличения количества которых зарождается групповое девиантное поведение. При этом происходит прекращение интеграции в принимающее общество и навязывание мигрантами своих прав посредством политического шантажа в виде вызова социуму и правительству, которое не может адекватно отреагировать в виду провозглашения общей толерантности.

«Контроль миграции позволяет, по необходимости, предоставлять или блокировать поступление трудовых ресурсов; создавать ситуации близкие к миграционным войнам, что неизбежно ведёт к дестабилизации социальной обстановки и акцентировать внимание государств-конкурентов на решении внутренних проблем, ослабляя их влияние на геополитические процессы» [6, с. 8]. Другими словами, новый миграционный феномен — это не просто гуманитарная трагедия, но и угроза дестабилизации ряда целых регионов мира с далеко идущими последствиями. Это означает, что для каждой страны, как в развивающемся, так и в развитом мире, необходимо научиться управлять не только потоком людей, но и устранять причины проблемы миграции «в зародыше». Больше внимания следует уделять коренным причинам этого явления, независимо от того, связано ли оно с войной, коррупцией или ростом населения. Последствия бездействия будут глубокими для всех; новый век миграционных войн уже начался.

#### Список литературы

1. *Владимиров А. И.* «Новая Орда» // Военно-промышленный курьер, 2015, № 45 (611), 25 ноября — 1 декабря. С. 8.
2. *Клаузевиц К.* О войне. М.: Госвоениздат, 1934. 340 с.
3. *Марков А.* «Чувство кворума»: принятие коллективных решений в макро- и микромире. URL: [https://elementy.ru/novosti\\_nauki/431043](https://elementy.ru/novosti_nauki/431043) (дата обращения: 01.09.2020).
4. *Отюцкий Г. П., Меликов И. М.* Миграционные войны как предмет социально-философского анализа // Социальная политика и социология. М.: Изд. Российский государственный социальный университет, 2017. Т. 16, № 5. С. 175—183.
5. Портал данных миграции. URL: [https://migrationdataportal.org/?i=stock\\_abs\\_&t=2019&m=2&sm49=39](https://migrationdataportal.org/?i=stock_abs_&t=2019&m=2&sm49=39) (дата обращения: 01.09.2020).
6. *Тонконогов А. В., Малюк М. В.* Миграционные войны как инструмент современной геополитики // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 4. С. 7—20.
7. *Chris McGreal.* Thousands Seek Sanctuary as South Africans Turn on Refugees. The Guardian, 19 May 2008. URL: <https://www.theguardian.com/world/2008/may/20/zimbabwe.southafrica> (дата обращения: 01.09.2020).
8. *Howard R. T.* Мы должны больше знать о «доктрине Фаллона». URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2017/02/23/need-know-fallon-doctrine/> (дата обращения: 01.09.2020).
9. *Rettman A.* Russia is real cause of EU border crisis, US says Обозреватель ЕС. URL: <https://euobserver.com/migration/147695> (дата обращения: 11.03.2020).
10. *Simon Romero & Daniel Politi.* Argentina's Trump-like Immigration Order Rattles South America. The New York Times, 4 February 2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/02/04/world/americas/argentinas-trump-like-immigration-order-rattles-south-america.html> (дата обращения: 01.09.2020).

УДК 1(091)(470)  
ББК 87.3(2)6-602  
DOI: 10.46726/H.2020.4.21

*В. П. Океанский, Ж. Л. Океанская*

### «СОФИЙНЫЕ СКАЗКИ»: ЛИВНЫ И ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

В статье представлен образ родины отца Сергея Булгакова, существенно определивший специфические особенности его интеллектуального наследия. Большое значение здесь имеют суггестивные образы царящей смерти и противостоящего ей женского начала, вплетённые в общую ткань церковного мировосприятия булгаковской семьи. Метафизически осмысленный опыт детства позволяет понять глубочайшую связь софиологических идей Булгакова и фундаментальной эсхатологии.

**Ключевые слова:** Родина, природа, красота, София, смерть, земля, небо, идиллия, эсхатология, ноосфера.

*V. P. Okeanskiy, Zh. L. Okeanskaya*

### «SOPHIA FAIRY TALES»: LIVNY AND THE LOSTEN PARADISE

The article presents the image of father SergiyBulgakov's homeland, which significantly determined the specific features of his intellectual legacy. Suggestive images of the reigning death and the opposing feminine principle, woven into the general fabric of the church worldview of the Bulgakov family, are of great importance here. The metaphysically meaningful experience of childhood makes it possible to understand the deepest connection between Bulgakov's sophiological ideas and fundamental eschatology.

**Key words:** Homeland, nature, beauty, Sophia, death, earth, sky, idilliya, eschatology, noosphere.

Отец Сергей Булгаков в середине тридцатых годов XX столетия осуществил миссионерскую поездку в Америку и, по его воспоминаниям, «в течение вынужденного досуга» с «еврейскими путешественниками», «сидя на немецком пароходе "Европа"» под красным «флагом со свастикой» [2, с. 114], написал удивительное эссе «Моя родина», посвященное жене. Его родной город Ливны и связанный с ним природно-человеческий мир раскрыты здесь как символический топос изначального истощения райского бытия: как откровение о смерти и раскрытие Софии в человеческой родине, ибо «только там родина, где есть смерть; и потому последнее слово о родине — о смерти» [2, с. 23]. Танатологическая тематика становится здесь сладостным наитием... Вдохновенно вспоминается «няня, Елизавета, сказочница»: «Как она умела рассказывать сказки, страшные, фантастические... софийные» [2, с. 22]; воспроизводится общая обстановка жизни старинной священнической семьи, где граничили друг с другом элементы ужаса и блаженства.

Метафизическая проблематика нашего комментирующего размышления состоит в раскрытии «кармического» давления именно такого образа

родины на всю последующую структуру булгаковского наследия: от раннего аграрного экономизма — через философию словесности и культуры, имени и хозяйства — к постижению «трагедии философии» и «софиологическому» богословию. Важнейшим для понимания обстоятельством является тот очевидный факт, что Ливны для Булгакова — изначально не были непосредственно райским местом земли, но представляли собою именно тот идиллический топос, символическая энергетика которого всецело свидетельствовала именно об онтологической утрате рая, прежде всего через вошедшую в человеческую жизнь смерть, как и её многоплановые образы и дуновения...

«Есть предустановленное для каждого откровение Софии в его рождении и в его родине» [2, с. 7], — сразу указывает отец Сергей, намечая далее сближение идиллических и эсхатологических начал в образе натальной топки: «Земля была исполнена и освящена человеческими останками, как некое кладбище с позабытым и оставленным алтарём» [2, с. 8]; «Сколько здесь было рождений и смертей, — тоже алтарь предков. <...> ...помню много, много похорон» [2, с. 8]. Смерть — лучшее, что было; остальное — короткие и долгие пути к ней...

Интересно, что деревенская органическая витальность (пушкинские «сельские права», которых «не ведаёт Москва») оказывается в зоне роковой недоступности, пробуждающей тоску обитателя городского захолустья по недоступным прелестям сельской жизни: «Мы были горожане в самом дурном смысле слова. От города мы не имели ничего положительного, но были лишены и не знали никогда прелестей деревенской жизни, никогда не переживали сельско-хозяйственного года, пашни, косьбы, уборки урожая, ничего, ничего. Поистине, с варварским равнодушием и вместе безразличием бедности мы никогда не живали в деревне (на «даче») и — самое большее, — мне случалось провести в деревне два-три дня, причём я изнывал от бессонницы, от жары, от непривычных условий жизни, от блох. ... Я замечал, что мужики так равнодушны к природе, хотя сами составляют её часть; они относятся к ней или как корыстные хозяева, или как... звери (в хорошем и плохом смысле слова)» [2, с. 10]. На периферии же детского сознания всё же оставалась высокая топка усадебных идиллий: «угодья... полумифических аристократов... представлялись сказкою нам, бедным поповичам» [2, с. 10—11].

И однако же, именно ускользящая гераклитовская природа, которая «любит скрываться», очень рано и властно — земным зеркалом небесной софийности! — входит в детскую душу, пробуждая в ней глубочайшее метафизическое воображение: «Мы в природе и в нас природа. И может ли быть... её мало? Она являлась царственно, тихо и прекрасно и приносила поэзию душе, будила в ней её грёзы. Как царица София она являлась мне, вдохновляя и не объясняя, лаская и не устрашая, сокровенная в своей Красоте и прекрасная Ею. И детская душа навсегда услышала, узнала, возлюбила и отдалась этому видению. ... Наши Ливны были для меня Китежем» [2, с. 11].

Этот мир благословенной земли имел и свой сакральный центр: «...родина моей родины, её святыня, была Сергиевская церковь... Для нас она была чем-то столь же данным и само собой разумеющимся, как и вся эта природа... тихою и смиренною красотой. Она, очевидно, представляла собою остаток древнего стиля...» [2, с. 12].

Именно здесь отец Сергей Булгаков прозревает истоки софийности, ставшей центральной темой его неоправославного богосмыслия и сакральной космологии: «Я никогда не задумывался о том, почему здесь соединены Сергиево и Успение, — явное созвучие Троице-Сергию в Лавре. Я не знал и не понимал,

что это был столь же Софийный храм, как и Успенский собор в Лавре; я не знал тогда, что я получил имя, был крещён и духовно рождён в *Софийном* храме, причтён к лику служителя Софии Премудрости Божией Преп. Сергия. Я не знал, что все мои вдохновения, которым в будущем суждено было развиваться в целую богословскую систему, в корне своём были всеяны в душу Промыслом Божиим в этом умильном храме» [2, с. 12]; «...другие храмы, как даже, напр., Кладбищенский, где служил мой отец, были как бы не храмы, полу-храмы, лишь это был настоящий. В нём душа *дышала* красотой. Он весь был голубой, софийный... <...> ...храм сам пел» [2, с. 12].

В полном, вполне дионисическом, контрасте с элегическими и одическими настроениями появляются сатирические образы: «гнусавый дьячок, бедный с красным носом, вероятно от выпивания»; «бас “Степаныч”, пьяница, неизвестно как существовавший» [2, с. 12]; «пропитый голос», «запой»; «диакон тоже пил» [2, с. 13] — принадлежащие энергетике нижнего мира... Однако же, «...храм стоял над рекой, на высоте... жил и дышал одной жизнью с природой. Во время великого поста, с его печальными, строгими звонами, дивно соединялась музыка бегущих весенних ручьёв, шорохи и шумы ледохода, ширь весеннего разлива, а позже и пасхальная радость нежной трепетной весны»; «...свежеющие лунные вечера над рекой с площадки около храма... Да, здесь я принял в сердце откровение Софии...» [2, с. 13].

Далее же у Булгакова возвращается, точнее — продолжается и символически укрупняется, танатологическая тематика: «Но наша церковная эстетика включала и “кладбище”, т. е. кладбищенскую церковь моего отца, которая находилась на другом конце города...» [2, с. 13]. «С “кладбищем” соединяется у меня ещё и небесная музыка сфер: когда ночью, во втором часу ехали на санях в праздник Рождества Христова или Крещения, то небесный свод сиял своею славою. Звёзды горели и посылали в душу свои ангельские звуки...» [2, с. 14].

В тон же хомяковской метафизической лирике, где «звёзды светят словно Божьи очи» [9, с. 107], Булгаков, однако, воспроизводит славянофильские и почвеннические социальные интонации в оркестровке символической метафизики земли: «Вместе с церковью я воспринял в душу и народ русский... никогда я не был слеп и глух к страданию народному, к неравенству и обиженности» [2, с. 14]; «Я всегда был народником, потому что был народен от рождения. Больше ничего у нас не было в детстве из области “культуры”: ни музыки, ни другого искусства, которого так жаждала душа. Но она была полна, потому что всё дано было в церкви, истина через красоту и красота в истине. Здесь, в Софийном храме Успения, я родился и определился, как читатель Софии, Премудрости Божией... И здесь я определился как русский, сын своего народа и матери — русской земли, которую научился чувствовать и любить на этой горке преп. Сергия и на этом тихом смиренномудром кладбище. И по велению Божию конец своего жизненного пути совершаю под кровом Успения-Сергия, хотя и в стране далёкой, в земле чужой, без аромата бархаток и резеды в августовский вечер...» [2, с. 15].

Вполне софийна и сакральна родословная отца Сергия: «я родился и вырос... в семье православного священника, в атмосфере дома-храма, как будто продолжавшего собою храм. По своему происхождению от отца я — левит до 6-го колена (приблизительно до времени Иоанна Грозного, когда — возможно — захудалый боярский сын с явной примесью татарской крови, по обычаю того времени, вступал в духовное сословие). По матери, вероятно, происхожу от левитско-дворянского рода, со следами утончённости (и, может

быть, некоторой дегенерации). Мой отец был смиренный и скромный священник, 47 лет прослуживший в своей кладбищенской (бесприходной) церкви с каждодневным служением, на панихидные гроши вскормивший и воспитавший всю нашу семью» [2, с. 15—16] — удивительно здесь это чистосердечное указание на смерть как единственный источник питания булгаковской семьи; становится тогда объясним общий танатологический настрой и понятны одические интонации в адрес смерти, уже не столько забирающей, сколько хранящей и дарующей...

Но и особая пасхальная метафизика раскрыта в этом опыте детства: «Как богата, глубока и чиста была эта наша детская жизнь, как озлащены были наши души этими небесными лучами, в них непрестанно струившимися... Пасха, когда мы не знаю где были: на небе или на земле» [2, с. 16]. «Словно хоровод небесных светил зажжены были в душе эти звёзды, и они не могли погаснуть даже во тьме безбожия...»; «...вся эта церковная, типиконская жизнь была обрамлена и связана с жизнью природы, которая в ней участвовала. Это был детский христианский “пантеизм”, софийное чувство жизни и мира. Это был простёртый над землёю свод небесный, навеки вечные вошедший в душу: небо и земля» [2, с. 16—17].

В эмоциональном контрасте с таким бытийным, софийно-космологическим, устройством души предстаёт у Булгакова бытовая и родовая план её укоренения: «...вся эта безмерная поэзия, радость озлащенной жизни соединялась с бытом прозаическим и суровым»; отмечаются «природная нервность, свойственная — в разной мере — и всем членам нашей семьи, особенно матери», «неудержимая склонность матери дарить, а для этого занимать (она была исключительно добра и в силу этого расточительна)»; «тяжёлые впечатления от “русской слабости”, нечуждой и нашему дому. Алкоголизм скопил две молодые жизни (моих братьев, по своему трогательных и благочестивых)... и только милостью Божьей и сам я спасся от этой гибели. Эти же заболевания моего отца, очевидно, унаследованы от предков...» [2, с. 17].

Указывая на многочисленных родных людей, Булгаков отмечает: «Все они... умерли в нашем доме» [2, с. 18], начиная с деда, который «был педагогом... до дна церковным»: «С его кончиной смерть впервые вошла в детское сознание...» [2, с. 18] — «дедушка говорил обо мне с порицанием: Булгаковская суровость. М. б., в последнем счёте это — татарская кровь» [2, с. 19]. И опять звучит мощнейший танатологический лейтмотив, переводящий элегическое начало в одическое и открывающий своеобразную софиологию похорон: «Хорошо в Ливнах хоронили: это прямо какой-то Египет. И прежде всего никакого страха перед смертью. С каким-то скорее радостным, важным чувством приходят родственники, а прежде всего, женщины обряжать покойника, молиться о нём, помогать на дому: особое вдохновение смерти входит в дом. А затем самые похороны в храме с несением по городу под погребальный перезвон колоколов, предание земле и почитание могилы, молитвенная память... Хорошо в Ливнах хоронят, и, если можно сказать про софийность и в похоронах, то скажу, софийно хоронят: печать вечности, торжество жизни, единение с природой: земля еси в землю отыдеш...» [2, с. 18]. В качестве религиозно-философской параллели этому вспоминается тезис В. В. Розанова «христианство есть культура похорон», столь впечатливший отца Георгия Флоровского [8, с. 460].

Между тем, в булгаковской автобиографической медитации указываются символические признаки софийности материнского начала, метафизически

противящегося подползающей смерти: «Мама была окрылённая», «при слабом её образовании... любила книгу и стихи»; её мировосприятие «можно было назвать поэзией жизни» [2, с. 19], «много курила» [2, с. 20]. «Старший брат Володя явился наиболее трагической жертвой наследственного алкоголизма. Он был прост сердцем, но неистов в страстях, алкоголь делал его безумным... Младший мой брат Миша, робкий и кроткий ребёнок... погиб от чахотки»: «Как ангел он был послан отряхнуть сокровище своей смерти в мою душу, пред тем как уйти из мира... Да, смерть была наша воспитательница в этом доме, как много было в нём смерти... в детстве смерть стояла к нам близко, никогда не отходя. Один за другим умерли два маленьких “Кузи” (в честь деда Косьмы Сергеевича). Мама не хотела уступить смерти, и после смерти одного Кузи наименовала тем же именем другого ребёнка, но умер и этот. Помню ночь с детским мёртвым телом в доме, и её плачь, ночные воюющие звуки... Это вкралось в сердце каким-то зовом и страхом и грозной памятью о вечности...» [2, с. 20—21].

От классической античности глубочайшее предписание оставил философам «божественный Платон» (так его проименовал Шопенгауэр): учиться философствовать — учиться умирать... Специфика же русской философии состоит в исходной апелляции именно к такой «освоенности с неизбежным», а потому «каждый человек, каждый простолюдин — философ, сам того не зная» [5, с. 302], — отмечал устами одного из героев повести «Исповедь мужа» наш «русский Ницше», К. Н. Леонтьев.

Ноосфера и смерть — в эту тему всегда будет упираться экзистенциально разбуженное сознание: поэтому «достоянье Достоевского» (так именовал новые поколения Андрей Вознесенский) — не проблема наступившей эпохи, но тема существа самого времени... Проблема прогорания времени — неоспоримое свидетельство невозможности ноосферного укоренения в мире как «скоропреходящем сновидении» и «скорооканчивающемся странствовании» [6, с. 790].

Для отца Сергея Булгакова она всегда стояла очень остро, будучи осмысленной прежде всего как тема неизбежного во времени страдания: «Если бы мы не были такие эгоисты, если бы мы не были заняты постоянно своими делами, то покой и счастье стали бы навсегда невозможны для нас. Стоит только открыть глаза и уши, прислушаться к голосам этого мира, мы услышим от всех времён и народов, от прошлого и настоящего нестерпимый стон, проклятия, жалобы, плач детей, мы почувствуем, что земля под нами пропитана кровью и весь этот мир и вся история есть одна мучительная трагедия. Мы не можем вынести и вместить этого сознания, мы слишком любим себя и свой покой, и только потому мы живём в относительном равновесии...» [3, с. 116—117] — так пишет он в статье «Венец терновый», посвящённой памяти Ф. М. Достоевского.

И прощаясь с миром своего детства, «на заре туманной юности», он фиксирует ту же тему смерти детей, оставшуюся для него существенной на всю земную жизнь: «...каждое утро этого трудного лета (я готовился к экзамену решавшему судьбу мою) начиналось для меня... этой мукой о подстреленном младенце»: «...самая тяжёлая рана была смерть Коли, прелестного, умного, одарённого мальчика в пятилетнем возрасте, общего любимца, с печатью херувима, предшественника нашего Ивашечки» [2, с. 21] — будущего сына отца Сергея, умершего после его рукоположения, в Крыму, названном здесь «второй родиной... также с ангелом смерти» [2, с. 23]...

Возвращаясь к образу земной родины, Булгаков восклицает: «Всё это — Ливны. Сокровище души моей. Капли небесной росы, которые падали в себялюбивое, но всё же не мёртвое сердце и, прожигая его, ложились в него бриллиантами. Сейчас кажется, что все они не для себя умерли, а для меня умирали, как какая-то жертва любви ко мне. И не явится ли за гранью земной жизни явью эта тайна любви...» [2, с. 21].

Отец Сергей, подытоживая свой опыт детства, проникновенно пишет о главном: «клик жизни нашей был суров и важен»: «ангел смерти неотступно стоял над нашим домом» [2, с. 21] — заметим, что это был мир, исходно отмеченный подлинной (!) философией, а не головными побрякушками...

Вместе с тем, Булгаковым особо отмечен впечатляющий кенотизм бытия и быта своих земляков: «Ливенцы жили... в великой бедности и убожестве. Это был город не крестьян, людей производительного труда, и не купцов, и не дворян, но мелких мещан»; «...никакой обеспеченности. Это было ниже, чем пролетарии, трясущееся приниженное существование...» [2, с. 22] — и однако сквозь всё это постепенно раскрываются Небесные Ливны и их до конца непостижимый на земле Сверхсмысл: «...какая-то смиренная простота, с которой несли своё существование, да кротость. Это то, что я унёс со своей родины» [2, с. 23]; «...моя родина есть прекрасный дар Божий... как первозданная улыбка Софии Божественной, которой она позвала, приласкала меня как младенца, и тихим, тихим шёпотом сказала мне своё имя. Этот шёпот был тих, и Царица была закутана в рубище поверх своей царственной ризы, но я полюбил её на всю жизнь, и всю жизнь искал встречи с ней, хотел узнать её имя» [2, с. 23]; «...ложные обманные следы для меня гасли вместе с видимыми красотами, и душа прозревала вечное и нездешнее. И теперь, на пороге иной, и новой жизни я возвращаюсь сердцем на эту мою родину и узнаю её Имя. Узнать его значит перейти в другой мир. Не увидеть мне Ливны в этой жизни» [2, с. 23].

Булгаков пишет эти строки уже в контексте своей софиология смерти, когда тяжкие болезни сразили его и обрекли на мучительные операции: «ангел смерти ещё раз приблизился ко мне» [2, с. 24] — однако суждено ему было и после этого на десяток лет вернуться к земному служению: учёным трудам, герменевтике Апокалипсиса и церковным молитвам...

В завершении необходимо сказать, что в целом софиология — это булгаковское учение о синергии Творца и твари, о мистической связи Бога и космоса; ис именем отца Сергея Булгакова (1871—1944) соотносят ту неоправославную линию в истории русской религиозной мысли, которая получила название софиологии, но была многократно осуждаема различными авторами за антропокосмический крен в ортодоксальном богословии: «Центральной проблемой софиологии, — писал сам Булгаков, — является вопрос об отношении Бога и мира, или — что по существу является тем же самым — Бога и человека... В софийном миропонимании лежит будущее Христианства. Софиология содержит в себе узел всех теоретических и практических проблем современной христианской догматики и аскетики. В полном смысле слова она является богословием Кризиса (суда) — но в смысле спасения, а не гибели. И в конце мы обращаемся к потерявшей свою душу, обессиленной обмирщением и язычеством культуре, к нашей исторической трагедии, которая кажется безвыходной. Исход может быть найден через обновление нашей веры в софийный, богочеловеческий смысл истории и творчества» [4, с. 104, 107].

Интересно, что критиковавший Булгакова крупнейший православный богослов XX века В. Н. Лосский, однако, писал своему протестантскому коллеге:



«софиологическая проблематика найдёт своё разрешение», «отец Сергей поставил правильные вопросы» [1, с. 230]. Остаётся именно проблема имманентности и трансцендентности Софии; и — в пику другому критику софиологии отца Сергея Е. Н. Трубецкому, согласно которому «София в понимании Булгакова божественной полнотой не обладает» [7, с. 126] — важна как раз её космологическая доступность в качестве лестницы преодоления тяжести мира на пути к Абсолюту. Кстати говоря, здесь софиология по-своему смыкается с ноосферной проблематикой... Но если последняя говорит в пользу прогрессистского оптимистического самоутверждения человечества на земле и в космосе — то первая даёт глубокие основания для метафизического оправдания пессимизма... Что в ближайшем и более отдалённом будущем окажется важнее? — на самом деле это выходит за пределы нашей с Вами научной компетенции.

#### Список литературы

1. *Бобринский, протопресвитер Борис*. Отец Сергей Булгаков. Тайнозритель Премудрости Божией // Два Булгакова. Разные судьбы / под ред. Ю. М. Осипова, Е. С. Зотовой: в 2 кн. Кн. 1: Сергей Николаевич. М.: МГУ; Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2002. 260 с.
2. *Булгаков, отец Сергей*. Автобиографические заметки (Посмертное издание). Париж: YMCA-PRESS, 1991. 165 с.
3. *Булгаков С. Н.* Венец терновый // Булгаков С. Н. Моя Родина. Избранное / сост. А. П. Олейникова, Л. А. Беляева, А. Ю. Максимов. Орёл: Изд-во Орловской государственной телерадиовещательной компании, 1996. 240 с.
4. *Булгаков С. Н.* Центральная проблема софиологии // Русские философы (конец XIX — середина XX века): антология. Вып. 1. М., 1993. С. 104—108.
5. *Леонтьев К. Н.* Исповедь мужа // Леонтьев К. Н. Египетский голубь: Роман, повести, воспоминания. М.: Современник, 1991. 528 с.
6. *Святитель Игнатий Брянчанинов, епископ Кавказский и Черноморский*. Творения: Аскетические опыты. М.: Лепта, 2001. 864 с.
7. *Трубецкой Е. Н.* Смысл жизни. М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. 544 с.
8. *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. Париж: YMCA-PRESS, 1937. 574 с.
9. *Хомяков А. С.* Ночь // Хомяков А. С. Избранное. Тула: Приокское книжное издательство, 2004. 544 с.

## **КОНФЕРЕНЦИЯ «ЯЗЫКИ И КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ» В ИВАНОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

### **CONFERENCE “LANGUAGES AND CULTURES IN CONTEMPORARY WORLD” IN IVANOV STATE UNIVERSITY**

Современная реальность в условиях COVIDa трансформировала жизнь людей, внеся коррективы во многие сферы деятельности, в том числе научную. После переноса с весны значимая международная конференция, посвященная вопросам языков и культуры, состоялась в Иваново, но в онлайн формате. 26—27 сентября 2020 г. Ивановский государственный университет стал площадкой XV Международной научно-практической конференции Национального общества прикладной лингвистики «Языки и культуры в современном мире». Мероприятие также стало возможно благодаря совместным действиям и поддержке со стороны давних партнеров ИвГУ: Государственного социально-гуманитарного университета, Союза переводчиков России и Ереванского государственного университета языков и социальных наук имени В. Я. Брюсова.

Конференцию открыли с приветственным словом временно исполняющий обязанности ректора Ивановского государственного университета, заведующий кафедрой непрерывного психолого-педагогического образования, кандидат педагогических наук, доцент А. А. Малыгин и ректор Государственного социально-гуманитарного университета, доктор экономических наук, профессор Ж. К. Леонова. К собравшимся также обратилась С. Г. Тер-Минасова, президент-основатель Национального общества прикладной лингвистики, доктор филологических наук, заслуженный профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, президент-основатель факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Необходимо подчеркнуть, что данная представительная конференция объединила людей, активно занимающихся развитием филологических наук. В работе конференции приняли участие более 300 человек их разных российских и зарубежных вузов. На пленарной сессии выступили известные исследователи (С. Г. Тер-Минасова, О. М. Карпова, Ф. И. Карташкова, Е. А. Красина, О. А. Леонтович, А. П. Миньяр-Белоручева, Л. В. Полубиченко, З. Г. Прошина, С. В. Титова, О. Менагаришвили, Т. П. Третьякова, М. И. Киосе, А. И. Комарова, О. С. Чеснокова, Н. В. Юдина, О. Ю. Иванова, Н. А. Ахренова, Т. Н. Акишина и др). В своих докладах ученые осветили наиболее актуальные вопросы современной лингвистической науки: от вопросов переводоведения, лексикографии, дискурсных исследований и медиа-лингвистики до методических и лингводидактических аспектов, таких как

преподавание иностранных языков на уровне высшего образования сегодня, цифровое лингвистическое образование, формирование речевого портрета студента вуза, стороны обучения межкультурной коммуникации в рамках преподавания иностранных языков в эмпирических программах нового поколения и т. п. Важным направлением работы конференции стала литературоведческое собрание «И. А. Бунин: Русская и национальные литературы».

Первый день конференции завершился интересными и практико-ориентированными мастер-классами об использовании параллельного корпуса в обучении иностранным языкам (С. А. Маник, Е. А. Полякова и А. В. Белозерова), о пошаговом моделировании и составлении учебно-ориентированного словаря LSP (Е. В. Орлова, М. А. Кулагина) и о вики-технологии в преподавании иностранного языка в условиях смешанного и дистанционного обучения (И. В. Харламенко).

Второй день конференции был посвящен работе секций: «Судьбы национальных языков и культур в глобальном мире», «Язык, культура, коммуникация», «Информационно-коммуникативные технологии в преподавании и прикладной лингвистике», «Методика преподавания иностранных языков», «Лексикология, терминография и лексикография», «Русистика в современном мире и литературоведение», «Стилистика и анализ дискурса», «Перевод и переводоведение». На них были обсуждены различные вопросы теоретической и прикладной лингвистики, методики, переводоведения, дискурсологии и т. п., представлены результаты научных изысканий по самым актуальным аспектам. Молодые исследователи также получили возможность обсудить свои проекты на молодежной секции «Прикладная лингвистика сегодня и завтра».

По итогам конференции отобранные оргкомитетом оригинальные доклады, доработанные и оформленные в соответствии с требованиями, будут опубликованы в журнале «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики», индексируемого в ВАК, в Вестнике Ивановского государственного университета, а также печатном сборнике материалов. Все участники получили сертификаты участия.

Благодарим всех участников и гостей конференции за значительный вклад и интересные доклады, которые превратили данное событие в крайне актуальное и плодотворное мероприятие.

**С. А. Маник,**  
*директор Института гуманитарных наук,  
доктор филологических наук, доцент*

**ПРЕПОДАВАТЕЛИ ИВГУ  
НА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ  
«MODERN ISSUES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES»**

**IVSU PROFESSORS AT THE INTERNATIONAL CONFERENCE  
«MODERN ISSUES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES»**

29—31 октября 2020 г. состоялась XXI ежегодная конференция Umbrella Национальной ассоциации преподавателей английского языка.

Конференция «Modern Issues in Teaching Foreign Languages», официальной площадкой которой стал Курский государственный университет, носила международный статус и была посвящена новым технологиям в обучении иностранным языкам, развитию профессиональных и культурных компетенций учащихся, общелингвистическим вопросам. Она прошла в онлайн-формате и объединила свыше 350 ученых-лингвистов, мэтров методики преподавания, а также вузовских преподавателей и школьных учителей английского языка со всех уголков России. Отрадно, что в конференции активно участвовали студенты языковых факультетов классических университетов и педагогических вузов.

Участников конференции приветствовала региональный руководитель Офиса английского языка Посольства США в Таллинне Келли Оду и Почетный президент и основатель Национальной Ассоциации преподавателей английского языка, Заслуженный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова Светлана Григорьевна Тер-Минасова. В качестве основных спикеров были приглашены ученые-практики из Канзасского университета (США), Университета Коста-Рики (Коста-Рика), Сегедского университета (Венгрия), представители издательства Cambridge (Великобритания). Они рассказали о современных инструментах онлайн-обучения и успешных форматах смешанного обучения, об инновационных системах контроля и оценки знаний учащихся и способах повышения мотивации студентов, о новинках учебной литературы по подготовке к сдаче международных экзаменов и др.

Ивановский государственный университет и Ивановскую областную ассоциацию преподавателей английского языка IVELTA, объединяющую почти сто единомышленников, представляли руководитель НОЦ «Современная российская и европейская лексикография», президент IVELTA проф. О. М. Карпова, директор Института гуманитарных наук доц. С. А. Маник, и. о. зав. кафедрой зарубежной филологии доц. Е. А. Шилова, доценты этой же кафедры Е. Н. Пастухова, Е. А. Полякова, А. В. Белозерова и Е. М. Григорьева.

С. А. Маник, Е. А. Полякова и А. В. Белозерова провели мастер-класс «Использование параллельного корпуса в обучении иностранным языкам: на материале параллельного корпуса общественно-политических текстов», который вызвал значительный интерес аудитории. Е. Н. Пастухова выступила с докладом на тему «Использование дидактического потенциала “Словаря древне-английского языка” (The Dictionary Of Old English) в преподавании дисциплины “История английского языка”». Е. А. Шилова рассказала о новейших англицизмах в лексике отечественного туризма, подробно остановившись на лингводидактических аспектах освоения категориально-понятийного аппарата сферы профессиональной деятельности будущих специалистов.

На конференции был дан старт ежегодному национальному онлайн проекту «iTravel — Russia», в котором студенты ИвГУ уже дважды принимали участие, а в конкурсе, посвященном юбилею Великой Победы, стали призерами, создав информативные и одновременно трогательные видео ролики о вкладе Ивановской области в Победу над фашизмом. В этом году организаторы конкурса не могли обойти стороной проблему текущей глобальной пандемии, обозначив тему как «Peculiarities of New Normal under Pandemia: My Experience», что, на наш взгляд, предоставляет потенциальным участникам широкое поле для творчества. Надеемся, что и в этот раз наши студенты достойно представят вуз.

В последний день конференции на общем собрании Национальной ассоциации преподавателей английского языка представители ИвГУ предложили Иваново в качестве города проведения конференции Umbrella в 2021 году. Руководство вуза предварительно обещало поддержку инициативы, поскольку проведение столь представительного научного форума, безусловно, будет способствовать укреплению положительного имиджа университета.

*Е. А. Шилова,*

*и. о. заведующего кафедрой зарубежной филологии ИвГУ*

## **ИВАНОВСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ШКОЛА НА МЕЖДУНАРОДНОМ САММИТЕ В КАЗАНИ**

### **IVANOVO LEXICOGRAPHIC SCHOOL IN INTERNATIONAL KAZAN SUMMIT**

16—20 ноября 2020 года прошел Казанский международный лингвистический саммит «Вызовы и тренды мировой лингвистики» на базе Казанского федерального университета. Соорганизаторами выступили: Постоянный международный комитет лингвистов, Институт языкознания Российской академии наук и Институт лингвистических исследований Российской академии наук. Данное крупное международное событие стало возможно при поддержке партнеров компании Microsoft, Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, Российского общества преподавателей русского языка и литературы.

Важно подчеркнуть, что Казанский международный лингвистический саммит является одним из подготовительных этапов к проведению в России, впервые за всю историю, Международного конгресса лингвистов (ICL21), который объединяет мировое профессиональное сообщество лингвистов 34 ведущих стран мира. В Казанском саммите приняли участие многие признанные во всем мире российские и зарубежные ученые: директор Института языкознания РАН, профессор А. А. Кибрик; член-корреспондент РАН, заведующий отделом языков народов России, директор Института лингвистических исследований РАН Е. В. Головкин; директор лаборатории дидактики и образовательных технологий (SoLET) Университета штата Аризона (США),

профессор Даниэль Макнамара; старший научный сотрудник Отдела лингвистической и культурной эволюции Института Макса Планка по науке истории человечества (Германия) Иоганн-Маттис Лист; руководитель лаборатории когнитивной неврологии, профессор когнитивной психологии Университета Удине (Италия) Андреа Марини; профессор кафедры славистики Института славистики Университета Вены (Австрия) Роман Кривко; профессор русского языка Университета Тромсё — Арктического университета Норвегии Лаура Джанда; научный сотрудник Центра лингвистики Лейденского университета (Нидерланды) Сорен Вихманн; профессор кафедры лингвистики и сравнительных культурных исследований Университета Ка Фоскари (Италия) Алессандро Мария Бруни; заведующий лабораторией нейропсихологии факультета психологии МГУ, профессор Т. В. Ахутина; член-корреспондент РАО, профессор кафедры общего языкознания СПбГУ, заведующий лабораторией когнитивных исследований и кафедрой проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук СПбГУ Т. В. Черниговская; ведущий научный сотрудник Отдела культуры русской речи Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, руководитель Школы лингвистики НИУ ВШЭ, профессор Е. В. Рахилина и др.

Представили ивановской лексикографической школы профессора О. М. Карповой приняли участие в данном представительном научном мероприятии и блестяще выступили с докладами на разных секциях. Так, О. М. Карпова представила результаты своих исследований на секции «Традиционная лингвистика и её цифровая трансформация», С. А. Маник и Н. А. Шамова — на секции «Математическая, квантитативная и компьютерная лингвистика», Е. А. Шилова и Е. М. Григорьева — «Когнитивная лингвистика», А. В. Краснова — «Языковое образование в пандемическом и постпандемическом мире».

Тематика Саммита варьировалась от исторической и традиционной лингвистики до психолингвистики и нейролингвистики, когнитивной лингвистики и компьютерной лингвистики, а также множества других тем. Почти все исследования, представленные на саммите, являются актуальными и инновационными, носят антропоцентричный и междисциплинарный характер, что отражает тенденции развития современной науки.

Благодарим коллег из Казанского (Приволжского) федерального университета за отличную организацию такого крупного международного мероприятия!

**С. А. Маник,**  
*директор Института гуманитарных наук,  
доктор филологических наук, доцент*

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

---

**АНДРЕЯНОВА Елена Евгеньевна** — аспирант кафедры отечественной филологии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, lenaluna139@yandex.ru

**ANDREYANOVA Elena Evgenievna** — Postgraduate student of the Department of Russian Philology, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, lenaluna139@yandex.ru

**БАЛДИН Кирилл Евгеньевич** — доктор исторических наук, профессор, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kebaldin@mail.ru

**BALDIN Kirill Yevgenyevich** — Doctor of Science (History), Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, kebaldin@mail.ru

**БОГАТИКОВА Юлия Александровна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий, НИТУ «МИСиС», г. Москва, Россия, bogatikova@gmail.com

**BOGATIKOVA Julia Alexandrovna** — Candidate of Science (Philology), Associate Professor at the Department of Foreign Languages and Communicative Technologies, NUST “MISiS”, Moscow, Russia, bogatikova@gmail.com

**БРАГИН Андрей Витальевич** — доктор философских наук, профессор, сотрудник НОЦ «Комплексные ноосферные исследования», Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, anvibr@mail.ru

**BRAGIN Andrey Vitalievich** — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Senior researcher of the «Complex Noospheric Research» Scientific and Educational Center, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, anvibr@mail.ru

**ВАВИЛОВА Елена Юрьевна** — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Ярославский государственный технический университет, г. Ярославль, Россия, vavilovaey@mail.ru

**VAVILOVA Elena Yuryevna** — Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Humanities, Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russia, vavilovaey@mail.ru

**ГАВРИКОВ Виталий Александрович** — доктор филологических наук, профессор кафедры государственного, муниципального управления и управления персоналом, Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Брянск, Россия, yarosvettt@mail.ru

**GAVRIKOV Vitaliy Alexandrovich** — Doctor of Science (Philology), Professor, Department of State and Municipal Management, Personnel Management, Bryansk Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Bryansk, Russia, yarosvettt@mail

**КАЛИНИНА Светлана Валентиновна** — аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, Россия, movable@yandex.ru

**KALININA Svetlana Valentinovna** — Post graduate student, Leningrad State University named after A. S. Pushkin, Saint Petersburg, Russia, movable@yandex.ru

**КОЦЮБИНСКАЯ Любовь Вячеславовна** — кандидат филологических наук, доцент декан факультета иностранных языков, зав. кафедрой перевода и переводоведения, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, Россия, luba.74@mail.ru

**KOTSYUBINSKAYA Lyubov Vyacheslavovna** — Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Dean of the Faculty of Foreign Languages, Head of Department of Translation and Translation Studies, Leningrad State University named after A. S. Pushkin, Saint Petersburg, Russia, luba.74@mail.ru

**ЛАВРЕНТЬЕВА Наталья Владимировна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань, Россия, n.lavrenteva@365.rsu.edu.ru

**LAVRENT'eva Natalia Vladimirovna** — Candidate of Science (Philology), Associate Professor of the Department of Journalism, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russia, n.lavrenteva@365.rsu.edu.ru

**ЛЕТИНА Наталия Николаевна** — доктор культурологии, профессор кафедры культурологии, Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия, liotina@yandex.ru

**LETINA Nataliya Nikolaevna** — Doctor of Cultural Studies, Professor, Chair of Cultural Studies Department, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia, liotina@yandex.ru

**МАНИК Светлана Андреевна** — доктор филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, директор Института гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, maniksa@ivanovo.ac.ru

**MANIK Svetlana Andreevna** — Doctor of Science (Philology), Associate Professor of Foreign Philology Department, Director of the Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, maniksa@ivanovo.ac.ru

**МАТВЕЕВ Алексей Александрович** — стажер-исследователь НОЦ «Комплексные ноосферные исследования», Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, matveffal@mail.ru

**MATVEEV Alexey Alexandrovich** — Intern-Researcher of the «Complex Noospheric Research» Scientific and Educational Center, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, matveffal@mail.ru



**МЕРКУШОВ Станислав Фёдорович** — кандидат филологических наук, Тверской государственный университет, главный специалист Центра русского языка и культуры, г. Тверь, Россия, stas2305@gmail.com

**MERKUSHOV Stanislav Fedorovich** — Candidate of Science (Philology), Chief specialist of the Center of Russian Language and Culture, Tver State University, Tver, Russia, stas2305@gmail.com

**НАЗАРОВ Максим Алексеевич** — независимый исследователь, г. Волжский, Россия, maksim0914@gmail.com

**NAZAROV Maxim Alekseevich** — Independent Researcher, Volzhsky, Russia, maksim0914@gmail.com

**ОКЕАНСКИЙ Вячеслав Петрович** — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и изобразительного искусства, Шуйский филиал Ивановского государственного университета, г. Шуя, Россия, ocean\_65@mail.ru

**ОКЕАНСКИЙ Vyacheslav Petrovich** — Doctor of Science (Philology), Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Visual Arts, Ivanovo State University (Shuya Branch), Shuya, Russia, ocean\_65@mail.ru

**ОКЕАНСКАЯ Жанна Леонидовна** — доктор культурологии, профессор кафедры иностранных языков и профессиональных коммуникаций, Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Иваново, Россия, ocean\_2004@mail.ru

**ОКЕАНСКАЯ Zhanna Leonidovna** — Doctor of Cultural Studies, Professor of the Department of Foreign Languages and Professional Communications, Ivanovo Academy of the State Fire Service of the Emergencies Ministry of Russia, Ivanovo, Russia, ocean\_2004@mail.ru

**ОКОЛОТИН Владимир Сергеевич** — доктор исторических наук, доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru

**OKOLO TIN Vladimir Sergeevich** — Doctor of Science (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, okolotin.vladimir@yandex.ru

**ОЩЕПКОВА Виктория Владимировна** — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии, Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия, oschep2014@yandex.ru

**OSCHEPKOVA Viktoriya Vladimirovna** — Doctor of Science (Philology), Professor, Head of the Department of English Philology, Moscow Region State University, Moscow, Russia, oschep2014@yandex.ru

**ПЕТРЯКОВ Леонид Джоржович** — доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны Министерства обороны Российской Федерации, г. Ярославль, Россия, tkstudia@yandex.ru

**PETRYAKOV Leovid Dzhorzhevich** — Doctor of Science (Philosophy), Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences, Yaroslavl Higher Military School of Air Defense of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Yaroslavl, Russia, tkstudia@yandex.ru

**СОЛОВЬЕВА Наталия Владимировна** — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии, Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия, natavs@list.ru

**SOLOVYEVA Nataliya Vladimirovna** — Doctor of Science (Philology), Professor of the Department of English Philology, Moscow Region State University, Moscow, Russia, natavs@list.ru

**СУХОВА Наталья Витальевна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий, заместитель заведующего кафедрой по науке, Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», г. Москва, Россия, sukhova.natalya@gmail.com

**SUKHOVA Natalya Vitalyevna** — Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Department of Modern Languages and Communication, National University of Science and Technology "MISIS" Deputy Head of the Department for Research, Moscow, Russia, sukhova.natalya@gmail.com

**ТИМОЩУК Алексей Станиславович** — доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир, Россия, ys@abhinanda.elcom.ru

**TIMOSCHUK Alexey Stanislavovich** — Doctor of Science (Philosophy), Professor of the Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Department, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia, ys@abhinanda.elcom.ru

**ТРОФИМОВА Наталья Николаевна** — кандидат юридических наук, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир, Россия, human@vui.vladinfo.ru

**TROFIMOVA Natalya Nikolaevna** — Candidate of Science (Law), Chair of the Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Department, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia, human@vui.vladinfo.ru

**ТРЯСКОВА Юлия Максимовна** — студентка, Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия, piero.doll@yandex.ru

**TRYASKOVA Yulia Maksimovna** — Student, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia, pie-ro.doll@yandex.ru

**ХОЛОДОВА Зинаида Яковлевна** — доктор филологических наук, профессор, научный сотрудник Научно-образовательного центра интеграции науки и образования, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kholodova\_z@rambler.ru

**KHOLODOVA Zinaida Yakovlevna** — Doctor of Science (Philology), Professor, Researcher at the Scientific and Educational Center for the Integration of Science and Education, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, kholodova\_z@rambler.ru

**ХРИСТЕНКО Дмитрий Николаевич** — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Ярославский государственный медицинский университет, г. Ярославль, Россия, khristenko1983@mail.ru

**KHRISTENKO Dmitrii Nikolaevich** — Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Yaroslavl State Medical University, Yaroslavl, Russia, khristenko1983@mail.ru

**ЦИВИЛЕВА Валентина Евгеньевна** — студентка, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, valentinatsivileva@mail.ru

**TSIVILEVA Valentina Yevgenyevna** — Student, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, valentinatsivileva@mail.ru

**ШИЛОВА Екатерина Анатольевна** — кандидат филологических наук, и. о. заведующего кафедрой зарубежной филологии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, shilova\_ivsu@mail.ru

**SHILOVA Ekaterina Anatolyevna** — Candidate of Science (Philology), acting Head of Foreign Philology Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, shilova\_ivsu@mail.ru

**ЮДИН Кирилл Александрович** — кандидат исторических наук, исполнитель по гранту, Санкт-Петербургский государственный университет, доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kirill-yudin.hist@mail.ru

**YUDIN Kirill Alexandrovich** — Candidate of Science (History), grant performer, Saint Petersburg State University, Associate Professor of the Department of Russian History Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, kirill-yudin.hist@mail.ru

# ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ»

---

*Научный журнал «Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки» учрежден Ивановским государственным университетом. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-60993 от 5 марта 2015 г.), в Международном центре ISSN (номер 2219-5254) и Национальном агентстве ISSN (номер 2500-2791 (online)).*

Журнал размещается в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU, включен в систему РИНЦ (Российского индекса научного цитирования). Полнотекстовые версии статей доступны на сайте Научной электронной библиотеки: <https://elibrary.ru/contents.asp?titleid=32858> и Ивановского государственного университета: [http://ivanovo.ac.ru/about\\_the\\_university/science/magazines/herald/humanities/index.php](http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php)

Журнал публикует оригинальные статьи в области гуманитарных наук, а также материалы, посвященные актуальным гуманитарным проблемам (публикации, обзоры, хронику научной жизни, рецензии и др.).

Периодичность издания – четыре номера в год.

Редакция принимает к публикации материалы, соответствующие специализации журнала, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости, ранее не опубликованные в других изданиях.

Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

Все публикации проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее 70 %.

Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде** по адресу:

**vestnik.ivgu@mail.ru**

(ответственному секретарю Олегу Сергеевичу Горелову).

Материалы, представляемые в редакцию, должны быть оформлены в виде следующих файлов:

1) текст статьи с аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языке;

2) сведения об авторе (фамилия, имя, отчество; ученые степень и звание, должность и место работы / учебы или соискательства – на русском и английском языках; домашний и служебный адреса, номера контактных телефонов, адрес электронной почты);

3) отзыв научного руководителя / консультанта для аспирантов и соискателей (отсканированный вариант с подписью и с печатью).

### Требования к оформлению статей

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля: верхнее – 2,7 см, левое и правое – 4 см, нижнее – 4,6 см; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 11; межстрочный интервал – одинарный; абзацный отступ – 1 см.

Минимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и списком литературы – не менее 12 тыс. знаков. Максимальный объем текста статьи – не более 30 тыс. знаков с пробелами. Статьи большего объема могут приниматься в случае мотивированной необходимости представить развернутые результаты исследования, а также при высокой теоретической и/или практической значимости публикации.

#### Материал должен быть оформлен в следующей последовательности:

В верхнем левом углу индексы УДК и ББК.

На следующей строке в верхнем правом углу *полужирным курсивом* (Times New Roman 12) – *инициалы и фамилия автора* статьи на русском и английском языках.

Через интервал название статьи – выравнивание по левому краю, **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ, полужирным шрифтом**, Times New Roman 12 – на русском и английском языках.

Через интервал аннотация на русском и английском языках (150–250 слов) – Times New Roman 10; словосочетание «*ключевые слова*» и «*key words*» – *полужирным курсивом* – Times New Roman 10, сами ключевые слова и/или словосочетания на русском и английском языках (5–6) – Times New Roman 10.

Далее через интервал – основной текст.

После основного текста через 1 интервал следует *Список литературы* (Times New Roman 10, ФИО авторов *курсивом*). Список литературы формируется по алфавитному принципу, нумерация порядковая.

Ссылки в тексте статьи приводятся в **квадратных** скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1–2003, 7.0.5–2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс – даты обращения.

Дополнительные рекомендации:

- для выделения слов, фрагментов текста можно использовать курсив, подчеркивание. Разбивка не допускается;
- переносы только автоматические;
- сноски для примечаний постраничные, ставятся автоматически;
- между инициалами и фамилией ставится непрерывный пробел (shift + ctrl + пробел);
- при цитировании используются кавычки «», при внутреннем цитировании ставятся “ ”;
- должно соблюдаться пунктуационное и графическое отличие «—» (тире: ctrl + alt + минус на правой числовой клавиатуре) от «-» (дефиса);

- для обозначения промежутка между датами, номерами страниц и т. п. используется «—» (тире). Например, 1920—1930 гг., с. 258—259;
- все текстовые примеры на иностранных языках должны быть снабжены русским подстрочником.

### Порядок рецензирования рукописей статей

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят независимое рецензирование.

Статьи аспирантов и соискателей принимаются и передаются на рецензирование только при наличии положительного отзыва научного руководителя/консультанта. Сопроводительные документы должны быть подписаны и заверены печатью (присылаются сканом на электронную почту).

О поступлении статьи и ее дальнейшем рецензировании ответственный секретарь сообщает авторам по электронной почте. Если формальные требования к материалам, представленным на публикацию, не выполнены, то статья к публикации не принимается «по формальным признакам» и об этом сообщается автору.

Рецензирование проводится конфиденциально для автора рукописи, носит закрытый характер. Для проведения рецензирования рукописей статей в качестве рецензентов могут привлекаться как члены редакционной коллегии журнала, так и высококвалифицированные ученые и специалисты, в том числе из других организаций.

Рецензент оценивает: соответствие содержания статьи ее названию; актуальность и новизну рассматриваемой в статье проблемы, обоснованность и продуктивность методов исследования объекта, оригинальность решения проблемы и значимость полученных выводов, логику и стиль изложения, цельсообразность публикации статьи.

Копии рецензий направляются в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию соответствующего запроса.

Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются с учетом создания условий для оперативной публикации статьи, но не более 6 месяцев.

При наличии отрицательной рецензии на рукопись статья отклоняется с обязательным уведомлением автора о причинах такого решения. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Не допускаются к публикации в научном журнале статьи:

- содержащие ранее опубликованный материал;
- содержащие недобросовестные заимствования;
- представленные без соблюдения правил оформления публикаций;
- авторы которых отказываются от технической доработки публикации;
- авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументировано не опровергают их;
- представляющие собой отдельные этапы незавершенных исследований.

Редколлегия имеет право на собственное редактирование присланной рукописи без ущерба для ее содержания и авторского стиля.

Редколлегия журнала не хранит и не возвращает рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического или технического уровня.

### Редакционная этика

Редакция журнала руководствуется рекомендациями Международного комитета по публикационной этике (COPE). В соответствии с этим сформированы следующие *этические правила сотрудничества редколлегии и авторов*.

#### Для авторов:

- авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации, а также за сведения о себе;
- автор подтверждает, что его материалы публикуются впервые, не представлены в несколько журналов одновременно, а также не содержат плагиат в какой-либо форме;
- все лица, внесшие значительный вклад в создание статьи, должны быть указаны как соавторы;
- авторы обязаны раскрывать в своих рукописях финансовые или любые другие существующие конфликты интересов, которые могут быть восприняты как оказавшие влияние на результаты или выводы, представленные в работе;
- авторы имеют право использовать материалы журнала в их последующих публикациях при условии, что будет сделана ссылка на публикацию в «Вестнике ИвГУ».

#### Для редколлегии:

- журнал не сотрудничает с посредническими организациями и работает напрямую с авторами. В работе с ними редколлегия соблюдает принципы корпоративной этики;
- редакция журнала оценивает интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, гендерной идентичности, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства или политических предпочтений авторов;
- неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, не могут быть использованы членами редколлегии в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов);
- если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

**Для рецензента:**

- рецензент обязан давать объективную оценку, ясно и аргументированно выражать свое мнение, неприемлема персональная критика автора(ов);
- рецензентам следует выявлять значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не включенные в библиографию к рукописи. Рецензент должен также обращать внимание главного редактора на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере научной компетенции рецензента;
- неопубликованные данные, полученные из представленных к рассмотрению рукописей, рецензент не может использовать в личных исследованиях без письменного согласия автора(ов);
- рецензенты не должны участвовать в рассмотрении рукописей в случае наличия конфликтов интересов вследствие конкурентных, совместных и других взаимодействий и отношений с любым из авторов, компаниями или другими организациями, связанными с представленной работой.

По всем вопросам обращаться в редакцию журнала.

E-mail: [vestnik.ivgu@mail.ru](mailto:vestnik.ivgu@mail.ru)

Адрес редакции: 153025, Россия, г. Иваново, ул. Ермака, д. 37/7, к. 406.

Более подробная информация – на сайте Ивановского государственного университета: [http://ivanovo.ac.ru/about\\_the\\_university/science/magazines/herald/humanities/index.php](http://ivanovo.ac.ru/about_the_university/science/magazines/herald/humanities/index.php)



**ВЕСТНИК  
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**Серия «Гуманитарные науки»  
2020. Вып. 4**

*Издается в авторской редакции*

директор издательства *Л. В. Михеева*  
технический редактор *И. С. Сибирева*  
компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 29.12.2020 г.

Формат 70 × 108<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бумага писчая. Печать плоская. Усл. печ. л. 15,4.  
Уч.-изд. л. 12,3. Тираж 100 экз. Заказ № 142. Цена свободная

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

# **Вестник Ивановского государственного университета**

*Научный журнал*

В соответствии с тематикой научных исследований журнал издается в 3 сериях:

- **ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ - 4 ВЫПУСКА**
- **ЕСТЕСТВЕННЫЕ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ - 2 ВЫПУСКА (online)**
- **ЭКОНОМИКА - 4 ВЫПУСКА (online)**

Адресован преподавателям,  
научным сотрудникам,  
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты  
фундаментальных и прикладных исследований,  
осуществляемых по гуманитарным, общественным,  
естественным и техническим наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит ежеквартально